

**В форуме «Научное знание в условиях Интернета»
приняли участие:**

Андрей Николаевич Алексеев (Санкт-Петербург)

Игорь Александрович Алимов (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

Мария Вячеславовна Ахметова (Журнал «Живая старина»,
Москва)

Юрий Евгеньевич Березкин (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург /
Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Майкл Буравой (Michael Burawoy) (Международная социологи-
ческая ассоциация / Университет Беркли, США)

Иван Александрович Гринько (Российский институт культуроло-
гии, Москва)

Катерина Сергеевна Губа (Европейский университет
в Санкт-Петербурге)

Анна Александровна Желнина (Санкт-Петербургский филиал
Государственного университета — Высшей школы экономики)

Татьяна Аркадьевна Золотова (Марийский государственный
университет, Йошкар-Ола)

Наталья Игоревна Ефимова (Марийский государственный
университет, Йошкар-Ола)

Владимир Иванович Ильин (Санкт-Петербургский государствен-
ный университет)

Михаил Михайлович Красиков (Национальный технический
университет «Харьковский политехнический институт»)

Роман Григорьевич Лейбов (Куратор сайта Ruthenia.ru /
Тартуский университет, Эстония)

Наталья Николаевна Мазур (Российский государственный
гуманитарный университет, Москва / Московский государствен-
ный университет)

Дэвид МакФадьен (David MacFadyen) (Университет Калифорнии,
Лос-Анджелес, США)

Михаил Гершонович Матлин (Ульяновский государственный
педагогический университет)

Валентина Владимировна Метальникова (Российский институт
культурологии, Москва)

Ирина Юрьевна Назарова (Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета)

Елена Эдуардовна Носенко-Штейн (Институт востоковедения РАН, Москва)

Дарья Александровна Радченко (независимый исследователь, Москва)

Эллен Руттен (Ellen Rutten) (Университет Бергена, Норвегия)

Илья Владимирович Утехин (Европейский университет в Санкт-Петербурге / Санкт-Петербургский государственный университет)

Лариса Львовна Фиалкова (Хайфский университет, Израиль)

Научное знание в условиях Интернета

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Появление и бурное развитие Интернета сопоставимо по своим последствиям разве что с появлением письменности. Несмотря на множасьщиеся попытки разобраться в характере происходящих изменений, вопросы, касающиеся изменений в характере научного знания и его функционирования в новых условиях, остаются недостаточно отрефлексируемыми научным сообществом. Такое положение вполне естественно, поскольку мы погружены в этот процесс и необходимая дистанция отсутствует. Тем не менее некоторые темы уже сейчас требуют осмысления. Редколлегия обращается к участникам обсуждения с такими вопросами.

1

Появление необъятного информационного поля привело к тому, что границы научного знания стали не просто расплывчатыми, но и другими. Прежние критерии научного текста перестают работать. Серьезный научный текст можно встретить на любительском сайте и наоборот. Тексты неопределенного характера бесконечно множатся. Как вы думаете, к чему может привести дальнейшее размывание научного знания и должно ли научное сообщество искать какие-то выходы из складывающейся ситуации?

- 2** *Благодаря Интернету возникают новые формы научной коммуникации и обмена информацией между учеными. Исчезает деление на «столичные» и «периферийные» сообщества. Прежние иерархии перестают быть актуальными (это видно на примере различных форумов, в которых принимают участие преподаватели и студенты, исследователи и просто интересующиеся). Вместе с тем есть категория ученых, которые почти или совсем не участвуют в научной сетевой коммуникации (не считая электронной почты). Как вы относитесь к новым формам организации научного сообщества? Каковы, по вашему мнению, возможные последствия происходящей перестройки?*
- 3** *Для студентов, аспирантов, да и для многих опытных исследователей Интернет стал главным источником научной информации, заменив библиотеки, архивы и другие хранилища информации. Между тем все в большей степени дает о себе знать проблема достоверности / аутентичности текстов, которые бесконечно множатся в Сети. Как вы решаете эту проблему для себя?*
- 4** *Интернет все чаще рассматривается как «поле», в котором собирают материал филологи и социологи, антропологи и фольклористы. Очевидно, что это «поле» и его материалы обладают своей спецификой, которая, как кажется, еще слабо отрефлексирована научным сообществом, хотя исследования на этом материале уже проводятся. В чем вам видится эта специфика и как, по вашему мнению, следует обращаться с новым материалом?*

Краткая анкета

Ваш возраст или к какому научному поколению вы себя относите (младшему, среднему, старшему)?

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета (радикально изменилось, значительно, незначительно, вовсе не изменилось)?

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВ

Согласимся, что Интернет не просто новейшее технологическое средство, а социальный институт, возникновение которого произошло буквально на наших глазах, а функционирование успело за пару десятилетий наложить существенный отпечаток на деятельность всех остальных институций. Интернет — важнейший элемент и фактор современной информационной революции.

Относительно научного знания Интернет выполняет, как минимум, следующие основные функции: а) распространение знаний; б) техническое обеспечение научной коммуникации; в) информационный источник или ресурс. (а) и (в) суть внешние, а (б) — внутренняя для социального института науки функция Сети.

Современный ученый, избегающий Интернета или лишенный возможности его использовать в этих трех его ипостасях, фактически обречен на катастрофическое снижение собственного потенциала познания, общения и творчества.

Понятно, что Интернет — очень слабо дифференцированное информационное

пространство, в котором качественное знание перемешано с информационным мусором, массовая, специальная и личная коммуникация переплетены, наука соседствует с паранаукой и т.д. Но в сущности, это свойственно не только Интернету, а и современной коммуникации вообще.

При обращении к Интернету возрастает роль профессиональной, нравственной и, если угодно, эстетической *избирательности субъекта*. Пользователь Интернета, будь то в процессе информационного поиска, электронного общения, публичной коммуникации, постоянно выступает в роли *эксперта*. Чем качественнее эта экспертиза, тем производительнее его информационный труд.

Глобальная информационная база предоставляет, так сказать, равные возможности для чрезмерной доверчивости и для контроля достоверности. Вопрос о фильтрации, отделении научного знания от его имитаций и суррогатов в Интернете решаем отчасти техническими средствами (по аналогии с борьбой со спамом). Однако по-прежнему последнее слово остается не за машиной, а за человеком, оперирующим с информацией в Сети.

Когда-то на заре Просвещения эпистолярное общение выступало одной из первичных форм научной коммуникации. Сейчас, с развитием Интернета, происходит своего рода реинкарнация этой формы при всевозрастающем значении многополюсных диалогов (полилогов), форумов, заочных конференций и т.п. Мало того, становится нормой *повседневное* рабочее сотрудничество отдельных ученых и научных коллективов, разделенных в пространстве.

На наш взгляд, роль Интернета как «поля» для гуманитарных и обществоведческих штудий пока недооценивается. Так, многие задачи, решаемые традиционными методами эмпирической социологии, могут куда более оперативно и «экономно» реализоваться посредством целевых и случайных выборок и анализа материалов Сети.

Понятно, что репрезентация социума здесь специфична. Например, так называемые интерактивные опросы создают заведомо ложное представление о реальных соотношениях социальных черт и мнений. Но для решения задач типологизации явлений и процессов, для выявления нарождающихся тенденций обращения к Интернету может оказаться вполне достаточно. Разумеется, мониторинг «картины мира» в Сети требует специальных процедур корректировки. В то же время в ситуации плюрализма отображений возможно и своего рода взаимопогашение аберраций.

Подводя итог нашим ответам на вопросы журнала, могу сказать: будучи продуктом научно-информационного и технического развития, Интернет становится его (этого развития) приоритетным глобальным фактором.

Краткая анкета

Отношу себя к старшему поколению (76 лет). Под влиянием Интернета радикально изменилось не содержание, но форма и режим моего профессионального труда.

ИГОРЬ АЛИМОВ

1

Не согласен с тем, что границы научного знания стали другими, а прежние критерии научного текста перестают работать. На мой невзыскательный взгляд, расширение информационного поля ни в коей мере не затронуло основ как научного знания, так и научного текста. От того, что серьезный научный текст можно встретить на любительском сайте, принципиально ничего не изменилось: наука осталась наукой, а точность знания — точностью знания. Другое дело, что расширение информационного поля сделало информацию как таковую крайне доступной, и в этом смысле происходящие сейчас в этой области процессы по значимости можно сравнивать с переходом от свитка к кодексу в книжном деле. По всей видимости, в результате среднестатистическое число образованных людей возрастет, и вопрос именно в качестве образования, т.е. той самой информации, которую пользователи сети Интернет, не побоюсь этого слова, потребляют.

А здесь, к великому сожалению, царят, как вы их верно назвали, «тексты неопределенного характера». Широко известно, что авторитеты реальной жизни в Интернете не работают, будь ты хоть трижды академик. Здесь существуют свои, специальные, авто-

Игорь Александрович Алимов
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
hp.alimov@gmail.com

ритеты, в число которых носители подлинного научного знания, как правило, не попадают. Молодежная же аудитория, составляющая львиную долю пользователей Сети, не имеет, к сожалению, явно выраженных критериев в оценке достоверности информации и оттого охотно пользуется «размытым научным знанием», благо доступность такого знания крайне велика: достаточно включить компьютер и соединиться с Сетью.

В этих условиях многие воспринимают предложение пойти в библиотеку как откровенную насмешку, а падение уровня образовательной подготовки в вузах всему этому верхоглядству только способствует. В наши дни крупнейшим авторитетом становится свободная сетевая энциклопедия «Википедия», куда каждый, независимо от возрастного ценза, уровня образования и степени подготовки, может добавить какие угодно материалы или же отредактировать материалы чужие так, как лично ему кажется правильным и необходимым. Понятно, что про научное знание речь тут ни в коей мере не идет, и к науке все это никакого отношения не имеет.

Что в этой ситуации может сделать научное сообщество? Боюсь — практически ничего. Некоторая проблема состоит в том, что серьезные ученые много времени Сети не уделяют, и это понятно, поскольку им и без того есть чем заняться. Смешно требовать от ученого, чтобы он занимался подвижнической деятельностью в Интернете: вместо занятий наукой разоблачал воинствующее невежество, бичевал откровенную глупость и вступал в бесконечные споры с сонмом сетевых анонимов, не придерживающихся, как правило, элементарных норм вежливости общения. Ну а такие вещи, как создание специализированных сайтов, на которых можно было бы размещать подлинно научную информацию, у нас отчего-то не работают: видимо, не дозрели еще до этого уровня наши замечательные нанотехнологии.

Я имею в виду, что это вопрос не только научного сообщества, но в первую очередь государственный. И решаться должен на государственном уровне, потому что на голом энтузиазме и идее нести знания в массы (а что еще может предложить научное сообщество?) решен быть не может. Нельзя обязать ученого посещать Интернет, но можно обеспечить регулярную и адекватную публикацию в Сети результатов исследований хотя бы в области гуманитарных наук, а это требует определенных филантропических затрат, которые может позволить себе только государство, если оно понимает важность и необходимость таких затрат, разумеется.

2

Как бы я ни относился к новым формам коммуникации и организации научного сообщества, это свершившийся факт. Равно как и электронные книги: да, мне более приятен шелест бумажных страниц, но глупо отрицать полезность и удобность электронного формата. Последствия и того, и другого разные, в том числе положительные (распространение знаний, например). Другое дело, что знания эти должны отвечать неким критериям истинности, равно как и электронные книги — элементарным требованиям допечатной подготовки вроде редактуры и корректуры. Уверен, что в Сети просто необходимы своеобразные научные клубы по интересам, где ученые могли бы обмениваться мнениями, спорить или вести дискуссии. Ведь, вы правы, Сеть снимает вопрос расстояний, и тот разговор, который позавчера был просто невозможен по причинам географического свойства, сегодня ученые могут вести запросто. Более того, такой разговор жизненно необходим, поскольку ни для кого не секрет, сколь убывающе мало количество российских специалистов в разных сферах научного знания.

Но клубы такие должны быть полузакрытыми, т.е. в них обязаны наличествовать строгие ограничения на возможность действий для рядового пользователя, например на свободное вступление в беседу. Пусть имеют возможность читать, но не вмешиваться. Я не сторонник того, чтобы студенты перебивали преподавателей, а любая кухарка умела управлять государством. Пока же в Сети все выглядит именно так, и приехавший из двухнедельной туристической поездки по Китаю Василий Васильевич Пупкин тоном эксперта с мировым именем разъясняет любому и каждому любой и каждый вопрос, связанный с любым и каждым аспектом жизни этой древней страны, а также заодно обучает китайскому языку, который постиг за эти две недели. Именно поэтому, кстати, многие серьезные ученые в сетевой жизни и не принимают участия: просто экономят время и нервы. И это тоже — последствия.

3

Да, описанная вами ситуация — самая чудовищная. В Сети тут и там встречаются такие глупости, что в горле пересыхает, а когда пытаешься указать на это, сетевые анонимы тебя спрашивают: а ты кто такой? Поэтому лично я перестал указывать на глупости, ибо почти всегда бесполезно, а жизнь коротка. И я использую Сеть как некий первоначальный справочник, который может (а может, и нет) указать приблизительное направление поисков нужной информации, а уж дальше в дело вступают источники проверенные, то есть книги. Но сориентироваться Сеть помочь может. Найти же достоверное знание, как правило, нет. Нужно просто отдавать себе в этом отчет. (Если мы не ведем, конечно, речь о легальных сетевых библио-

теках, в которых регулярно выкладываются научные материалы, выполненные в формате, позволяющем использовать эти материалы как объекты цитирования, проще говоря, в виде pdf-файлов, адекватно сохраняющих бумажный оригинал. И здесь Сеть, вне сомнений, крайне полезна, ибо она позволяет найти такие источники информации — поистине бесценные.)

4

Ничего не могу сказать по этому поводу, а выдумывать не хочется.

Краткая анкета

46 лет, среднее поколение.

«В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета?» — значительно. Я получил доступ к ряду китайских цифровых библиотек, позволяющих за умеренную плату скачивать самые последние статьи в pdf-файлах по интересующим меня научным темам. Воспринимаю это как личный прорыв.

МАРИЯ АХМЕТОВА

1

Я не вижу здесь большой проблемы. Прежде всего, как мне кажется, рано говорить о размывании научного знания и объявлять неработающими прежние критерии научного текста. Ведь, например, и в доинтернетовскую эпоху существовали (и существуют до сих пор) популярные издания, скажем, фольклорно-этнографического характера, где выдержки из серьезных научных текстов соседствовали с выдержками из заведомых фальсификатов наподобие трудов И.П. Сахарова, дилетантскими этюдами составителей этих изданий на тему «основного мифа» и неизвестно чьими полевыми записями неизвестно какой степени достоверности. Разумеется, этих текстов было меньше, чем такого рода сайтов (поскольку издать книгу дороже, чем открыть в Интернете страницу или блог). Кроме того, для знакомства с книгой надо приложить определенные

усилия (сходить в библиотеку или книжный магазин), а сетевое пространство во всем своем свете открывается перед нами в любом месте, где есть компьютер и выход в Интернет. Но что касается доверия ко всему, что есть в Интернете, то для приличных исследователей верификацию источников вроде бы никто не отменял. Кроме того, станет ли приличный исследователь цитировать серьезную научную работу по сомнительному изданию? Вряд ли. Значит, не будет он цитировать ее и по сомнительному сайту.

Разумеется, кроме приличных исследователей, есть и другие. Во-первых, это нерадивые студенты, копирующие из Интернета материалы для рефератов, курсовых и дипломных работ, докладов и т.д. Во-вторых, это исследователи недобросовестные, если называть вещи своими именами — халтурщики и плагиаторы. (Впрочем, и те, и другие были всегда, хотя, по свидетельствам преподающих коллег, с появлением Интернета студенты стали списывать больше.) В-третьих, это люди, которые по разным причинам интересуются теми же проблемами, что и ученые, не относясь при этом к академическим кругам (это могут быть как частные лица, на досуге «занимающиеся наукой», так и, например, журналисты, писатели и т.д.). От первых (нерадивых студентов) вреда вроде бы мало, но из них нередко вырастают вторые (т.е. плагиаторы с учеными степенями), от которых вреда, несомненно, больше. Против первых и вторых существуют различные программы наподобие «Антиплагиата» или «Детектора плагиата». Что же касается третьих, если они являются не только читателями, но и производителями сетевых текстов, то приличный ученый к их работам будет относиться критически (впрочем, как к любому тексту вне зависимости от его формы).

2

Участвовать или не участвовать в сетевой коммуникации — это во многом дело привычки. Вероятно, следующее поколение исследователей, перефразируя известную фразу советских лет, будет полностью «жить при Интернете». Однако мне не очень понятно, как участие в форуме может деактуализировать прежние иерархии. Конечно, легко себе представить студента или аспиранта, пришедшего на форум анонимно или под непознаваемым ником с целью нахамить нелюбимому «преподу», но живем, преподаем, сдаем экзамены и защищаем диссертации мы все-таки в «реале», где студент остается студентом, а преподаватель — преподавателем.

Польза же от сетевой научной коммуникации, думаю, для всех очевидна. Участие в рассылках, книгообменных сообществах (наподобие замечательной электронной библиотеки Dlibrary), специализированных форумах, блогах и социальных сетях

позволяет коллегам из разных городов (да и стран) не только общаться на научные темы, но часто и вообще узнавать о существовании друг друга, а также помогать, обмениваясь ссылками на литературу или собственно электронными вариантами публикаций, не для всех доступных, делясь информацией о конференциях, грантах и конкурсах, ища авторов для тематических подборок в журналы и сборники и т.д. О пользе таких площадок для обмена информацией могу сказать по собственному опыту, будучи участником (и модератором, вместе с М.Д. Алексеевским и А.Б. Ипполитовой) сообщества <ru_folklorist> в «Живом журнале», активно функционирующего, однако не слишком многочисленного (менее 400 читателей): фольклористика — дисциплина все-таки довольно узкая. Хотелось бы отметить и другие блоги научно-гуманитарной тематики, созданные на платформе «Живого журнала», например лингвистическое сообщество <terra_linguarum> (более 2000 читателей) и социально-антропологическое <soc_anthrop> (более 1000 читателей). То, что существуют не только закрытые профессиональные сообщества (наподобие международной социальной сети Academia.Edu), но и общедоступные, на которые может подписаться любой желающий, — это скорее хорошо именно для популяризации подлинного научного знания (не в том смысле, в котором в первом вопросе форума было употреблено слово «размывание», а в смысле, если угодно, пропаганды науки).

Впрочем, есть и обратная сторона. Чем популярнее для общества в целом поле исследования некоей научной дисциплины (особенно если эта популярность имеет идеологические коннотации), тем больше будет в соответствующем интернет-сообществе тех самых «интересующихся» (которые не занимаются наукой профессионально, а просто «что-то читали и хотят высказаться») и соответственно больше не имеющих отношения к науке дискуссий. В качестве примера можно привести многочисленные исторические сообщества, в частности <ru_history> (более 5000 читателей), где, несмотря на оправданно жесткую модераторскую политику, периодически разгораются отнюдь не научные «флеймы» по поводу, например, Гражданской и Великой Отечественной войн и некоторых других волнующих общественность тем. В политологические блоги я не заглядываю, но подозреваю, что там дело обстоит еще хуже. Однако и здесь вряд ли можно говорить о «размывании научного знания»: разумеется, каждый останется при своем мнении.

3

Вопрос, как мне кажется, состоит из двух пунктов.

По поводу первого пункта (об Интернете как о хранилище информации) я серьезной проблемы не вижу. Если исследователь

(а также студент и аспирант) неленив и добросовестен, то Интернет, безусловно, **не может** заменить ему библиотеки и архивы (особенно последние). Конечно, если абсолютно вся литература, требующаяся для конкретного исследования, выложена в Сети, то заменяемость была бы возможной. Однако для «книжных» материалов так чаще всего не бывает, а для архивных тем более. Что касается литературы, то хорошо, если в Сеть выкладываются полные тексты книг или статей (в виде верстки или сканов) или если размещением отсканированных книг занимаются те, кто понимают, для чего литература размещается в Сети, и поэтому вычитывают (по крайней мере стараются вычитывать) отсканированные тексты и воссоздают пагинацию. Однако несерьезно пользоваться невычитанной копией, где может быть полно ошибок сканирования, в отражении букв с диакритическими знаками, например, а целые фрагменты могут просто потеряться! Поэтому Интернет может быть в этом смысле лишь хорошим подспорьем для работы.

Хотелось бы отметить известный многим сервис «Google. Книги», где размещено довольно много отсканированной литературы, в том числе научной. Однако в большинстве случаев там показывается лишь часть страницы или даже абзаца (и для дальнейшего уточнения все равно приходится идти в библиотеку), а ссылки на периодические издания приходится проверять в любом случае: сервис показывает только год и страницу, но не показывает номера. Но в качестве одного из средств поиска информации это серьезная и очень полезная помощь, во многом облегчающая поиск литературы и источников.

Второй пункт, касающийся достоверности текстов, с первым связан, на мой взгляд, скорее опосредованно. Что касается отношения к сетевым текстам как к источникам, то если они единственный материал для специфического исследования (например, по особенностям сетевой коммуникации или по интернет-речи), то как раз в библиотеке в поисках источников делать нечего. Если же мы говорим об Интернете как о корпусе источников для исследования проблем, не связанных исключительно с сетевой коммуникацией, то встает вопрос о верификации этих источников, но и с этим, как мне кажется, всё довольно просто.

Приведу пример. Допустим, я пытаюсь установить по данным Интернета региональное распространение обычая «караулить солнце / солнышко» в ночь перед праздником Петра и Павла (подразумевается, что молодежь проводит эту ночь вне дома, встречая восход «играющего» солнца и совершая различные бесчинства). Мне попадает текст из сетевой версии газеты «Заинские новости» (Заинск, Республика Татарстан) от 22 июля

2004 г., где описывается, что «деревенская молодежь еще с вечера уходит в поле и здесь, вдали от родительского надзора, проводит всю ночь, “карауля солнышко”. <...> Старики же утврждают, что обычай караулить солнце первоначально был для того установлен, чтобы отогнать от села русалок. <...> Петров день в Заинске отмечали всегда».

На первый взгляд, это можно считать свидетельством известности обычая в соответствующем локусе (хотя внимательного читателя может смутить некоторая архаичность стиля). Однако поиск показывает, что в газете всего лишь цитируется отрывок из «Крестной силы» С.В. Максимова (которая, кстати, относится к тем самым текстам, что «бесконечно множатся в Сети»). Просто этот фрагмент журналист настолько искусно вплел в канву текста, что можно подумать, что в Заинском районе молодежь действительно караулит солнце, а старики рассказывают ей про разгулявшихся под Петров день русалок.

А вот сообщение с сайта «Орловское информбюро» от 12 июля 2007 г. об усилении в Орле милицейских патрулей в ночь на Петров день с целью предотвратить «агрессивность “караулящей солнце” молодежи» или запись некой орловчанки на форуме («Мы добросовестно всю ночь не спали — солнце караулили, когда всходить начнет») я сочту релевантными источниками, отражающими конкретный опыт и конкретную речевую практику.

Разумеется, Интернет предоставляет возможность копировать тексты, но он же часто позволяет устанавливать и первоисточник или, по крайней мере, выяснять, кто и что откуда скопировал.

Конечно, чтобы понимать это, нужны как опыт поиска в Интернете, так и определенные навыки работы с источниками вообще. Вполне вероятно (хотелось бы надеяться), что придет время и в числе источниковедческих дисциплин появится какое-нибудь «интернетоведение». В любом случае, все большее распространение Интернета этому всячески способствует.

4

При ответе на этот вопрос оставляю за рамками проблемы, связанные с изучением исключительно сетевой коммуникации и коммуникативных практик, интернет-речи, существующих в пределах Сети сообществ и их жаргона и т.д. Кроме того, говорить я буду о наиболее специфических источниках, связанных с общением в Интернете (прежде всего блоги, форумы, чаты, социальные сети).

Во-первых, специфика сетевого «поля» естественным образом вытекает из таких всем известных особенностей сетевой ком-

муникации, как виртуальность и анонимность. Приведу пример, связанный со сферой моих сегодняшних интересов в Интернете (выявление региональных вариантов лексики, речевых клише и текстов). Скажем, не всегда очевидны личные данные автора интересующего нас высказывания (в блогах и форумах не всегда указывается место жительства, а если указывается, то оно не всегда совпадает с местом рождения, что для некоторых задач принципиально важно; в форумах также крайне редко указывается возраст). Иногда это можно уточнить по косвенным данным (так, в профиле может быть указан адрес странички в социальной сети, например в “Vkontakte” или «Одноклассниках», где вся эта информация обычно есть). Иногда приходится задавать вопросы автору высказывания — в блоге это сделать намного проще и продуктивнее, чем на форуме. Могут, конечно, не ответить, но чаще отвечают. Разумеется, можно столкнуться и с виртуальной личностью, когда данные об авторе полностью или частично не соответствуют действительности. Например, когда я проводила опросы в «Живом журнале», в них участвовала девушка, в профиле которой было указано, что она окончила школу в Кимрах и учится в Москве. Но я-то по личной переписке с ней знала, что она всю жизнь живет в Нижнем Новгороде, просто ей понравилось слово «Кимры». Гарантии, что у остальных участников опросов в профиле написана правда, нет, но все-таки, как мне кажется, такие случаи скорее редки, а у пользователей Интернета, по моим ощущениям (могу ошибаться), с растущей популярностью социальных сетей растет и степень установки на сообщение подлинной информации о себе.

Во-вторых, специфика обусловлена письменным характером текстов, размещенных в Интернете (хотя сетевая коммуникация и близка к устной). Чем больше по объему текст, тем более разительно будет отличие его воспроизведения в Интернете от того, как бы он рассказывался устно. Для исследования сюжетов и мотивов это может быть не слишком большой проблемой, для исследования поэтики, наверное, серьезной.

В-третьих, специфика материала связана со средой активных пользователей Интернета. Если обратиться к блогам, по которым до некоторого времени велась статистика, как отмечено в последнем выпуске бюллетеня «Блогосфера Рунета», средне-статистический блоггер — это москвичка 22 лет¹. Налицо и раз-

¹ Блогосфера Рунета: Весна 2009 года: По данным Поиска по блогам Яндекса: <http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_spring_2009.pdf>. По форумам и социальным сетям такой статистики, насколько я понимаю, нет, и возможно, она была бы несколько другой.

ная степень распространения блогов на русскоязычном пространстве: в первую тройку входят Москва, Петербург и Киев (соответственно 49 тыс., более 37 тыс. и более 15 тыс. блоггеров). В остальных городах менее 10 тыс. блоггеров; при этом и распределены блоги неравномерно (например, в Самаре с населением 1 млн 133 тыс. чел. существенно больше блоггеров, чем в Казани, где живет 1 млн 138 тыс. чел.).

Иными словами, в сетевой коммуникации принимают участие преимущественно молодые жители крупных городов. Поэтому и содержащаяся в блогах информация (в том числе фольклорно-этнографические факты, даже вполне традиционного извода) обусловлена социокультурными аспектами. Вряд ли мы найдем в блогах много релевантного материала по скотоводческой обрядности, но, например, по гаданиям или детским играм материала там недостаточно.

Наконец, еще одна проблема, касающаяся уже не исследования, а атрибуции материалов, публикации и редактуры, — это цитирование и ссылки на сетевые источники. «Бумажный» источник (если не брать в расчет уничтожение документов и изъятие тиражей) остается обычно навсегда. Запись на форуме может вырезать модератор, блоггер может удалить свой блог, а форум могут закрыть за неуплату. Разумеется, текст будет храниться в кэше поисковых машин, но не вечно.

Вообще задача ссылки — указать путь, по которому заинтересовавшийся читатель может найти документ. Если документ удален, то найти его не поможет никакая информация о «дате обращения» (формулировка, предусмотренная ГОСТом Р 70.5–2008). Тот же ГОСТ, кстати, предлагает ссылаться на форумы так, что найти по этой ссылке документ все равно нельзя: в приведенном образце указывается лишь адрес форума, фактически же адрес страницы, на которой находится цитируемый текст, может выглядеть совсем по-другому. Значит ли это, что нужно приводить адрес страницы целиком? Мне кажется, это не всегда оправданно, потому что если запись удалена, то это все равно ничего не даст, а если на форуме с момента цитирования будет сделано еще несколько десятков записей, то адрес может через некоторое время измениться (а если запись сделана в социальной сети, то приводить ее адрес вообще бессмысленно). (Не говорю уже о том, что такого рода полный адрес может быть необычайно длинным и его отображение весьма неудобно с издательской точки зрения.) Конечно, можно возразить, что искать текст можно, не набирая адрес на компьютере и глядя в «бумажную» публикацию, а вводя отрывок цитируемого текста в поле поиска, например, Яндексa. Но и здесь проблема: с одной стороны, именно по конкретной

набранной фразе поисковик может не найти текста (это техническая проблема, о которой вряд ли уместно говорить здесь). С другой стороны, если автор или редактор поправил орфографию в тексте, вообще ничего найдено не будет (известно, что орфография и пунктуация у пользователя Интернета может быть совершенно чудовишной и оставлять ее без исправления в большинстве случаев, за исключением, пожалуй, «олбанской» и подобной ей орфографии, вряд ли оправданно).

Как решать эту проблему, не знаю, лично для себя считаю возможным в большинстве случаев ограничиваться названием форума / блога, указанием даты (года) и при необходимости — темы.

Вообще же Интернет действительно дает богатейшие возможности для поиска и сбора информации, в том числе, например, по вполне традиционным фольклорно-этнографическим фактам (разумеется, тем из них, которые не потеряли актуальности в наши дни), и игнорировать его нельзя. Конечно, Сеть не может заменить экспедиций. Но благодаря поиску в Интернете и анализу найденных текстов можно выявлять современное бытование различных ритуальных практик, текстов и их вариантов, речевых клише (в том числе, например, их региональное распространение), не выходя из дома. Причем если мы относимся к Интернету как корпусу текстов, важно грамотно задавать ключевые слова в поле поиска, но это уже технический вопрос.

Предоставляет Интернет и хорошие возможности для проведения опросов (от проставления «галочек» в анкете до размещения в Сети опросников, предполагающих более или менее развернутые ответы). Однако надо учитывать, что чем меньше людей посещает ту или иную сетевую площадку, тем меньше мы получим ответов. К тому же отвечают далеко не все. Например, проведя опрос в сообществе, которое на тот момент читало более 8 тыс. чел., я получила чуть более 300 результативных ответов (в ряде случаев приходилось уточнять информацию у участников опроса). Сложнее с полными, «качественными» интервью, и это понятно: вступать в долгую переписку для пользователя Интернета физически может быть сложнее, чем устно отвечать на вопросы собирателя. Впрочем, практика (моя и коллег) показывает, что результаты, полученные при таких интервью, часто бывают очень полезными.

Краткая анкета

1978 г.р. («младшее поколение»).

Значительно изменилось.

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

Я отвечаю на все вопросы сразу.

Мне кажется, что влияние Интернета на науку сильно преувеличено. Разумеется, это великое техническое изобретение, которое сделало связанный с обработкой информации труд гораздо эффективнее, чем он был раньше. Во-первых, исчезла проблема доступа к справочной информации. Чтобы узнать, ближе ли язык бонго к сора или к джунг и где в точности находится остров Мота Лава, теперь требуется минута. Во-вторых, открылась возможность практически ментального обмена текстами и картинками — с коллегами и с издательствами. Налицо колоссальная экономия времени и сил. Но, пожалуй, и всё.

Большинства публикаций, представляющих исходный материал для исследований, в Интернете нет: ни в свободном доступе, ни даже на сайтах, где требуются логин и пароль. Наверное, это зависит от отрасли знаний, но из журналов и книг, которые интересуют меня, в Интернете доступны 1–2 %. Поэтому добывание литературы как было, так и остается главной задачей. Другое дело, что друзья и коллеги не обязательно должны теперь делать для меня ксерокопии, а могут отсканировать текст и послать электронной почтой. Но и эта возможность есть далеко не у всех.

Научный текст отличается от ненаучного, понятное дело, не местом публикации, а содержанием. “Man” или “Anthropos” — солидные журналы, вовсе не электронные, но и в них попадает всякая ерунда. Я не стану, однако, рассуждать на тему, что такое «научный текст», поскольку она всегда была актуальна и с Интернетом напрямую не связана. Никакого размывания научного знания я не вижу. Есть люди, чьему мнению я доверяю больше, чем мнению других, но факты в любом случае признаются не на

Юрий Евгеньевич Березкин

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург / Европейский
университет в Санкт-Петербурге
berezkin1@gmail.com

основании мнений, а на основании конкретных доказательств. Не думаю, чтобы появление Интернета каким-либо образом отразилось на «научных иерархиях». То же и с научными сообществами. В них входят люди, которые занимаются сходными проблемами и придерживаются сопоставимых взглядов или, во всяком случае, не считают друг друга врагами. При чем тут Интернет?

Я не уверен, что с появлением Интернета информационное поле стало «необъятным». Оно расширилось за счет того, что теперь стало можно одинаково оперативно общаться как людям, работающим в одном учреждении, так и тем, кто живет на противоположных краях света. Но это общение через обычную почту существовало и раньше. Сейчас оно упростилось, круг общения, возможно, тоже расширился, но не так уж существенно. Что же касается разных коллективных «чатов», в том числе и сугубо научных, то мне никогда не приходило в голову тратить на них свое время. То же касается и чтения «текстов неопределенного характера».

Интересующую меня информацию в «поле» Интернета найти нельзя, так что по данному поводу мое мнение несущественно. Все же мне кажется, что и здесь Интернет — это только техническое средство, способ быстрее войти в контакт с информантами. Строить же само исследование только на интернет-общении можно лишь в случае, если именно этот виртуальный мир и является исследуемым объектом.

Принято говорить о многих минусах и опасностях, обусловленных появлением Интернета. Дети книжек не читают, студенты скачивают рефераты, часами занимаются виртуальной болтовней, не понимают, что прежде, чем новая информация оказывается в Интернете, ее кто-то должен добыть. Однако это то же самое, что винить коноплю в распространении наркотической зависимости. Конопля — полезное растение, дает волокно для изготовления канатов и прочной одежды, а если ее используют во зло, то вопросом этим должны заниматься не ботаники и землепашцы, а социологи и политики.

МАЙКЛ БУРАВОЙ

Цифровые миры: как международная социологическая ассоциация использует электронные медиа

Частью моей избирательной платформы (на пост президента международной социологической ассоциации, далее — МСА) стали планы внедрения в жизнь серии цифровых проектов. В течение последних шести месяцев я работал по следующим направлениям.

— Глобальный диалог (многоязычный электронный информационный бюллетень).

— Университеты в кризисе (блог международной социологической ассоциации, посвященный мировому кризису высшего образования).

— Да здравствует глобальная социология! (открытый университет, дающий возможность зрителям по всему миру видеть ведущих социологов).

— Sociotube (фильмы и видеоролики о повседневной жизни социологов, созданные членами ассоциации).

— Институты публичной социологии (создание всемирной сети социологий, вовлеченных в общественную жизнь).

— Facebook (поддержание контактов с членами ассоциации и ее друзьями).

Цель этих проектов — не только адаптация Международной социологической ассоциации к требованиям XXI в. Нашу деятельность необходимо сделать доступной для тех, кто не может приезжать на мероприятия — Социологический форум и Всемирный конгресс. Это позволит не только включить в нашу жизнь исключенных из нее, но и поддерживать связь с нашими членами в периоды между встречами. Идея состоит в том, чтобы информировать наших членов о деятельности МСА и создать площадку для дебатов и дискуссий.

Позвольте мне пояснить содержание каждого проекта.

Майкл Буравой (Michael Burawoy)

Международная социологическая ассоциация / Университет Беркли, США
burawoy@berkeley.edu

1. Глобальный диалог

У МСА не было ничего похожего на информационный бюллетень с того времени, когда Иммануил Валлерстайн разослал восемь писем членам ассоциации в 1994–1998 гг. Растущая организация глобального масштаба должна иметь Информационный бюллетень на наших трех основных языках. Вышло уже три выпуска «Глобального диалога» (8, 12 и 17 страниц). Его начали выпускать на пяти языках (английском, испанском, французском, упрощенном и традиционном китайском), в третьем выпуске добавились португальский, японский и арабский языки. На этом форуме мы серьезно относимся к языковому вопросу, что позволит сделать его доступным большему числу социологов.

Содержание «Глобального диалога» включает:

- дебаты относительно глобальной и международной социологии, в которых в качестве авторов статей, поднимающих проблему, выступают ведущие социологи;
- интервью с ведущими социологами;
- отчеты о конференциях МСА по всему миру;
- отчеты о работе журналов МСА;
- «Уголок истории» Дженнифера Плата;
- колонка «Права человека» (находится в процессе подготовки).

В Барселоне у нас есть команда, ответственная за сверку английской редакции, перевод на французский и дизайн, размещение Информационного бюллетеня на французском, английском и испанском. В нашей команде есть молодые социологи-переводчики в Японии, Бразилии, Тайване и Барселоне. Идея состоит в том, чтобы создать сеть команд по всему миру, которые будут формировать узлы глобальной социологии.

2. Университеты в кризисе

Это проект, возникший на конференции национальных ассоциаций в Тайбэе. Поначалу это был блог, позже он переместился на сайт МСА. В нем содержатся отчеты из 40 стран. Для продолжения этого важного проекта необходимо развивать редакционный отдел. Проект становится все более значимым в период, когда университеты мира сталкиваются с уменьшением финансирования, приватизацией и / или государственным регулированием.

3. Да здравствует глобальная социология! (Global Sociology, Live!)

Здесь мы используем цифровые средства массовой коммуникации, чтобы сделать повсеместно доступными курсы глобальной социологии, подготовленные известными социологами со всего мира и поднимающие глобальные вопросы. Этот проект организован в Беркли как курс для студентов бакалавриата и использует передовые технологии видео- и телеконференций. Каждую неделю ученый читает лекцию и затем отвечает на вопросы студентов, предварительно обсудивших его работу. Каждая программа длится 50 минут. К настоящему моменту в ней состоялись следующие обсуждения.

1. Майкл Буравой (Michael Burawoy). Введение в глобальную социологию.
2. Дэвид Харвей (David Harvey). Краткая история неолиберализма.
3. Майкл Уоттс (Michael Watts). Нефть, незаконное лишение прав собственности и насилие в дельте р. Нигер.
4. Ананья Рой (Ananya Roy). Капитал бедности на Ближнем Востоке.
5. Уолден Белло (Walden Bello). Многопрофильные (multi-later) организации, их прошлое и будущее.
6. Чин Кван Ли (Ching Kwan Lee). Китайский капитал становится глобальным (в стадии подготовки).
7. Сари Ханафи (Sari Hanafi). Кризис и возможности Ближнего Востока (в стадии подготовки).

Пока проект находится в экспериментальной фазе, если говорить о содержании, формате и технологии. Финансируют его различные организации в Беркли. И до сих остается открытым вопрос о том, как мы будем двигать его дальше.

4. Sociotube

План состоит в том, чтобы создавать короткие фильмы о социологии в действии. Это могут быть фильмы о конференциях, как, например, созданные Анни Лин (Annie Lin) и Анной Виллареаль (Ana Villarreal) фильмы о конференции национальных ассоциаций в Тайбэе (2009). Я также надеюсь начать серию видеофильмов об одном дне из жизни социологов в разных частях мира. К настоящему моменту у нас есть только один, созданный Эстером Оливером (Esther Olivier) из Института преодоления неравенства (университет Барселоны). Мы должны подумать о том, как лучше развивать этот проект.

5. Институты публичной социологии

Имеется целый ряд институтов, разбросанных по всему миру, которые известны своей научной вовлеченностью в жизнь общества. План состоит в организации их взаимосвязей, вовлечении их в диалог друг с другом, чтобы мы могли разработать модели, которым можно следовать где угодно. Мы начинаем эту работу с двумя институтами: CREA (Institute for overcoming Inequality, University of Barcelona) и SWOP (Institute of Work, Development and Society at the University of Witwatersrand). Я стараюсь подготовить список кандидатов для более широкой сети. Мы ждем любых предложений. Я надеюсь организовать где-нибудь конференцию, чтобы дать возможность каждому институту описать, как он практикует свою социологию. Относительно публичной социологии состоялось много дебатов, пришло время обсудить, как ею заниматься.

6. Facebook

Для усиления двусторонней коммуникации между исполкомом и членами мы создали страничку МСА в Facebook, где можем еженедельно или даже ежедневно информировать о деятельности МСА и получать в ответ комментарии. Здесь мы можем размещать последний выпуск «Глобального диалога», «Да здравствует социология!» и новейшие материалы, выложенные в «Sociotube». Пока все находится в состоянии планирования, но вскоре станет ключом к завоеванию глобальной аудитории для обсуждения нашей деятельности.

Выводы

Мы можем развивать все виды цифровых миров, но нет уверенности, что каждый из них будет услышан или увиден. Я хотел бы развить их как можно больше в следующие три года в надежде, что некоторые из них будут замечены. Надеюсь, что широкий спектр наших усилий будет иметь синергетический эффект, благодаря тому что каждое будет продвигать другие. Если не пробовать, мы никогда не узнаем, какой потенциал они имеют для МСА.

Наши попытки развивать и поддерживать эти проекты в течение следующих трех лет дадут долговечный результат только при условии, что ответственность за них возьмут не только члены исполкома, но и другие социологи за его пределами. Одно из направлений — подготовка нового поколения социологов, которые выросли с новыми цифровыми средствами массовой коммуникации. Поэтому, куда бы я ни поехал, я встречаюсь с молодыми социологами, рассказываю им о МСА и ее проек-

тах, собираю их электронные адреса и стараюсь рекрутировать их в наши проекты. Я хотел бы вас просить делать то же самое. Команды молодых переводчиков «Глобального диалога» могли бы действовать как узловые пункты в возникающей глобальной сети.

Короче, наши цифровые миры предлагают следующее.

— Как только люди увидят, что в МСА есть нечто большее, чем участие раз в четыре года в ее конгрессах и заседаниях исследовательских комитетов, мы сможем расширить ряды наших членов.

— Посредством эти проектов мы сможем развивать среди социологов мира чувство сообщества и общности целей. Это происходит в исследовательских комитетах и национальных ассоциациях, но это может происходить и в масштабах всей МСА.

— Мы будем расширять участие в МСА и особенно вовлекать новое поколение социологов для работы на руководящих позициях.

— Мы будем создавать более глубокую и открытую культуру, посредством которой члены ассоциации будут иметь доступ к информации о деятельности исследовательских комитетов. Там будет больше прозрачности и демократии.

— И последнее: мы сможем проецировать себя за пределы нашей членской базы и за пределы социологии на другие дисциплины и категории публики. Таким образом, мы будем более заметны в национальном и глобальном масштабах.

Пер. с англ. Владимира Ильина

ИВАН ГРИНЬКО

1

Я бы не стал говорить о наличии прямой связи между появлением и развитием Всемирной паутины и размыванием границ научного знания. С тем же успехом можно причиной последнего обозначить популярность философии постмодернизма или исчезновение «единственно верной идеологии». Приведенный в вопросе пример, по сути, не что иное, как классическое внеконтекстное цитирование, характерное для массы лженаучных работ, но от того что их

Иван Александрович Гринько
Российский институт культурологии,
Москва
wagrishe@gmail.com

процитировал один известный «расолог», ни Д.Н. Анучин, ни В.П. Богданов не перестанут быть классиками отечественной антропологии.

Естественно, что неограниченный доступ к информации привел к тому, что любой «не забаненный в Гугле» восьмиклассник может дать фору французскому энциклопедисту. Однако этот факт лишь подчеркивает старую истину, что шкаф с книгами и хороший ученый — это две большие разницы. Основная функция ученого не накопление, хранение и воспроизводство информации, а ее структурирование и синтез нового знания.

Говорить можно не столько о размытии границ научного знания, сколько о восприятии этих границ и авторитета науки в глазах достопочтенной публики. Вооружившись цитатами из Википедии, теперь можно «ниспровергать устоявшиеся исторические мифы» и заниматься прочей «общественно полезной деятельностью», не получив даже минимального образования в области гуманитарных и общественных наук. Это, безусловно, проблема, однако проблема, касающаяся не столько сущности, сколько самопозиционирования науки. Для российской этнологии (и не только ее одной) это особенно актуально ввиду почти полного отсутствия качественных научно-популярных изданий о методике и основных понятиях дисциплины. Однако этот вопрос выходит за рамки предложенной темы.

Впрочем, если мы говорим, что Интернет усугубил эту проблему, нельзя не сказать и о том, что он же дал массу инструментов, чтобы ее решить: сайты, блоги, конференции — все это относительно простые и дешевые средства для популяризации науки, необходимо только активнее ими пользоваться. Шаги в этом направлении предпринимаются, и уже можно говорить об определенных успехах. В рейтинг научных блогов “S&T RF” (Наука и технологии Российской Федерации) попало сразу два «журнала» по этнологической тематике, сообщество НП «Проект Этнология» в социальной сети «Вконтакте» уже насчитывает более десяти тысяч участников, что для закрытой научно-популярной группы является очень неплохим результатом. Именно в области популяризации науки Интернет предоставляет наиболее интересные перспективы, и ими необходимо пользоваться.

Другое дело, что в русскоязычном сегменте Сети этнологических проектов не так уж и много, а те, что есть, на мой взгляд, недостаточно активны. Не хотелось бы интерпретировать это как маркер общего положения дел в отечественной этнологии, хотя полностью отрицать это тоже не стоит. Скорее проблема в том, что очень трудно пересечь «тонкую красную линию» между академическим миром и реальной жизнью. Зачастую

этот переход осуществляется только формально, например опубликованием в блоге научной статьи. И эффект в данном случае гораздо меньше, чем он мог бы быть.

2

Подобные формы научной организации отнюдь не новы. «Ни в одной области при организации и направлении работы общественное мнение не играет такой важной и ведущей роли, как в области науки. Этим и объясняется, что как только в стране начинает развиваться научная работа, то сразу же возникают научные общества, академии и другие аналогичные объединения ученых, на которые опирается здоровый рост науки», — писал П.Л. Капица еще полвека назад [Капица 1989]. Если вспомнить историю российской и зарубежной этнологии, то мы увидим, что эта дисциплина, как и многие другие, обязана своей институционализацией именно добровольным научным сообществам. Историю российской этнологии до сих пор ведут с 1 октября 1845 г. — момента образования Российского географического общества, и никто особенно не пытается оспаривать этот факт. Нельзя не отметить роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), созданного в 1864 г. при Московском университете, в развитии отечественной науки. И эти два ведущих сообщества отнюдь не были исключениями. Наоборот, они задали модель, и во второй половине XIX — начале XX в. в Российской империи возникла целая сеть научных обществ. Среди них можно выделить Казанское общество археологии, истории и этнографии (1877), Архангельское общество изучения Русского Севера (1908), Грузинское общество истории и этнографии (Тифлис, 1907), Еврейское историко-этнографическое общество (Санкт-Петербург, 1908), не говоря уже о многочисленных отделениях РГО в разных городах. К началу 1930-х гг. эта самовоспроизводящаяся структура была почти полностью уничтожена, но это отнюдь не значит, что она была нежизнеспособна.

То, что происходит сейчас, во многом повторяет процессы более чем столетней давности, просто на другом качественном уровне и с применением новейших технологий. Однако принципы и формы, по сути, остались прежними. Как пример можно привести специализированный сайт (а скорее профессиональную социальную сеть) «Российская антропология. Содружество физических антропологов России».

Учитывая, что именно научные общества стали локомотивом развития этнологии, вряд ли стоит ожидать негативных последствий от их возрождения сегодня. Их виртуальность не должна пугать: свою функцию по передаче и популяризации научного знания они могут выполнять и выполняют. И не только ее. Нельзя забывать такой важный аспект сетевого об-

щения, как независимая оценка. Здесь можно вновь процитировать Петра Леонидовича: «Вскрывать и искоренять бездельников, болтунов, лжеученых можно только опираясь на общественное мнение» [Капица 1989]. С этим тезисом нельзя не согласиться. Жизнеспособность идей и теорий, да и просто уровень ученого проверяются только в подобной повседневной независимой оценке его труда со стороны коллег и простых любителей.

Резюмируя, появление подобных обществ можно только приветствовать, хотя их по-прежнему не так много, как хотелось бы.

3

Создается впечатление, что проблему аутентичности печатного текста решать для себя не надо. Верификация источника была и остается одной из главных и самых сложных задач гуманитария, и какие новые проблемы могут возникнуть от того, что он переведен в электронный формат, не совсем понятно.

Здесь, на мой взгляд, необходимо разграничить два вида информационных ресурсов, ставших доступными с распространением Всемирной паутины.

Первый, условно говоря, «классические» работы: источники, статьи, монографии, оцифрованные и выложенные в Сеть. Эта «группа товаров» ничего, кроме восторгов, у профессионалов вызывать не должна: доступ к информации облегчился в разы, а самое главное, это позволяет усилить конкуренцию между столичными и региональными исследователями, которые до этого находились в не совсем равных условиях из-за близости или, наоборот, удаленности от информационных ресурсов.

Помимо этого, развитие сетевого общения решает проблему так называемой «серой» или «невидимой литературы». Теперь не обязательно издавать тиражом в 100 экземпляров тезисы небольшой региональной конференции, достаточно их выложить в Сеть, и своего читателя они могут найти менее чем за сутки. Впрочем, учитывая средний тираж научной литературы в России, ее всю можно смело отнести к разряду «серой», а значит, Сеть является для нее наиболее перспективным направлением. То же самое касается и получения свежей зарубежной литературы, в особенности периодических изданий.

К тому же ряд изданий очень сложно (а то и просто невозможно) представить в печатном виде. Для примера подойдут справочник “Ethnologue: Languages of the World” или аналитический каталог Ю.Е. Березкина.

Второй тип текстов — сетевые источники информации, от блогов до текстов в Wikipedia. Проверка их аутентичности, как уже

было сказано выше, принципиально не отличается от проверки других источников, вопрос скорее в том, что при объемах сетевых ресурсов сомнительной становится целесообразность этой верификации.

В любом случае, доверие к таким источникам информации по-прежнему высоко, и они все больше используются в научных исследованиях [Самсонов 2009; Щетинина, 2009].

Однако мне видится гораздо более интересным не столько анализ самих текстов, сколько понимание структуры целевой аудитории различных научных и научно-популярных сетевых проектов и область ее интересов. Большинство научно-популярных текстов раньше печатались для «широкого круга читателей», т.е. ни для кого. Сейчас есть возможность проанализировать потенциальную аудиторию, круг ее интересов, устойчивые мифы и т.д. Тем самым можно будет повысить эффективность популяризаторской деятельности. Соответственно, это отчасти поможет решить проблему самопозиционирования науки и размывания научного знания, обозначенную в самом начале.

Библиография

- Капица П.Л.* Письмо Н.С. Хрущеву от 21 октября 1958 // Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. М.: Московский рабочий, 1989. <http://www.fb2lib.net.ru/read_online/162008>.
- Самсонов А.В.* Использование Интернет-сайта «В контакте» в качестве этнографического источника // VIII конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2009. С. 430.
- Щетинина Е.В.* «Живой журнал» как источник этнографических исследований // VIII конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2009. С. 430.

Краткая анкета

29 лет.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — значительно.

КАТЕРИНА ГУБА

Между блогом и наукой

В рамках дискуссии о научном знании в условиях развития Интернета мне бы хотелось затронуть аспект, связанный с тем, что происходит с навигацией в науке и статусом научного знания. Здесь я попробую провести параллели, с одной стороны, между академическим миром с его жесткой стратификацией и властными институциональными барьерами, а с другой стороны, пространством социологической блогосферы с ее свободой взаимодействия и отсутствием значимых входных барьеров¹. Несмотря на все различия, академический мир и блогосфера весьма схожи: оба пространства подразумевают навигацию среди текстов, тем самым речь идет о распределении ограниченного внимания между потенциально огромным количеством авторов.

Возможности ученого, особенно социолога, здесь достаточно ограничены: уже давно не существует возможности прочитать все значимые работы, при этом поток статей постоянно увеличивается. В свою очередь создание френд-ленты подразумевает ограничение пространства внимания через конечный список дневников. Слишком длинный список «друзей» значительно усложняет чтение их записей, поэтому нередко блоггеры устраивают так называемый френдодид — сокращение френд-ленты до разумных размеров. И если академический мир предполагает серьезные барьеры для тех, кто хотел бы быть услышанным научным сообществом, то блогосфера дает это право каждому. В этом смысле виртуальное сообщество блоггеров с небольшой долей фантазии — это в своем роде один из вариантов дигитального будущего науки,

Катерина Сергеевна Губа
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
guba_katia@mail.ru

¹ Анализ социологической блогосферы стал возможным на основании не только личного опыта ведения тематического дневника, но и исследования, выполненного при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10–06–00354а «Феномен доверия в публичной интернет-коммуникации».

поэтому сравнение организации внимания и навигации в двух мирах здесь уместнее, чем это кажется на первый взгляд.

Несмотря на то что Интернет мог совершить настоящую революцию, преодолев все институциональные барьеры, связанные с производством научного знания, традиционная академия еще долго будет обладать серьезным запасом прочности. Один из главных источников этой прочности — это оценка достижений через сухой остаток научной деятельности в виде книг и статей. Известный завет “Publish or Perish” говорит о необходимости постоянно публиковаться: «Именно через публикации ученые получают профессиональное признание и уважение, так же, как продвижение и финансирование для будущих исследований» [Fox 1983: 285]. Открытие нового знания должно достойно вознаграждаться, выступая необходимым условием для приобретения всех благ, доступных в академическом мире. Оно одно должно приносить известность и признание ученому, выделяя его из числа всех остальных работников. В этом случае и тем, кто жаждет значительной интеллектуальной репутации, и тем, кто сосредоточивается на продвижении внутри академической организации, приходится писать тексты.

Академический мир при этом выстраивает ряд институциональных барьеров, проходя через которые текст получает статус научного знания. Тем самым проводится демаркация между научным и ненаучным знанием, следуя за которой мы ограничиваем свое внимание базовым разграничителем. Именно таким образом с нас снимается огромная часть работы, которую берет на себя институт лицензирования научных текстов, будь то работа рецензентов книг или статей или деятельность диссертационного совета. Обычно мы склонны верить тому, что пишет автор, а скандальное выявление обмана случается слишком редко, чтобы наука была пронизана культурой подозрения. В то же время мы никогда не можем быть уверенными до конца в том, что автор действительно провел свое исследование и упомянул в своей работе все заслуживающие внимания тексты. Если бы мы задумали лично удостовериться в каждом отдельном случае попавшего на глаза текста, у нас бы не хватило времени на собственную научную деятельность. Вместо этого мы полагаемся на институт рецензирования, который сохраняет если не наши деньги, то наше внимание и время, действуя по аналогии с советами критиков, которые на обычных рынках позволяют покупателям избегать плохих автомобилей [Gross 2000: 449]. Публикуя научный текст на своих страницах, журнал как сортировочный механизм [Klamer, van Dalen 2002] удостоверяет, что текст обладает необходимым набором признаков, указывающих на то, что он заслуживает минимального

внимания со стороны сообщества. Деятельность редколлегии и рецензентов экономит время, позволяя проходить мимо очень плохих текстов, даже просмотр которых может повлечь за собой достаточные временные затраты.

Естественно, что проблема навигации не решается одним существованием института рецензирования, так как научных текстов даже в рамках отдельных исследовательских направлений¹ слишком много, чтобы суметь с ними познакомиться. Ограничение внимания здесь продолжается в терминах уже вертикальной стратификации, когда в первую очередь должны рассматриваться лучшие авторы и лучшие тексты. Время, потраченное на чтение текстов своих коллег, становится важным ресурсом, ограниченность которого требует, чтобы мы тратили его с наибольшей эффективностью. Последнее предполагает обращение к лучшим текстам и лучшим авторам при игнорировании работ низкого качества, едва ли достойных проявления к ним интереса. Институциональная инфраструктура постоянно раздает сигналы, определяющие, кто есть кто в этом сообществе. Здесь начинают играть роль репутационные механизмы, которые позволяют стратифицировать огромное количество научных текстов. Такого рода механизмы включают в себя как репутацию самого автора, так и репутацию места издания его текста — издательства или журнала.

Обычно центральные журналы обладают высокой репутацией, воплощающей в качестве рукописей, которые редакционные коллегии принимают к публикации. Процедура рецензирования в таких изданиях требует от автора больших издержек, так как редколлегия стремится поддерживать высокий профессиональный уровень. Перед автором встает выбор: дать статью в малоизвестный журнал, потеряв по шкале престижности, сэкономив время и усилия, или попытаться опубликовать ее в признанном дисциплинарном издании. Последнее, хотя и требует увеличения издержек, но, в конечном счете, привлекает внимание значительной части коллег, что дает ощутимый вклад в академическую репутацию автора [Oromaner 2008]. При поиске хороших авторов, зная, что конкретный журнал придерживается высоких стандартов, мы можем надеяться, что все

¹ В случае социологии это усугубляется двумя обстоятельствами. С одной стороны, успешное институциональное развитие западной социологии во столько раз увеличило размер дисциплины, что стало невозможным следить за всеми важными работами. Находясь под давлением призыва постоянно публиковаться, чтобы стать видимым для своего сообщества или получить желаемую позицию в университете, ученые организывают все новые и новые журналы [Bott, Hargens 1991]. С другой стороны, сама социология существует как некумулятивная дисциплина, когда новое знание вовсе не означает лучший вариант по сравнению с уже существующими текстами, поэтому мы не можем легитимно отказаться от старого в пользу нового [Abbott 2008; 2006].

опубликованные в нем статьи не окажутся «лимонами» (в терминах Акерлофа!).

Между тем научный текст может оказаться достаточно значимым, даже если был опубликован в далеко не самом престижном журнале. Вся совокупность ссылок будет указывать на ту долю внимания, которое получила статья или автор, оказавшись необходимым элементом последующих рассуждений. В конечном счете, мы имеем авторов и публикации, которые оказались видимыми для большого количества коллег, по другую сторону границы находятся тексты, которые не получили ни одной ссылки за время их «карьеры». Привлекательность репутационных механизмов такого рода не в последнюю очередь обусловлена возможностью их количественного выражения в виде импакт-фактора журнала и количества цитирований автора или отдельного текста.

Версия дигитального развития научного мира в виде свободного размещения текстов в открытом доступе выглядит как преодоление институциональных барьеров, через которые обычно проходит текст, прежде чем превратится в научное знание. В этом случае ушла бы в прошлое борьба за престижное место публикации в лучших научных журналах. Мгновенно можно было бы обратиться к любому научному тексту и одновременно разместить свои собственные научные результаты без временных, эмоциональных и финансовых издержек, что для многих стало бы подлинной свободой академического мира [Klamer, van Dalen 2002: 289]. Однако эта ситуация свободы одновременно рассматривается как разрушительная сила, способная уничтожить привычный академический мир. Это связано с огромным увеличением издержек по выбору нужных текстов для собственной исследовательской деятельности: «Избыток информации влечет дефицит внимания и необходимость эффективно его распределять в чрезмерном изобилии информационных ресурсов, полностью его поглощающих» [Simon 1971: 40–41]. Несмотря на то что достаточно было бы всего лишь нескольких кликов мышки, чтобы скачать сотни статей и книг, издержки по отбору самых важных и нужных, вероятно, превысили бы все преимущества свободного доступа к научным текстам.

Несмотря на появление некоторых тенденций, которые указывают на приближение виртуального будущего науки, новые формы коммуникации и следующие за ними новые текстовые

¹ Акерлоф обращается к рынку поддержанных автомобилей, где некачественный товар называют «лимоном». Кроме того, у него можно найти примеры страховых обязательств, финансовых рынков и найма на работу [Акерлоф 1994].

форматы еще далеки от того, чтобы стать признанным элементом институциональной инфраструктуры науки. Собственно, их появление заставило с большим вниманием отнестись к тому, что можно считать научной публикацией. Уточнение касалось скорее самого формата научного текста, чем его содержания [Halliday 2001]. В этом смысле нарушение одного из элементов формата может вывести текст из статуса научного знания наряду с содержательными ошибками или нарушением научной этики. Перечисление главных пунктов в формате научной публикации указывает, прежде всего, на стабильность текста, который, раз оказавшись в публичном пространстве, должен быть четко идентифицируемым, остаться неизменным и доступным для сообщества. Эти и другие обязательства (сохранение системы рецензирования) должны успешно защитить привычный формат научной публикации от свободы дигитального будущего науки.

И самое главное, как кажется, пока основным источником научных достижений будут выступать научные публикации, академический мир сохранит устойчивость к попытке переопределить границы научного знания. Об этом же говорит Эбботт в своей лекции, посвященной будущему системы научных публикаций: *Пока вся карьера основывается на публикациях, прошедших через рецензирование, пока они являются конечной мерой достижений, эти публикации, а при необходимости и источники их существования, должны, так или иначе, воспроизводиться.* <...> **В действительности публикация, таким образом, это просто один из сигналов достижений, а не коммуникация** [Abbott 2008; выделено нами. — К.Г.].

Итак, научный мир весьма стратифицирован: низ иерархии надежно отделен от самых престижных ее уровней. Например, видимый край американской социологии, сосредоточенный в лучших университетах и изданиях, существует за пределами периферии академической иерархии. Престижные департаменты воспроизводят инбридинг в мягкой форме, когда обмениваются собственными выпускниками, так же как авторы статей из “ASR” и “AJS” в первую очередь цитируют статьи друг друга, создавая цитатный разрыв между третьим лучшим изданием — “Social Forces” [Oromaner 2008: 287]. В этом случае стратификация поддерживается высокой платой на входе. Ее размер становится понятным, если представить обычную академическую траекторию автора, который опубликовал статью в англоязычном «топовом» журнале или выступил с ключевым докладом на главной конференции. Иногда нужно пройти путь от начала до конца, чтобы стать по-настоящему услышанным.

В этом отношении научная сетевая коммуникация в виртуальном пространстве, например в виде блогов, организована принципиально иначе. Здесь чтобы завладеть вниманием, можно обойтись без высокого академического статуса. Вовсе не обязательно, хотя это и часто происходит на англо-американском пространстве блогосферы, указывать в своем блоге основные пункты академической биографии. Входной барьер для начала профессиональной коммуникации почти отсутствует: каждый по своему желанию может оставлять комментарии в любом открытом дневнике, публикация любой записи не опосредуется властными механизмами рецензирования. Собственно, авторство научного дневника представляет собой уникальную возможность ощутить привлекательность инверсии конвенциональной академической власти [Walker 2007], когда ведение и обсуждение в дневниках может происходить без оглядки на внешний контекст реальных исследователей из академии. Если вспомнить один из главных вопросов социологии науки о том, что ответственно за успех (содержание или правильно сработанные институты), то коммуникация в блогах стоит чуть ближе к тому, чтобы содержание играло большую роль. У каждого есть возможность стать читаемым автором, для этого не обязательно обладать выдающейся академической биографией.

Иная организация пространства внимания легко дает о себе знать, если человек, впервые попавший в блогосферу, озадачится поиском авторов хороших социологических блогов как возможных мест для дискуссий без высокой входной платы. В этом случае создание собственного списка постоянно читаемых «друзей» — авторов тематических блогов — может занять длительное время, ведь обычные для академического мира маркеры престижа как ориентиры здесь отсутствуют. В таком поиске не стоит надеяться на специальные сообщества по интересам: в одном и том же сообществе могут появляться записи о тех социологических событиях, которые часть сообщества не признает ни легитимными, ни социологическими. Издержки поиска интересных дневников действительно значимы, ведь для этого нужно потратить время на чтение дневника, чтобы оценить, насколько собственные предпочтения соответствуют тематике автора. В этом смысле необходимо «попробовать» дневник, просмотреть последние десять или двадцать записей. Окончательный выбор, без преувеличений, подразумевает некоторую работу со стороны автора дневника, ведь факт френдинга означает подписку на все записи, которые будут появляться в дальнейшем. В этом смысле новый дневник занимает часть внимания блоггера, поэтому в большинстве случаев создание френд-ленты — это действительно осуществляемый выбор.

Однако мир академических блогов только на первый взгляд представлен как мир одних лишь текстов. Вернее, он будет казаться таким только для новичка, для которого существуют неизвестные никнеймы и закрепленная за каждым последовательностью текстов. Действительно, здесь нет тех специальных институциональных механизмов академического мира, которые брали бы на себя лицензирующие функции — удостоверение некоторого стандарта качества текста, тем самым подтверждая первичную возможность обращения к тексту. При такой свободе выбора приходится еще в большей степени полагаться на репутацию блоггера как автора интересных записей, даже если для этой репутации нет количественного выражения¹. Скорее всего, в этом случае процесс выбора интересных авторов будет напоминать известную социологическую методику «снежного кома», когда обнаружение одного дневника сопровождается изучением комментариев и френд-ленты автора. Этот механизм исходит из простого (не всегда верного) предположения: если человек ведет хороший дневник по интересам, то он читает интересных людей, которые ему тематически близки. Если проводить аналогию, то акт френдинга — это такое же публичное по своим результатам действие, как и библиография после научной статьи. Подобно тому как поиск по спискам литературы значимых авторов долго оставался одним из важнейших способов нахождения нужных текстов [Abbott 2008], выбор «друзей» интересного автора может существенно снизить издержки при тематическом поиске академических блогов.

В этом смысле мы перепоручаем свой выбор другому человеку. Доверию к этому выбору способствуют два обстоятельства.

Первое: добавление автора другого блога в «друзья» — это видимое событие: каждый может увидеть список френдов любого блоггера. Даже если акт френдинга далеко не всегда означает наличие реальных связей между авторами, в тех случаях, когда авторы имеют непримиримые позиции по каким-либо вопросам или состоят в разных сегментах, не признающих легитимное существование друг друга, они едва ли предпочтут сделать видимым для остальных взаимный интерес. В итоге если автор тематического блога кажется вам близким по каким бы ни было убеждениям, есть большая вероятность, что список его «друзей» вас также заинтересует. Следует, конечно, помнить, что в этом случае блоггер вовсе не обязан соответствовать нашим

¹ Это вполне вероятно в случае тематических блогов или, другими словами, блогов по интересам. Объем внимания (количество комментариев или друзей, читающих блог) даже в случае самых известных авторов существенно ниже, чем в случае топовых блоггеров всего пространства блогосферы.

предположениям и ожиданиям, тогда как редакционная коллегия известного журнала обязана.

Второе: специфика российского академического блога заставляет предположить с большой вероятностью, что и читатель, и автор дневника должны постоянно определять линию доверия, сортируя читателей на зоны допустимости к определенным записям. Это только на первый взгляд научная коммуникация в блогах и коммуникация в реальности являются параллельными мирами, не имеющими пересечений. Несмотря на то что академический статус в первом случае перестает быть источником ограничений, иногда вся цепочка статусных сигналов переносится и в пространство блогов. И даже если блог носит анонимный характер¹, эта анонимность, по сути, превращается в псевдоанонимность, так как со временем происходит идентификация человека с реальной академической фигурой. В этом смысле каждый из авторов, который ведет дневник о своем исследовании и академической жизни, должен решать проблему соотношения в раскрытии о себе публичной и приватной информации. Для некоторых это выбор решается в пользу обсуждения сугубо публичных вопросов профессиональной жизни — академических событий или политических новостей. В этом случае эмоциональная компонента не находит проявлений для блогов такого характера.

Между тем даже в этом случае необходимо принимать решение о силе и интонации своих высказываний о событиях академической жизни. Для социологической блогосферы нередки случаи, когда открытая запись с критическими замечаниями о том или ином аспекте профессиональной жизни вызвала последствия, имевшие отношение далеко не только к блогговой реальности.

Для тех, кто дополняет такие записи замечаниями личного характера с ярко выраженной эмоциональной направленностью, стоит тот же вопрос: следует ли регулировать такого рода записи, и если да, то кого к ним допускать. Один из распространенных способов — использование «замка», когда запись делается открытой только для тех, кого автор дневника «добавил в друзья» — список постоянных читателей своего дневника. В этом смысле репутация автора-блоггера еще более важна, чем репутация автора-ученого для академического мира. Когда мы заносим кого-либо в свой список друзей, мы предоставляем ему доступ ко всем предыдущим «подзамочным» постам, так же

¹ Для русскоязычной блогосферы характерна ситуация, когда авторы тематических блогов о социологии далеко не всегда размещают личную информацию о себе, что позволило бы их идентифицировать в реальной жизни (на основании данных о членах жж-сообщества <sociolog>).

как и ко всем будущим. Это позволяет предположить, что наблюдаемый факт френдинга — занесения другого блоггера в список своих «друзей» — является одним из маркеров степени доверия, существующей между блоггерами. Следовательно, если вы доверяете автору этого дневника, то в некоторой степени вы можете доверять и списку его друзей. В конечном итоге, если правильно выбрать ключевых авторов тематического сегмента, то в дальнейшем выбор интересных социологических блогов может значительно облегчиться.

Разный характер организации внимания в пространстве социологических дневников и академического мира не означает, что эти два пространства, в конечном итоге, обязательно окажутся несовместимыми. Пока мы наблюдаем ситуацию, когда отдельно существует традиционная социальная наука с ее мерилом достижений в виде опубликованных текстов, прошедших через институт лицензирования. Остается вопрос: происходит ли научная коммуникация через эти статьи и книги, или же она перемещается в другие пространства, которые на первый взгляд предлагают обойтись без большой входной платы за участие в дискуссии. Новые средства коммуникации действительно предполагают отсутствие институциональных барьеров, но это вовсе не означает, что каждый здесь будет услышанным. Главное, что для этого нужно сделать — это написать значимый текст, который станет центром внимания со стороны виртуального сообщества.

Краткая анкета

Ваш возраст — мне исполнилось 25 лет, поэтому я отношу себя к младшему поколению.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — вероятно, изменилось очень значительно, если учитывать не только содержание работы, но и включение в значимые сети социологов во многом через онлайн-знакомства.

Библиография

- Акерлоф Дж.* Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // *THESIS*. 1994. № 5. С. 91–104.
- Abbott A.* Reconceptualizing Knowledge Accumulation in Sociology // *American Sociologist*. 2006. Vol. 37. No. 2. P. 57–66.
- Abbott A.* AA's Plenary Lecture to the Association of American University Presses on Publication and the Future of Knowledge. Montreal, June 2008. <<http://home.uchicago.edu/~aabbott/booksandpapers.html>>.

- Bott D, Hargens L.L.* Are Sociologists' Publications Uncited? Citation Rates of Journal Articles, Chapters and Books // *American Sociologist*. 1991. Vol. 22. P. 147–158.
- Gross A.* The Science Wars and the Ethics of Book Reviewing // *Philosophy of the Social Sciences*. 2000. Vol. 30. No. 3. P. 445–450.
- Halliday L.* Scholarly Communication, Scholarly Publication and the Status of Emerging Formats // *Information Research*. 2001. Vol. 6. No. 4. <<http://informationr.net/ir/6-4/paper111.html>>.
- Fox M.* Publication Productivity among Scientists: A Critical Review // *Social Studies of Science*. 1983. Vol. 13. No. 2. P. 285–305.
- Klamer A., van Dalen H.* Attention and the Art of Scientific Publishing // *Journal of Economic Methodology*. 2002. Vol. 9. No. 3. P. 289–315.
- Oromaner M.* Intellectual Integration and Articles in Core Sociology Journals, 1960–2000 // *American Sociologist*. 2008. Vol. 39. No. 4. P. 279–289.
- Simon H.A.* Designing Organizations for an Information-Rich World // M. Greenberger (ed.). *Computers, Communications, and the Public Interest*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971. P. 37–72.
- Walker J.* Blogging from Inside the Ivory Tower // A. Bruns, J. Jacobs (eds.). *Uses of Blogs*. Oxford: Peter Lang, 2007. P. 127–138.

АННА ЖЕЛНИНА

Основная проблема научного сообщества, возникшая в связи с экспансией Интернета, — неумение им пользоваться. Авторы текстов впадают в такие крайности, как указание в библиографическом списке на некий абстрактный «Интернет» (без конкретного URL) или полное игнорирование материалов из Сети как несерьезного источника. Все это можно считать временными болезнями: ведь даже библиографические ГОСТы сегодня уже включают более или менее адекватные способы описания электронных и сетевых ресурсов как источников.

Такой же болезнью роста можно считать растерянность научного и преподавательского сообщества перед хаотичной и перенасыщенной виртуальной коммуникативной реальностью. Сама по себе болезнь не страшна и временна, хотя и грозит некоторыми осложнениями. Возможные ослож-

Анна Александровна Желнина

Санкт-Петербургский филиал
Государственного университета —
Высшей школы экономики
azhelnina@gmail.com

нения, на мой взгляд, касаются преимущественно использования данных из Сети в качестве эмпирического материала для социологических и антропологических исследований, хотя понимание особенностей Интернета важно и для образования, и для успешного развития академических карьер.

Научное сообщество и Сеть

Сегодня уже трудно отрицать, что функционирование научных сообществ серьезно модифицировалось благодаря Интернету. Поиск грантов, возможностей публикации статей, научных контактов существенно облегчился, особенно это актуально для ученых, живущих в нестоличных городах. Не будучи постоянно в личном контакте с ключевыми персонами в своей дисциплине, они, тем не менее, имеют некоторые шансы на доступ к этим самым важным ресурсам в сообществе. Кроме того, появляется еще один ресурс карьерного роста и завоевания репутации, которого не существовало раньше: западные ученые сегодня уже привыкли к тому, что ведение собственного блога или сайта, модерирование профессиональной рассылки, активное участие в онлайн-овых обсуждениях — это такой же серьезный вклад в развитие своего положения в сообществе, как и публикация результатов исследования в хороших журналах и участие в конференциях. Таким образом, сетевая коммуникация прочно заняла свое место в качестве инструмента создания репутаций, особенно важного для молодых и начинающих, старающихся заявить о себе всеми возможными способами ученых.

Интернет-коммуникация может способствовать также поддержанию отечественных профессиональных сообществ в тонусе и на связи: сегодня она заполняет пропасть между разными организациями, которые не имеют тесных связей в реальном мире. Однажды мне пришлось наблюдать трогательную ситуацию: сотрудники одного из академических институтов зачитывали вслух пост из блога коллеги из посторонней организации, где описывались важные кадровые перестановки в третьем заведении. Таким же образом распространяется информация о многих других событиях в профессиональной среде, поддерживая ее в более или менее интегрированном состоянии.

Эта сторона дела, однако, судя по заданным вопросам, представляется наименее проблематичной. Гораздо большее недоумение вызывает сложность определения уровня «научности» публикуемых в Сети текстов. Легкость републикации и распространения текстов в Интернете приводит к тому, что вполне серьезные тексты могут соседствовать на одном и том же

сайте с рассуждениями дилетантов или еще чем-то похуже, на усмотрение создателя онлайн-библиотеки. Например, хорошо написанные работы антропологов, посвященные приметам, могут размещаться на страничках народных целителей. Однако мне не представляется это проблемой: определение научности текста едва ли основывается только на том, где он опубликован.

Признаки «научности» и достоверности опубликованного онлайн текста по-прежнему выводятся как из его содержания, так и из авторитета автора, его аффилиации, престижа ресурса, опубликовавшего текст. Система репутаций, существующая в реальных академических социальных сетях, не исчезает и из виртуального пространства коммуникаций. Изменения заключаются скорее в технической стороне вопроса, едва ли имеющей глобальное значение. Надо найти первоисточник текста, чтобы именно на него сослаться в библиографическом списке (даже если впервые вы обнаружили работу коллеги на сайте народного целителя, практического психолога или в личном блоге неизвестного заинтересованного гражданина). Кроме того, в силу существующих в сообществе репутаций авторитетность сайта научной организации (даже личного блога признанного ученого) будет всегда выше, чем авторитетность анонимной записи на каком-нибудь форуме.

Я не вижу большой разницы в размывании границ между «научными» и «ненаучными» текстами на бумаге и в электронном виде: это гораздо более общий вопрос, касающийся совсем другой проблемы — тенденции научного знания становиться менее замкнутым на самом себе. Попытки ученых выйти к широкой публике предпринимались уже тогда, когда об Интернете еще никто не слышал, а псевдонаучные и популярным языком написанные научные тексты появлялись (и продолжают появляться) на страницах глянцевого журналов. На данный момент даже на страницах некоторых отечественных академических и вполне признанных изданий публикуются иногда тексты такого качества, что ни один приличный профессиональный сайт их не опубликовал бы. Наоборот, уважающие себя интернет-ресурсы гораздо щепетильнее в выборе текстов для публикации, поскольку их объективно читают больше, чем упомянутые академические журналы, многие из которых служат лишь площадкой для публикации, но не для чтения и обсуждения.

На мой взгляд, размытие критериев того, как оценивается научный текст, не самое существенное последствие экспансии Интернета, этот процесс был бы заметен и без него. Зато появление новых механизмов развития сообщества, распростране-

ние знания и — самое главное — рост междисциплинарности исследований серьезно изменяют картину в гуманитарных и общественных науках. Именно проницаемость границ между дисциплинами, ориентация исследований на предмет кажутся мне прямым и существенным следствием развития сетевой коммуникации. Размытию дисциплинарных границ способствует даже такая простая техническая особенность, как механизм поиска в Интернете: можно представить, конечно, что социологи ищут специализированные социологические ресурсы, но скорее они осуществляют поиск по своему предмету (например, ищут информацию по моногородам). И обнаруживают работы антропологов, экономистов, политологов, занимающихся той же темой. В результате можно ожидать в ближайшем будущем массовой междисциплинарности, роста значения таких предметно-ориентированных кластеров, как городские исследования, европейские исследования и прочие studies, которые придут на смену привычным антропологии и социологии города, политологии и т.п.

Образование и Сеть

Таким образом, с точки зрения развития научного сообщества, интернет-коммуникация — несомненное благо. Гораздо больше вопросов вызывает роль Интернета как основного источника знаний для студентов-гуманитариев. С одной стороны, действительно, доступность информации в Сети позволяет студентам за несколько лет обучения узнать гораздо больше всего, чем их коллегам лет тридцать назад. С другой стороны, междисциплинарная сетевая «каша» при неумелом использовании может нанести и существенный вред. Преподаватели постоянно сталкиваются с тем, что студенты пытаются выдать за социологическое эссе набор фактов, переписанных с популярного сайта, доверчиво пользуются данными, обнаруженными в модном журнале для путешественников, и т.п. Будучи незнакомыми с критериями выявления научного текста в вооруже сетевой информации, студенты рискуют в ней потеряться и так и не обнаружить разницы.

В этой ситуации открываются новые возможности, которые требуют серьезной переориентации учебных курсов. Фокус образования в условиях доступности информации должен переноситься с поиска информации на ее анализ, а также на формирование критериев ее отбора. Если раньше студенческая работа могла смотреться выигрышно, если в ней привлекался труднодоступный или неочевидный материал, то теперь этим не удивишь. С материалом действительно нужно работать, представлять и обрабатывать его оригинально, чего многие

студенты так и не научаются делать в университетские годы. Лекции сегодня теряют смысл: содержание запоминается мало, в то время как самыми ценными навыками для студентов остаются именно навыки самостоятельного выявления нужной, достоверной информации из безграничного моря Интернета и других источников.

Задача преподавателей — ориентировать студентов, предлагать им критерии отбора информации, обсуждать с ними ограничения интернет-ресурсов. Это требует новых навыков и от самих преподавателей, необходимо поменять привычный ход занятий, ориентировать студентов не просто на знание фактов, а на рефлексивное отношение к информации и ее специфике. В принципе это достаточно общие требования, которые гуманитариям и обществоведам необходимы даже безотносительно Интернета. Это требование времени, когда информация доступна, разнообразна и не всегда правдоподобна.

Между тем технологии в Интернете не стоят на месте и уже близки к тому, чтобы облегчить человеку и этот выбор, вернее, лишить его выбора. Специализированные системы, агрегирующие научные публикации (JSTOR, Science Direct и многие другие), Google Scholar, позволяющий осуществлять поиск только по «научным» ресурсам... Очевидно, что механизмы установления границ между научным и ненаучным никуда не исчезают, а просто приобретают новое лицо и техническое исполнение. Таким образом, общепризнанные (признанные электронными поисковыми и библиотечными системами) тексты коллег можно уже довольно легко отфильтровать от «всего остального» (хотя где гарантия, что этот фильтр достаточно хорош, чтобы не выплеснуть интересные непризнанные источники).

Более серьезный вопрос касается эмпирических данных, а не аналитических статей: как использовать безграничные возможности Интернета для сбора эмпирического материала без ущерба для качества исследования.

Специфика сетевых материалов в исследовании

Проблема достоверности источников в Интернете, по-моему, также не является критической или новой. Как и другие материалы, информацию, полученную в Интернете, профессиональный исследователь постарается проверить как-то еще, сопоставить данные из разных источников, как это делается, например, с данными интервью. Гораздо более существенная проблема — нерефлексивное использование данных, обнаруженных в Сети. Действительно, обилие информации из первых

рук в Интернете настолько велико, она настолько подробна, представляет, кажется, все возможные заинтересованные стороны по любому вопросу, что не использовать этот материал было бы просто неразумно. Кроме того, сама бурная и интересная динамика интернет-жизни — очень привлекательный предмет для исследования (кстати, поиск в специализированном научном поисковике Google Scholar по сочетанию ключевых слов «Интернет» и «Социальные сети» только на русском языке выдает больше 19 тыс. результатов, что говорит об огромной популярности этой темы среди отечественных ученых).

Однако есть большой риск, что результаты исследований, проведенных на материале социальных сетей, будут выдаваться за общезначимые. К сожалению, сегодня обществоведы и гуманитарии рискуют попасть в ловушку Интернета. Приучившись в студенческие годы, под давлением бесконечных dead-line'ов и большой учебной нагрузки, быстро и легко получать информацию в Сети, без сложных выходов в поле к живым людям, без связанных с этим негативных ситуаций, временных и эмоциональных затрат, они уже с трудом представляют себя в качестве полевика «здесь и сейчас». Действительно, зачем идти и спрашивать человека лично о том, что он уже подробно изложил в социальной сети, блоге, сопроводил иллюстрациями, получил реакцию «френдов» и отреагировал на нее?

Этому ощущению способствуют иногда и старшие коллеги, которые, извлекая из Интернета интересные данные, иной раз забывают или не считают нужным в своих публикациях и выступлениях публично осмыслить ограничения и особенности этого материала. В итоге возникает ситуация, в которой ученые постепенно начинают выдавать исследования Интернета за изучение живого общества, по умолчанию ставя знак равенства.

Такой нерелексивный подход не только ставит под угрозу достоверность данных, но еще и сильно ограничивает возможности научного анализа. Общеизвестно: то, что происходит в Сети, далеко не всегда стопроцентно соответствует действиям и убеждениям конкретных интернет-деятелей, хотя шизофренически разделять виртуальность и реальность, конечно, тоже не стоит. Тем не менее сохраняется существенная проблема недостатка знаний о контексте высказывания в Интернете: исследователь часто имеет дело с материалом в вакууме, мы ничего не можем узнать о причинах его возникновения, авторе, его мотивации. Поле для интерпретаций огромно, но достаточно зыбко: интернет-источник редко можно переспросить или задать ему уточняющий вопрос. Естественно, при опреде-

ленной постановке вопроса эти ограничения могут быть незначимыми, но важно, чтобы исследователь понимал эти ограничения и действовал соответственно — привлекал дополнительные источники для сравнения или озвучивал причины, по которым это не нужно.

В то же время отношения активности в социальных сетях и «реальном мире» уже давно не однонаправлены, они влияют друг на друга достаточно сильно. Например, социальные инициативы, возникшие как волны возмущения в социальных сетях, со временем могут превращаться в реальные инициативные группы, а новые технологии коммуникации кардинально менять особенности деловой и профессиональной активности. Изучение этих взаимосвязей, которое многое может объяснить про устройство современного общества, возникновение новых социальных движений и сил, инструментов идеологического и маркетингового манипулирования, не должно ускользнуть от обществоведов, а это непременно произойдет при нерелексивном использовании материала.

Разделение на Интернет как источник и Интернет как объект достаточно очевидно: активно исследующие внутреннюю логику социальных сетей ученые многое знают о том, как они функционируют и как взаимодействуют с жизнью людей оффлайн. Было бы правильно, чтобы подобные исследования прочитывались и использовались при разработке методологий исследований, привлекающих материалы Интернета в качестве эмпирической базы.

Краткая анкета

28 лет.

Много работаю в Интернете — веду свой сайт, посвященный социологии города, который использую также для преподавания одноименного курса.

ТАТЬЯНА ЗОЛотоВА, НАТАЛЬЯ ЕФИМОВА

1

«Размывание границ научного знания / текста» в условиях Интернета объясняется, на наш взгляд, рядом обстоятельств. Во-первых, подобное отношение к знанию / тексту уже было в известной степени подготовлено особенностями развития культуры в XX в. Теоретики постмодернизма прямо заявляли о том, что ничего нового в области культуры создать невозможно, и сущность творчества, по их мнению, сводится лишь к игре с уже существующими кодами, поискам для них нового контекста и новых типов связей. Автор в произведениях данного направления из фигуры, оценивающей события и обстоятельства, превратился в безличного персонажа «вне игры». Что касается интертекстуальности, то она первоначально как знак «чужого» в тексте постепенно стала феноменом «литературно-художественной повседневности».

Интернет чрезвычайно развил и обострил эту тенденцию, предложив свою трактовку проблемы / категории авторства — никнейм. Нужно принимать во внимание и тот момент, что пространство Интернета формировалось по преимуществу представителями молодого поколения. Создание им особых «языков», вплоть до «албанского», а также «правил» оформления и циркуляции текстов в Сети можно рассматривать как своеобразный протест против ложной «академичности», читай консервативности / заскорузлости старшего («ученого») поколения.

Кстати, в последнее время появились статьи, в которых игра молодежи с языковыми знаками / правилами (например, в Японии с иероглифами) рассматривается и как явление, развивающее традицию (см., например, любопытную статью [Махнёва 2010: 19]). И в целом появление своего рода квазиписьменности в Интернете можно поставить в один ряд с чрезвычайно высокими

Татьяна Аркадьевна Золотова
Марийский государственный
университет,
Йошкар-Ола
zolotova_tatiana@mail.ru

Наталья Игоревна Ефимова
Марийский государственный
университет, Йошкар-Ола

темпами обновления текстов, открытым доступом к огромному массиву информации, упрощением коммуникации в целом.

Без сомнения, мы согласны с редакционной коллегией в том, что в подобной ситуации «серьезный научный текст можно встретить на любительском сайте и наоборот» и что «тексты неопределенного характера бесконечно множатся». Однако в этом факте можно усмотреть не только отрицательные, но и некоторые положительные моменты. Это, наконец, дает возможность представителям различного рода научных школ и направлений, в том числе и академических, понять, как оценивается их деятельность в современном социуме (!), и, может быть, в отдельных случаях действительно изменить свои установки в плане демократизации тематики исследований и доступности языка публикаций.

В то же время научное сообщество обязано, если оно заинтересовано в сохранении собственного статуса, сохранять и активно защищать позиции относительно правил оформления и функционирования **строго научного текста** в Сети. **Единственно возможный путь, на наш взгляд, это создание собственных сайтов различной тематики и в рамках их — форумов для обсуждения научной значимости результатов той или иной публикации совместно с самой широкой общественностью.** Пока таких сайтов — единицы. Например, в рамках отечественной фольклористики долгое время подобную функцию выполнял сайт семинара по фольклору и постфольклору под руководством проф. С.Ю. Неклюдова. Необходима и целенаправленная работа с учащимся и студентами в плане рекомендации им действительно серьезных сайтов по определенной проблематике.

2

Ученый не имеет права «уподобляться египетским жрецам и держать в тайне от народа содержание своих мистерий». Это суждение французских энциклопедистов XVIII в. остается актуальным и по сей день. Мы с большим интересом относимся к возможности организации и проведения, например, научных конференций, семинаров, круглых столов, защит докторских диссертаций в режиме on-line, переводу в разряд электронных ведущих научных журналов, как столичных, так и региональных. Неоднократно обсуждали возможность проведения обучающих семинаров для студентов также в режиме on-line. Это, на наш взгляд, способствовало бы и повышению качества научных исследований, и росту интереса к гуманитарным областям науки в обществе.

В то же время активный выход в интернет-пространство вряд ли приведет к значительным изменениям именно в организации научного сообщества или породит новые формы его су-

ществования вне Интернета. Безусловно, ускорится коммуникация, демократизируется (до определенной степени) общение. Судя по нашему опыту, молодежь с большим энтузиазмом и интересом относится к виртуальным «проявлениям» старших: родителей, преподавателей, научных руководителей (деятельность в блоге, регистрация в социальной сети и пр.). Однако то пренебрежение условностями, которое характерно для беседы в Сети, скорее всего не перейдет в реальное общение, иерархия сохранится.

3

Проблема достоверности интернет-материалов решается, наверное, в каждом случае индивидуально. При проведении собственной научной работы, подбирая что-то в Интернете, руководствуемся авторитетными именами и организациями. При этом предпочтение отдается ресурсам, существующим в первую очередь на бумажном носителе, опубликованным. Если речь идет о сборе материала (нам, например, случалось искать тексты фанфикшн, программистские и пользовательский байки и др.), то обращаемся изначально к крупным порталам типа <fanfiction.net>, <bash.org>. Это крупнейшие хранилища подобного материала с развитой системой рецензирования и классифицирования <fanfiction.net>, с традициями цитирования <bash.org>.

Еще одна ситуация — выход в Интернет собственно за учебными материалами, служащими дополнением к читаемому курсу. В данном случае заранее подбираются ресурсы, которые рекомендуются студентам наряду с литературой.

В целом представляется необходимым создание в рамках научного сообщества системы ссылок на интернет-ресурсы, так, как это было сделано в свое время для бумажных носителей, и требование, по крайней мере для вновь создаваемых сайтов сообщества, неукоснительного ее использования.

4

Что касается фольклористов, исследование вопросов, связанных с интернет-фольклором, стало своего рода открытием Центра русского фольклора (Москва). Об этом нам уже приходилось говорить на заседании, посвященном 20-летию со дня основания данного учреждения (18 ноября 2010 г., Москва). Сотрудниками Центра были предприняты попытки выявления и организации лиц и коллективов, занимающихся подобного рода исследованиями (специальные круглые столы и секции Первого и Второго конгрессов фольклористов; круглые столы, организованные совместно с Государственным институтом истории искусств, Региональным общественным центром интернет-технологий; конференции, например, «Фолк-арт-нет: новые горизонты творчества» и др.).

И если в первом сборнике статей Центра, посвященных интернет-фольклору [Folk-art-net 2007], был очерчен круг вопросов, в рассмотрении которых могли бы участвовать и фольклористы, а также подходов к их исследованию, то во втором [Интернет и фольклор 2009] предложены попытки конкретизации явлений, связанных, с одной стороны, с бытованием в Сети произведений традиционного фольклора, особенностями проявления (например, категорий анонимности, устности, традиционности и т.п.), с другой — выявлением специфики и сущности произведений, рожденных непосредственно в сетевом пространстве (мемы, имиджборды, троллинг, личные дневники, собственно сетевые анекдоты и др.).

Обобщающей в этом направлении можно считать статью [Алексеевский 2010]. Актуально прозвучали его суждения о необходимости изучения интернет-фольклора в диахроническом аспекте, а также создания исследовательского инструментария в данной области.

Думается, что перед фольклористическим сообществом стоят такие задачи:

- выработка специальных «Рекомендаций по изучению интернет-фольклора»; эта задача могла бы быть реализована в виде специального издания (с массовым тиражом и рассылкой по соответствующим центрам России);
- создание специального сайта для ознакомления сетевого сообщества и совместного обсуждения с его участниками вопросов, посвященных сходству и различиям традиционного и нового (сетевого) фольклора.

Дело в том, что исследователи интернет-фольклора не в состоянии отслеживать появление все новых и новых феноменов (об этом тоже писал М. Алексеевский); виртуальная культура развивается значительно быстрее, чем нам бы этого хотелось. Появляются новые сообщества, которые выражают себя уже в большей степени не словом, а «кинематографически». Создание новых информационных структур в Сети (мы обсуждали и идею сайта «Легенды Интернета»), действительно заинтересованных в продвижении данной проблематики, частично решило бы проблему.

Краткая анкета

Татьяна Золотова:

Среднее поколение.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — значительно.

Наталья Ефимова:

Младшее поколение.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — сформировалось на почве виртуальных феноменов.

Библиография

Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете // От съезда к съезду. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов». М.: ГРЦРФ, 2010. С. 151–167.

Интернет и фольклор: Сб. ст. / Сост. А.В. Захаров. М.: ГРЦРФ, 2009.

Махнёва Д. Мобильный роман для «поколения большого пальца» // Восточная коллекция. 2010. № 3.

Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности: Сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2007.

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

Интернет как параллельное пространство научного исследования

Научная деятельность — это двоякое участие в информационных потоках. С одной стороны, исследователи черпают из потоков, составляющих реальность, информацию для переработки, а с другой — пополняют эти потоки собственной информацией той или иной степени переработки. Лишь при наличии второго компонента потенциальный исследователь, собирающий информацию, превращается в реального исследователя, демонстрирующего не только усилия, но и результаты. Научная деятельность — это форма взаимодействия, в ходе которой формируется и воспроизводится специфический тип социальности.

Интернет — новое параллельное пространство коммуникации, из которого исследователь может черпать информацию, а также размещать там и свои эмпирические данные, и теоретические модели. Естественно,

что появление Интернета создает возможности для радикального изменения условий научной работы. Возникает параллельная социальность. Однако возможность автоматически не превращается в действительность: мало ее иметь, надо еще быть в состоянии ею воспользоваться. В силу этого научное сообщество структурируется по новому основанию: есть те, кто вписались в новое пространство, и те, кто его еще не заметил, а между ними — промежуточные типы, использующие Интернет эпизодически и в самых примитивных формах (например, обмен электронными письмами).

Интернет — пространство открытой науки

В традиционном пространстве научной коммуникации важно не столько то, что сказано, сколько то — кем (звание, должность) и где (в каком журнале, на какой конференции и т.д.). В нем границы научного дискурса жестко охраняются не только дискурсивными средствами (специальный язык, базовые знания дисциплины, необходимые для понимания текстов и т.д.), но и сугубо физическими фильтрами: вахтеры не пропустят постороннего в здание, где идет конференция, организаторы кому попало не дадут слово, редакторы отбирают авторов и редактируют их тексты, высокие цены на научные книги и журналы тоже отсекают любопытных. Таким образом, посторонние социально исключаются из научного дискурса.

Интернет ломает физические средства социального исключения (кроме возможности доступа в это пространство), оставляя лишь внутренние фильтры, т.е. способность понимать содержание обсуждения. Но при этом любой посторонний может вклиниться в научный разговор и высказать свое мнение, часто ломающее неведомые ему традиции и игнорирующее научные аксиомы и факты. Это означает, что научный дискурс в Интернете открыт для носителей повседневного знания, которые имеют свою точку зрения по большинству научных проблем («не изучал, но могу сказать»). В научную дискуссию легко включаются те, кто предлагает взглянуть на тему с точки зрения той или иной религии, идеологии, политики, астрологии или даже национальности автора («Что можно ждать от человека с такой фамилией?»). В обсуждение социального конструирования этничности вполне может вклиниться фанат «Зенита» или скинхед, имеющие свои взгляды на проблемы этнологии. Такой демократизм Интернета отпугивает многих ученых, которым здесь уже не помогают их «латы» в виде научных степеней и должностей. Академик вполне может прочесть, что он «дурак и неуч». Неконтролируемое смешение дискурсов ведет

многих специалистов к выводу о том, что «Интернет — это помойка», в которую нет смысла влезать.

Однако дискурсивный хаос противоречив по своим последствиям. С одной стороны, он раздражает, нарушает логику, поскольку толкает к нарушению традиций, принятых в данном научном сообществе правил обсуждения и т.д., нередко вообще выталкивает научную тему за пределы науки. С другой стороны, этот хаос может быть проявлением плодотворной междисциплинарности, для которой в Интернете открыты все двери.

Кроме того, размывание в Интернете границ научного дискурса за счет носителей повседневного знания и здравого смысла заставляет исследователей социально-гуманитарного профиля не только рассуждать в тепличных условиях кафедр и научных конференций, но и напрямую общаться с многоликим и пестрым обществом, которое они изучают, находить общий язык с теми, кто, будучи формально далеким от их дисциплины, является потенциальным потребителем ее продуктов. Как говорил классик, нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

Иначе говоря, Интернет подрывает возможности привлекательной формулы «наука для научных работников», которая реализуема только при гарантируемом финансировании без лишних раздражающих вопросов «кому это нужно» со стороны политиков, чиновников, журналистов и широкой публики. Логика демократизации ведет к тому, что плоды наук об обществе должны получать признание со стороны разных представителей общества, в большинстве своем не имеющих специального образования в этой сфере. Все актуальнее становится потребность в публичной социологии, публичной истории, этнологии, антропологии и т.д. Если они не наладят двустороннюю коммуникацию с обществом, последнее может легко вычеркнуть их из бюджета государства, академии наук, университета, школы и т.д. И уже налицо тенденция к свертыванию поддержки гуманитарного знания государством.

Однако в Интернете пока ограничены возможности для интерактивной науки. Самая распространенная форма презентации научных результатов — размещение статей и книг на сайтах. Появляются видеозаписи лекций. Но это формат информирования, а не обсуждения, коммуникации. Правда, все чаще исследователи начинают вести блоги, обладающие техническими возможностями для интерактивности. Однако их формат не предназначен для сложных больших текстов и развернутых обсуждений. Между тем серьезная журналистика уже перешла от режима информации к режиму коммуникации: каждая статья,

размещенная в интернет-издании, предполагает возможность для любого читателя задать автору уточняющие вопросы, высказать свое мнение и контраргументы, отослать к своему блогу, дать сноску на иные источники и т.д. Видимо, пора и научные статьи и книги выводить в Интернет в таком же формате. Это позволит преодолеть характерный для современного отечественного обществоведения монологический формат: автор пишет, кто-то его читает, но почти никогда не высказывает ему свое мнение. Статус же редких печатных рецензий не совсем ясен: то ли издательство заказало их для продвижения своего продукта, то ли друзья автора откликнулись на его просьбу, то ли недоброжелатели постарались.

Мне кажется, что «Антропологический форум», имеющий одну из лучших электронных версий в сообществе отечественных научных журналов, может стать реальным форумом, а не узкой площадкой для приглашенных, обеспечив режим комментариев для каждой статьи. Это могло бы стать примером и для других научных журналов. Технических преград на этом пути нет, т.к. большинство газет и общественно-политических журналов давно уже перешли в интерактивный режим.

Революция в библиотечном и издательском деле

Интернет как пространство научной коммуникации девальвирует традиционные бумажные публикации. Старшее поколение этого пока еще не замечает, но в студенческой среде растет число людей, которые берут в руки обычные книги и журналы лишь в безальтернативной ситуации. Для них текст, который не выложен в Интернете, не существует. Это поколение пока еще не определяет погоду в науке, но очень скоро оно неизбежно вытеснит носителей бумажной культуры. Появление E-books сводит на нет и возражения против электронных текстов, опирающиеся на такие аргументы, как «неудобно», «устают глаза» и т.д. Это уже формат современной книги, которая внешне похожа на обычную, гораздо удобнее компьютера, содержит в себе целую библиотеку в тысячи томов, помещающуюся в обычном кейсе. Ею можно пользоваться в метро, парке, очереди и т.д.

В Интернете создана достаточно серьезная альтернативная сеть библиотек — открытых (бесплатных) и закрытых (платных), которая все более успешно конкурирует с традиционными библиотеками, стирая грань между столицей и самой глубокой глубинкой. Если обычные серьезные научные библиотеки доступны в России только жителям Москвы и в существенно меньшей мере Санкт-Петербурга, то электронные библиотеки потенциально доступны любому, кто имеет доступ в Интернет.

Благодаря Интернету библиотека может прийти в каждый дом. Она открыта в любое время суток. Она выдает книги в бессрочное пользование и благодаря электронным книгам их можно читать где угодно. Это начало настоящей революции в библиотечном деле, хотя большинство отечественных библиотек это еще не поняли.

Однако на пути этой библиотечной революции стоят серьезные уже не технические, а социальные преграды. Бумажные издания по традиции пользуются несравненно более высоким статусом, чем электронные (например, при составлении отчетов о научной деятельности, защите диссертаций и т.д.): люди из бумажного XX в. еще занимают лидирующие административные позиции в науке. Это толкает авторов гнаться за бумажными публикациями статей и книг. В результате их авторские права делятся с издательствами, которые в отличие от авторов научной литературы заинтересованы не в распространении информации, а в получении прибыли.

Научная книга издается малым тиражом по очень высокой цене и становится малодоступной, а в большинстве регионов страны просто недоступной. Перевод книг в электронный формат и их распространение через Интернет сознательно или по маркетинговому невежеству блокируется. Цель — вынудить читателя покупать дорогие (часто невероятно дорогие) бумажные версии. При этом часто ссылаются на авторские права. На рынке научной литературы это в большинстве случаев просто трюк: авторы научной литературы чаще всего гонорара не получают или он носит символический характер. В результате авторское право превращается, с одной стороны, в инструмент эксплуатации ученых, а с другой — блокирует доступ автора к широкой читательской аудитории.

Формирование рынка отечественной научной литературы в электронных форматах только начинается. Научная литература в Интернете распространяется в основном стихийно усилиями либо самих авторов, либо «пиратствующих» студентов. При этом издательства, монополизировавшие копирайт, обычно устанавливают на электронные книги, имеющие очень низкую себестоимость (исключаются типографские, транспортные и в существенной мере торговые расходы), высокие цены, сопоставимые с ценами бумажных изданий в твердых переплетах. Большинство же научных книг крупных издательств в Интернет не попадает, в то же время бумажные варианты предлагаются по очень высоким ценам в узком круге столичных магазинов. Книги небольших ведомственных научных издательств, как правило, не доходят до розничной торговли (на всю страну можно найти лишь несколько крошечных магазинов, прини-

мающих их продукцию на реализацию), поэтому горы нераспроданных книг, изданных крошечными тиражами, — самое типичное явление, иллюстрирующее принцип «публикация ради публикации». Таким образом, современные научные издательства, оставшись в эпохе бумажной продукции, выполняют консервативные функции, сдерживая научную коммуникацию в новых формах.

За приверженностью к бумаге легко просматриваются и социальные интересы многих работников науки, которые боятся попадания своих работ в чужие руки. Они издают свои книги и статьи малыми тиражами и сознательно избегают возможностей распространения результатов своей работы даже в научном сообществе. Сколько в России докторов наук, чьи монографии никто никогда не видел! Размещение же всех работ в Интернете многих королей сделает голыми. Естественно, что на страже бумажных традиций стоят многие.

Такую же консервативно-подрывную функцию выполняют и нормативные документы ВАК, исходящие из признания исключительно бумажных публикаций. ВАК в данном случае тянет научную коммуникацию назад, навязывая ей отжившие формы. Вводимые в академических учреждениях и университетах критерии оценки эффективности научной работы сотрудников видное место отводят публикациям в «ваковских» журналах. Возникает порочный консервативный круг.

Одним из ключевых критериев для включения журналов в т.н. «список ВАК» является существенный бумажный тираж, что автоматически повышает расходы на издание научной периодики. Наличие огромного количества бумажных копий при отсутствии национальной системы их распределения и бедности библиотек подпитывает наивное стремление многих издателей избегать электронных версий журналов или в крайнем случае размещать их с большим опозданием, когда уже очевидно отсутствие шансов распродать залежи номера.

Что может быть сделано для преодоления этой ситуации?

Во-первых, необходима разработка процедур выравнивания статуса бумажных и электронных публикаций, более того, вторые в силу их большей открытости и доступности научной критике должны играть большую роль в формировании культурного капитала исследователя.

Во-вторых, необходимо создание при университетах и научных институтах некоммерческих издательств, занимающихся сугубо электронными публикациями в Интернете и имеющих одну цель — максимально широкое распространение своих резуль-

татов, что имеет побочный коммерческий эффект в форме брендинга соответствующих университетов.

В-третьих, научным журналам стоит отказаться от бремени типографских расходов, целиком перейдя к электронным изданиям. Библиотекам и индивидам, которым по тем или иным причинам необходимы бумажные версии, гораздо проще распечатывать номера или отдельные статьи, чем подписываться на бумажные журналы. Бумажные версии научных журналов — это архаика, а попытки добиваться их самоокупаемости — это иллюзии, тормозящие распространение научных результатов. Особенно актуально снятие этих барьеров в нашей стране, где редкие библиотеки могут позволить себе роскошь подписки на все необходимые журналы.

Сетевая организация научных исследований

Интернет открывает возможности для новых форм организации научных исследований, в которых на постоянной основе участвуют отдельные исследователи и коллективы, находящиеся в разных частях страны и даже мира. Этот тезис могу проиллюстрировать на примере Института сравнительных исследований трудовых отношений, который в течение полутора десятков лет (с первой половины 1990-х гг.) успешно функционировал как сугубо сетевая организация. Директор института, администратор и офис находились в Москве. Научный директор — главный инициатор проектов — Саймон Кларк, профессор Уорикского университета (Великобритания). В состав института изначально входили небольшие региональные филиалы, расположенные в Москве, Сыктывкаре, Кемерово, Новокузнецке и Самаре, потом присоединились коллективы в Ульяновске и Екатеринбурге. Для отдельных проектов подключались коллективы и отдельные исследователи из Грузии, Беларуси, Казахстана и Киргизии. Был непродолжительный опыт включения в исследовательскую сеть социологических групп из Китая и Вьетнама.

Существование такого института было бы невозможно без Интернета. Сначала во время кратковременных очных встреч на семинарах разрабатывались основные контуры программы исследования, потом доработка инструментария велась в основном посредством коммуникации по электронной почте. Разработанный и согласованный инструментарий доводился до каждой группы. В результате параллельно по одной методике шло исследование (чаще всего с помощью качественных методов) в разных регионах России и Евразии. Региональные группы работали в соответствии с утвержденным графиком. Собранный полевой материал рассылался по всей закрытой сети,

создавались размещаемые на закрытых сайтах базы данных, на основании которых каждый участник имел возможность писать статьи и / или книги по выбранной теме. Итоги — промежуточные и конечные — каждого проекта обсуждались на семинарах, а готовые материалы (статьи, тексты докладов, частично полевые материалы) выкладывались на сайте ИСИТО, разработанном в Уорикском университете и открытом для всех исследователей, заинтересованных в данной теме. Параллельный сайт был создан и на русском языке.

Благодаря этому сайту на институт периодически выходили исследователи трудовых отношений из других научных институтов России и Великобритании, Германии, США, Канады и иных стран. Время от времени они подключались к отдельным исследованиям, участвовали в семинарах ИСИТО. Общее число участников сетевого проекта порою превышало полсотни, но ядро обычно колебалось в районе двух десятков человек.

В рамках этого сетевого института при финансовой поддержке европейских грантов и Уорикского университета было написано большое количество монографий и сборников статей, изданных в Великобритании и России, отдельные статьи регулярно публиковались в научной периодике обеих стран, немало исследователей из этих стран защитили PhD-диссертации в Англии, кандидатские — в России, три человека, прошедшие школу этих проектов, защитили докторские диссертации в области социологии и экономики, несколько человек, стартовавшие в качестве начинающих полевых исследователей в дальних регионах России, сейчас заведуют кафедрами в ГУ-ВШЭ, работают в разных университетах Великобритании.

В последние годы существенно расширились технические возможности для реализации более гибких и активных форм научной коммуникации в Интернете, что открывает дополнительные возможности для сетевых проектов и институтов.

Полевое исследование в Сети

Интернет — это параллельное социальное пространство, порождающее собственную информацию. В силу этого формируется и параллельное исследовательское поле, не уступающее по значимости традиционному «реалу», но обладающее спецификой, дополнительными возможностями и ограничениями.

Остановлюсь лишь на некоторых методиках, апробированных мною в последние годы. В ходе исследования социальной структуризации повседневной жизни молодежи российского мегаполиса (2004–2007) в качестве исследовательской площадки

мною был использован «Живой журнал» <www.livejournal.com>. Здесь был создан блог «Странник» (старый ник — “vr05”, новый — “0_stranger”), с которого осуществлялся мониторинг текстов по изучаемой тематике. Архитектура блога позволяет перейти от пассивного к активному режиму. Например, в пространстве ЖЖ находится интересный журнал или отдельный пост. Через режим комментариев можно легко перейти от пассивного чтения и обработки чужого текста к интервью: автору задаются вопросы, выводящие его рассуждения в русло логики исследования. Кроме того, дистанционный режим общения в ЖЖ позволяет обсуждать с посторонним человеком темы, которые в реале могут уходить в категории «закрытых» или «чересчур интимных». Регулярные комментарии позволяют подтолкнуть избранных блоггеров наблюдать жизнь с учетом программы исследования. Кроме того, общение через ЖЖ давало возможность собирать информацию о жизни людей, находящихся в другом городе.

В этом же исследовании пространство ЖЖ было использовано и для поиска информантов для традиционного глубинного интервью. Просьба дать его посылалась людям, уже относительно хорошо известным по их блогам и в тех случаях, когда формат комментариев уже не устраивал. В результате в этом исследовании грань между двумя полями — Интернетом и реалом — порою сильно размывалась.

В том же исследовании были использованы и специализированные форумы, куда я вклинивался со своими вопросами. Это позволяло с минимальными усилиями получить достаточно обширную информацию. По итогам этого исследования была опубликована книга «Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация формирующегося общества потребления» (СПб., 2007).

Интернет как поле активно использовался мною в ходе исследования «Повседневная жизнь американского общества потребления», проводившегося в южной глубинке США в 2008 г. После нескольких интервью, которые у меня взяли местные журналисты, со стороны американцев, живущих в разных местах и принадлежащих к разным социальным группам, мне посыпались предложения помочь в проведении исследования. Главным средством коммуникации стала электронная почта. С ее помощью я объяснял своим потенциальным информантам смысл исследования, а потом мы договаривались о встрече. После обычного глубинного интервью часто возникали вопросы, которые посылались моим информантам по электронной почте. Порою эти уточнения по объему превосходили само интервью.

Важным источником информации для меня стали сайты американских газет и журналов. Здесь интересны были не только, а часто и не столько статьи, сколько многочисленные комментарии к ним, даваемые активными читателями. Нередко при обсуждении волнующей население темы небольшая статья сопровождалась сотнями комментариев из самых разных слоев общества, что давало материал, недоступный в традиционном полевом исследовании.

Для организации этого исследования я, как в предыдущем случае, использовал социальные сети (в основном “My Space”). Через эту сеть координировалась работа с информантами, задавались уточняющие вопросы. Кроме того, блоги использовались как ценный источник текстов и визуальных данных по социальной организации повседневной жизни американцев (в основном молодых).

Новые возможности для полевого исследования в Интернете открывает Skype. Его дешевизна и постоянно растущее качество связи позволяет идти к стиранию грани между традиционным интервью и беседой по скайпу. Единственное существенное ограничение в использовании этой технологии — это техническая отсталость большинства жителей России. Однако при работе с молодежью и с продвинутой частью взрослого населения Skype уже представляет собой эффективный инструмент полевого исследования. Он особенно ценен при работе с удаленными информантами и экспертами.

Появились технические возможности для проведения фокус-групп в Сети, с привлечением к ним людей из любых регионов, входящих в одно языковое пространство. Эти технологии уже активно используются в маркетинге, позволяя существенно экономить и время, и деньги. Нет существенных препятствий для перенесения этих технологий и в социологию и антропологию.

Разумеется, исследование в Сети и с помощью Сети не может быть универсальным. Все зависит от объекта исследования. Даже в самых продвинутых нациях четко прослеживается социальная стратификация по уровню вовлеченности людей в параллельное виртуальное пространство Интернета: кто-то там живет больше, чем в реале, кто-то использует Интернет в сугубо вспомогательных целях и лишь время от времени, а кто-то совершенно исключен из этого пространства, не понимая, зачем оно нужно, не зная, как им пользоваться. Удельный вес этих слоев существенно колеблется от страны к стране. В России по-прежнему большинство населения, особенно за пределами молодежных групп, через Интернет недостижимо. Однако ситуация заметно меняется каждый год.

Резюме

Таким образом, Интернет — это параллельное пространство научной коммуникации, значимость которого растет. Его появление ставит много вопросов, требующих радикальной перестройки науки как социального института и методологии полевого исследования. Интернет — это новое поле, в которое выходит все больше исследователей.

МИХАИЛ КРАСИКОВ

1

Не думаю, что «появление необъятного информационного поля привело к тому, что границы научного знания стали не просто расплывчатыми, но и другими». Если говорить об истоках, то и в европейской, и в восточной традициях научное знание было изначально **целостным и синкретичным**. Не только Аристотель, энциклопедический ум античности, занимался в с е м , но и мудрецы куда меньшего полета. Причем это в с ё называлось **философией**. Демаркационных линий между отраслями знания (еще не ставшими или только становящимися *отростками* единого Древа Познания, то бишь «науками») просто не существовало, и это как раз было источником инноваций, креативных идей, смелых обобщений, так как виделась **взаимосвязь всего со всем во Вселенной**.

Ломоносов еще был энциклопедистом, основатель Харьковского университета В.Н. Каразин (1773—1842), которого современники называли «украинским Ломоносовым», поражал широтой своих научных интересов, но не случайно уже в середине XIX в. рождается представление о сомнительной возможности персонального энциклопедизма, впрочем, приправленное иронией и по поводу специалистов, полнота знаний которых подобна флюсу — она всегда одностороння (Козьма Прутков). Сегодня — время не энциклопедистов, а как

Михаил Михайлович Красиков
Национальный технический
университет «Харьковский
политехнический институт»
krasikov@kpi.kharkov.ua

раз узких специалистов (хотя встречаются и ныне ученые с ренессансным кругозором, люди, о которых в народе бы сказали: «И швец, и жнец, и на дуде игрец»). И, как ни иронизируй по поводу того, что «спецы» узнают всё больше о всё меньшем и в конце концов будут знать *всё ни о чём*, но углубление в предмет далеко не всегда бессмысленно: предельное сужение объекта анализа вовсе не означает сужение мыслительного горизонта. Есть примеры (в том числе в фольклористике и этнологии), когда глубокое и всестороннее исследование какой-нибудь частности, «мелочи» корректировало наше представление о достаточно масштабных проблемах.

Тем не менее со второй половины XX в. отчетливо наметилась тенденция к «стыку наук» и своеобразному синкретизму (на новом витке) научного знания. Появилось и такое понятие — инонаучное знание. Но Интернета тогда еще не было!

Не могу согласиться и с тем, что «прежние критерии научного текста перестают работать». Для любого серьезного ученого критериями научности текста в гуманитарных науках остаются: достоверность приводимых фактов, строгое документирование источников информации, применение адекватных методов исследования, логичность и непротиворечивость изложения, полнота охвата материала, учет всех наработок предшественников в изучении вопроса, точность и глубина анализа, объективность и обоснованность делаемых выводов. Если для кого-то эти критерии перестают работать, значит, он перестает заниматься наукой. Увы, в последние 20 лет появилось немало примеров того, как люди, даже обремененные учеными званиями, пишут «научно-популярные» труды, в частности по славянскому язычеству, основываясь на весьма сомнительных источниках. Но Интернет к появлению таких текстов тоже не имеет отношения, разве что к их распространению. Да, «серьезный научный текст можно встретить на любительском сайте», скорее на чьем-то персональном (когда человеку важно обнародовать статью, опубликованную в труднодоступном сборнике); так поступают многие ученые (в том числе автор этих строк). А вот «наоборот» — любительский текст на научном сайте (действительно научном!) быть не может, а если может, значит, есть сомнения в квалификации редакторов.

Никакой беды в том, что «тексты неопределенного характера бесконечно множатся», я не вижу. Есть, например, **научная и философская эссеистика**: эти тексты не укладываются (и слава Богу!) в рамки «строгого научного знания». Но этот жанр в гуманитаристике существует не одно столетие! Сейчас он переживает расцвет, проводятся изредка даже конкурсы на лучшие произведения в сём роде. И это логично: свободно выра-

женная мысль порой дает существенный толчок академической науке, расширяет сам спектр видения проблемы. Однако такие «тексты неопределенного характера» существуют ныне как в электронном, так и в печатном виде. «Размыванием научного знания» они не грозят: ведь часто авторами данных произведений являются люди, прекрасно знающие «условия игры» в научном сообществе и параллельно создающие вполне «определенные», т.е. сугубо научные статьи и монографии. Неопределенность / определенность на самом деле нужны друг другу (и нужны ученым и самой науке) в равной мере — по принципу взаимной дополнительности Н. Бора.

2

Да, Интернет дал новые возможности организации научной жизни. Web-конференции становятся обыденным делом; на конференциях «в реале» все чаще можно через Skype пообщаться с заокеанским коллегой (выслушать его доклад, задать вопросы, по diskutieren). Но исчезает ли деление на «столичные» и «периферийные» сообщества? Кажется, в Сети, как в бане, все равны. Хотя и в бане, и в Сети на самом деле равенства нет (как нет его нигде и ни в чём!). Научные школы, имеющие привязку к традиционным научным институциям, все равно остаются авторитетными. Прежние иерархии не перестают быть актуальными, но *наряду с ними* возникают интернет-сообщества, где (в частности, на форумах) можно почерпнуть новую информацию, обменяться мнениями по определенным вопросам, попросить помощи в нахождении необходимых сведений и т.п.). Это облегчает жизнь, но не меняет ее кардинально: ничто не может заменить работу в архивах и библиотеках, участие в полевых исследованиях и т.д. Как говорил А. Райкин, «есть вещи, которые нужно делать *лично*». Да, опросы определенных категорий информантов можно (и нужно) делать с помощью современных информационных технологий, но носители традиционной культуры в СНГ еще не обзавелись персональными компьютерами и не торчат в интернет-кафе.

Чем действительно важен Интернет всем ученым: именно с его помощью можно следить за выходящей научной литературой (и тут в равном положении оказываются и столичные жители, и провинциалы) и, кстати, заказывать нужные книги через интернет-магазины. Чрезвычайно удобно работать с электронными каталогами крупнейших библиотек (увы, далеко не все богатства наших книгохранилищ еще отражены в этих каталогах). Архивы тоже сегодня дают все большую возможность исследователю, не выходя из дома, ориентироваться в их фондах (хотя опять же далеко не все архивные учреждения, даже академические, обзавелись электронными путеводителями по фондам).

Что же касается библиографии по интересующему вопросу, не надо обольщаться: Интернет знает далеко не все, огромное количество специальных изданий (и старых, и новых) не попадает в «невидимую паутину», поэтому полагаться *исключительно* на Интернет могут только «троечники» по жизни (и в науке).

3

Есть две крайности, которых стоит избегать:

- а) полное доверие Интернету;
- б) полное недоверие Интернету.

Принцип «доверяй, но проверяй» здесь, как и вообще в науке, должен быть руководством к действию. Одно дело, когда на сайте научной организации или ученого выкладывается статья или монография (порой в сканированном виде, адекватно печатному источнику). Другое — когда статья, позаимствованная неизвестно кем, начинает гулять по Сети, теряя фамилию автора, примечания, иллюстрации, а порой и целые абзацы, но приобретая новое название, перевранные даты и т.п. Несколько раз я обнаруживал в таком виде в Интернете свои тексты, причем без фамилии автора (и, естественно, гонорара) они перепечатывались в популярных изданиях под другими названиями.

Аутентичность «скачиваемой» информации мною обязательно проверяется. Порой возникает необходимость установить контакт с автором текста, и с помощью все того же Интернета я это делаю. Ну, а со знакомыми-друзьями я регулярно обмениваюсь по электронной почте статьями, причем часто еще до публикации в сборнике или журнале, т.е. мы получаем информацию «из первых рук».

4

Одна из моих работ как раз посвящена данной теме: [Красиков 2009].

Есть ученые (например, М. Ахметова, И. Назарова, М. Алексеевский), которые блестяще работают в новом «поле». Некоторые темы можно изучать «имманентно», не выходя за рамки интернет-коммуникации. Для изучения, скажем, субкультур сегодня исследователю мало «тусоваться» с представителями изучаемой группы. Необходимо изучать и виртуальную жизнь данного сообщества. А есть, как известно, субкультуры (как «пАдонки»), существующие исключительно (или по преимуществу) в Интернете. Конечно, Интернет дает широкие возможности укрыться за «речевой маской». Но Интернет-фольклор, скажем, программистов просто был бы невозможен только в устной форме. Впрочем, было бы любопытно сравнить количество и качество программистских баек, анекдотов, пародий,

переделок и т.п., бытующих по старинке в устной традиции и виртуальном пространстве.

Думается, при любых исследованиях самовыражения обитателей всемирной паутины нельзя забывать о том, что эти **Номо Interneticus** еще существуют и в реальной жизни, и интернет-дискурс для них не единственный (хоть, может быть, и очень важный), а потому весь арсенал традиционных культурно-антропологических методов работы тут непременно должен быть задействован.

Библиография

Красиков М.М. Интернет как парта (студенческая эпиграфика в сети) // Интернет и фольклор: Сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 170–179.

РОМАН ЛЕЙБОВ

1 Строго говоря, эти выходы совершенно очевидны: надо (не кому-нибудь, а нам с вами) организовывать сетевое пространство, как любое культурное. Если от пассивной позиции мы перейдем к активной, в перспективе следует мыслить вовсе не «дальнейшее размывание», но «новое структурирование».

Проблема, однако, осложняется тем, что тенденция, описанная в вопросе, вовсе не является следствием внедрения Интернета и отнюдь не характеризует только последние полтора десятилетия.

Над качеством статей в «главных» англоязычных реферируемых гуманитарных журналах уже десятки лет не потешается только ленивый. Нам с вами эта ситуация, скажем, хорошо известна по советской практике (когда какие-нибудь провинциальные «Ученые записки», бывало, весили поболее московских «Известий...» или «Вопросов...»).

Кажется, эта ситуация не связана ни с советской властью, ни с Интернетом, но прямо вытекает из двусмысленности гуманитарного знания (включаю сюда и соци-

Роман Григорьевич Лейбов
 Куратор сайта Ruthenia.ru /
 Тартуский университет,
 Эстония
 roman.leibov@gmail.com

альные науки в широком смысле слова) в постпозитивистской системе наук.

Сегодня следует, думаю, внимательнее присмотреться к опыту коллег-лингвистов, а также естественников и математиков. Там кое-что придумано уже.

2

Я всячески приветствую все возможные новые формы организации ученого сообщества, если они ведут к приращению смыслов. А в этом, кажется, нет сомнений; довольно минимально продуманных правил игры, чтобы исключить наплыв городских сумасшедших и хулиганов, а иерархии, образующиеся в новых коммуникативных средах, которые я в своей области имел удовольствие наблюдать, вполне согласуются с моими представлениями о том, как устроен современный мир академической истории русской литературы.

Кстати, коллеги, которые «не участвуют в научной сетевой коммуникации (не считая электронной почты)», часто в своих электронных письмах демонстрируют высокую степень осведомленности и вовлеченности в другие типы коммуникации.

Просто они выбирают такую форму участия в ней.

3

Так же, как я решал ее в библиотеке: иерархизацией источников. Да, тут многое приходится объяснять заново, но старшие и ровесники все понимают быстро и без слов, а младшим и прежде мы терпеливо объясняли, чем отличается издание с грифом «Институт русской литературы АН СССР» от издания из серии «Мои первые книжки» и как надо искать в предметном каталоге.

Я бы сказал так: новые возможности создают новые сложности, но и изощряют эвристический инстинкт, что полезно в условиях этого дикого информационного поля.

4

Прежде всего, его следует элементарно фиксировать. Это самая главная проблема сетевых источников как объекта. Вы, обливаясь потом, набираете длинный адрес из печатного издания, чтобы взглянуть на контекст приведенной в исследовании цитаты, а в ответ вам вылетает сакраментальное “404 Not Found”.

На этот счет у нас есть довольно простой проект исследовательского архива, и даже написано уже подробное техническое задание для тех, кто вдруг надумает этот проект осуществить и найдет программистов-разработчиков. Только денег нет на реализацию, и совсем уж времени нет искать эти деньги. (Наверное, потому что я не фольклорист, не социолог литературы, не политолог, не психолог и даже не лингвист. А то бы нашел.) Если кого заинтересует — пишите письма на <ruth@tartu.msk.ru>.

Краткая анкета

Ваш возраст — 48 лет.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — изменилось значительно.

НАТАЛИЯ МАЗУР

Гоббс не зря предупреждал против использования метафор в научной речи: ложные помощники в прояснении предмета исследования, они к тому же способны неожиданно приоткрыть в психологии и культурном багаже автора гораздо больше, чем того хотелось бы и нам, и автору «Левиафана». Если я скажу, что с моей точки зрения появление Интернета сопоставимо только с изобретением книгопечатания, а никак не письменности, проницательный читатель сразу же поймет, что предмет моих научных интересов сформировался и был зафиксирован на материальных носителях до появления Интернета, что, скорее всего, это классическая, а не массовая культура и что проблемы «улицы, корчащейся безъязыкой», мне по большей части неведомы или неинтересны. И все это будет правдой.

Действительно, для исследователя моего профиля Интернет полезен прежде всего как новый способ хранения и передачи информации, а роль его как поля, в котором рождается новый предмет для исследования, минимальна. Сейчас для нас наступил момент благодатного пожинания плодов: период стихийного выброса несистематизированной информации закончился, на смену энтузиастам-одиночкам пришли мощные научные институции, и в Сети сформировались пусть не материки, но во всяком случае довольно обширные острова упорядоченного знания — отчасти за счет планомерной оцифровки источников, созданных в доинтернетскую эпоху, отчасти в рамках новых проектов.

Наталья Николаевна Мазур

Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва / Московский
государственный университет
ntl mazour@gmail.com

Благодаря таким сайтам, как Googlebooks, Gallica, Joconde, JSTOR, Muse, Perseus, ARTFL и т.д., многие поисковые и аналитические операции, на которые раньше могли уйти недели и месяцы кропотливого труда, теперь выполняются компьютером за считанные секунды. Именно Интернет окончательно положил конец информационному разрыву между русской и западной наукой, «уравнял» доступ ко многим категориям источников для столичных и провинциальных ученых, расширил и облегчил возможность публичного обсуждения проблем и результатов исследований.

Большинство проблем, поставленных в анкете, для нас либо уже позади, либо не возникали вовсе. После того как прошел первый информационный шок, стало понятно, что границы «научности» не изменились: они по-прежнему определяются внутренними законами научной школы, к которой себя причисляет исследователь, а отнюдь не местом публикации материалов. И раньше в солидном журнале можно было встретить работу, совершенно не укладывающуюся в (мои) критерии «научности», а в сборнике краеведческих фантазий — публикацию редких архивных материалов.

Интернет только облегчил и ускорил консолидацию единомышленников: уже не раз приходилось наблюдать, как профессиональные посты или комментарии в Живом журнале позволяли человеку «со стороны» стремительно (по доинтернетовским меркам) перейти в число «своих».

Развевались и педагогические страхи: студенты быстро поняли, что поймать их на «скачивании» работы из Интернета гораздо проще, чем на списывании еще не оцифрованного текста¹. Прочсть ознакомительную лекцию о полезных сайтах легче, чем курс библиографии и источниковедения, давно исчезнувший из программ большинства филологических факультетов — с самыми печальными последствиями.

Что же до достоверности публикуемых в Интернете материалов, то и здесь для человека здравомыслящего и сколько-нибудь поблуждавшего по Сети шанс ошибиться немногим больше, чем при цитировании «вслепую» (когда цитата или номера страниц не проверяются *de visu*, а берутся из чужой работы).

¹ В педагогическом процессе Интернет породил проблему иного рода. Объем запоминаемой нами информации (если прибегать к метафорам, «жесткий диск») неумолимо сокращается, уступая место «оперативной памяти», сосредоточенной на кончиках пальцев. Между тем для построения сколько-нибудь масштабной концепции (а также для чтения лекционных курсов) требуется большой и регулярно дефрагментируемый «жесткий диск». Конечно, процесс трансформации научного знания, при котором «знать» превращается в «знать, где посмотреть», начался задолго до появления Интернета (а мнемотехники вышли из активного употребления много, много раньше), но сокращение объема «жесткого диска» приобрело овалный характер именно в последние годы.

Однако, расширив наши возможности, Интернет во много раз повысил и масштаб ожиданий. Исчез целый ряд удобных извинений: смешно ссылаться на недоступность иностранных работ и источников (а, следовательно, и маскировать этим незнание или нежелание читать на других языках), стыдно избирательно подходить к библиографии, игнорируя провинциальные (или, напротив, столичные) издания (при условии, конечно же, что хотя бы их содержание появляется в Сети). Стало гораздо легче избегать невольного повторения чужих наблюдений и ловить за руку любителей умышленного плагиата.

Происходят ощутимые сдвиги в иерархии методов и направлений. Резко снизилась ценность работ, авторы которых ограничиваются фиксацией формальных сходств без попытки их осмысления, а такова, между прочим, значительная масса работ по интертекстуальности, задававшей интеллектуальную моду на протяжении не одного десятилетия. Утрачивает популярность культуртрегерство: западные исследования благодаря Интернету перестали быть недоступными, а оригинал надежнее пересказа. С все большей иронией смотрят на работы, составленные по принципу “сору — paste”. Истребить этот почтенный метод, изобретенный задолго до Интернета и породивший немало солидных монографий, скорее всего, не удастся никогда, но предельная простота его применения (нет необходимости даже книжку открывать и буквы набирать) обещает сократить число охотников (впрочем, коллеги-пессимисты сулят обратное).

Хочется надеяться, что эти перемены постепенно приведут к повышению не только скорости, но и качества работы. Понятно, что результаты в нашем неторопливом деле не могут появиться сразу и с выводами спешить пока что рано. Однако если первый, «стихийный» период бытования научного знания в Интернете уже закончился, то реакция на него научного сообщества, кажется, еще продолжается. Главную проблему составляет отнюдь не старшее поколение, игнорирующее Интернет (тем более что в голове его достойнейших представителей, судя по всему, имеется свой гугльбукс, а их личные картотеки подчас богаче иного оцифрованного архива). Больше всего трудностей возникло у ученых среднего и младшего поколения, которые Интернет вполне освоили, но не успели согласовать с ним свою методологию, а подчас и научную этику.

Характерно, что в последние годы резко обострилась проблема плагиата: похоже, что иных исследователей упрощение доступа к множеству разнородных источников подтолкнуло заключить, что все идеи — общие и надо либо вовсе отказаться от ссылок на предшественников, либо научиться затушевывать

свою неоригинальность. Степень знакомства русских ученых с иностранными работами (и наоборот), может быть, и возросла, но вот на количестве взаимных ссылок это явно не сказалось: более того, кажется, сработал механизм «вытеснения» и ссылаться стали едва ли не реже. Поскольку защищенность копирайтом текстов, опубликованных только в Интернете (тем более, если это пост или комментарий в блоге), сомнительна, резко увеличился соблазн присвоить чужую находку. Эта тенденция быстро принесла свои плоды: после первой и недолгой вспышки либертарианства число желающих участвовать в коллективных интернет-проектах с плохо оговоренным авторским статусом резко сократилось.

Взамен ослабевшей моды на примитивную интертекстуальность возникла новая — на визуальность: поиск «по картинкам» и упростившаяся возможность украсить ими текст статьи породили немало работ, простота которых ничуть не лучше воровства. Потенциал Интернета как дискуссионной площадки практически не используется, скорее всего, из-за нежелания тратить время и силы на «чужие» проблемы (в этом, однако, нет ничего специфически «интернетского»: такой же спад переживает и практика печатного рецензирования).

Впрочем, все эти проблемы можно списать на трудности адаптационного периода. Гораздо важнее наша реакция на вызовы «высшего порядка». Понятно, что справедливым ответом на активное использование ресурсов, созданных другими пользователями, должен стать свой вклад в расширение и упорядочение научных материалов, доступных в Сети. То, как наши соотечественники (при чрезвычайно малых возможностях) этот вызов принимают, заслуживает самого искреннего восхищения: значительное количество справочных и библиографических ресурсов создается и поддерживается у нас отнюдь не большими институциями, а отдельными энтузиастами (иногда объединяющимися в группы).

Однако мне кажется, что Интернет дает огромные возможности не только для упорядочивания научного знания, но и для модернизации собственно научного текста: многие типы научного нарратива, потенциально склонные к гипертекстуальности, многоуровневости, могут сильно выиграть при интернет-реализации. Дело даже не в простом повышении информативности и наглядности: игра фреймов и гиперлинков, использование мультимедийных средств могут дать такое столкновение смыслов, которое никогда не возникнет в бумажном варианте, сколько бы сносок и иллюстраций мы к нему ни приложили (в этом смысле показательно увеличение удачных образовательных интернет-ресурсов синтетического типа).

Конечно, теоретические и вообще концептуальные тексты, требующие линейного развертывания, вряд ли станут подходящим объектом для веб-эксперимента: чем меньше отвлечений возникает при их чтении, тем лучше. Но там, где в научный нарратив инкорпорирован обширный «внешний» материал, искусная веб-презентация может произвести значительный инновационный эффект: описательная научная проза, комментированные публикации, исследования, построенные на компаративных процедурах, etc. могут обрести совершенно новые формы реализации. Более того, эти презентационные формы скрыто провоцируют исследователя к расширению и дополнительной систематизации исследуемого материала, заставляют выявлять в массе данных (обычно сугубо иллюстративных) «тонкие властительные связи» и смысловые потенции, неочевидные до этого. Наконец, когда возникает техническая возможность соположения разнохарактерных объектов, сами границы материала начинают нечувствительно раздвигаться. И, может быть, именно эти перспективы, несмотря на очевидные их опасности, дают шанс традиционной науке (в частности, филологии) отвоевать позиции, сданные практически без боя на протяжении последних двух десятилетий.

“Malbroug s’en va-t-en guerre. Dieu sait quand reviendra”¹.

Краткая анкета

Научное поколение — среднее.

Появление Интернета лишь незначительно изменило собственно содержание и методологию моей научной работы, но очень существенно повлияло на скорость сбора и анализа информации.

¹ Эту цитату очень любила моя бабушка, а следом за ней и мама, она входила в число семейных драматиков «прособирившегося», т.е. я помню ее столько, сколько помню себя. Тем не менее прежде чем закончить статью, я опасливо справилась у Интернета — все ли в ней верно. Тут же обнаружилось, что в нашей семье эта цитата, скорее всего, бытует в толстовской аранжировке (именно так ее произносит старый князь в «Воине и мире»), а в оригинале она звучит несколько иначе: “Malbrough s’en va-t-en guerre, ne sait quand reviendra”. На то, чтобы узнать массу полезных и забавных сведений (в частности, из очень толковой статьи про эту песенку в Википедии), мне понадобилось не больше пяти минут, и это замечательно; настораживает другое: даже для того, чтобы пошутить, мне пришлось залезть в Интернет.

ДЭВИД МАКФАДЬЕН

Фундаментальные изменения, внесенные в науку Интернетом, стирают или затушевывают многие традиционные различия. Становится все сложнее провести грань между академическим, «авторским» исследованием, сотрудничеством, процессом публикации, а для сотрудников высших учебных заведений — педагогической деятельностью. Другими словами, работа, проводимая в Интернете, все чаще является и совместной, и междисциплинарной. Ведь гуманитарные науки сегодня совпадают и пересекаются со статистическим анализом, теорией дизайна, визуализацией, медийной критикой и т.д. В результате вместо отдельно взятого авторского труда в узком, старом понимании, вместо традиционных академических монографий развиваются возможности для глобально ориентированных, мультимедийных сетей общественного участия. Скорее чем говорить о научно-исследовательской работе или о работе сегодняшних ученых как культурологических арбитров или *получателей* объективной информации, может быть, становится уместнее говорить о новой эре «сотворения» информации, что включает в себя и ученых, и широкую публику — одновременно и вместе на общую пользу.

В поиске авторитетной точки зрения в поддержку этой гипотезы следует, по-видимому, обратиться к профессору Гарварда и директору библиотеки университета Роберту Дарнтону. Он достаточно часто выражает точку зрения, согласно которой Интернет уже определяет некую «четвертую стадию» в развитии общечеловеческих информационных технологий. Около 3200 лет до нашей эры человек создал иероглифы. Потом появились старинные рукописи, почти одновременно с появлением и распространением христианства. Дальше идет возникновение подвижных литер в Азии, более чем 800 лет назад. Интернет по такой схеме является последней и четвертой фазой.

Как нам, филологам, справиться с этим с учетом головокружительной активности и невероятного разнообразия «четвертого» периода? Следует сначала идентифицировать те способы, которыми сегодняшняя сетевая информация размножается и передается, а потом предложить научный подход, с помощью которого мы сможем навести какой-то педагогический порядок! Как нам, одним словом, толковать Интернет?

В значительной степени самые серьезные метаморфозы в области традиционных гуманитарных наук происходят в сфере *визуализации* информации: смотрим намного больше, чем читаем. Поэтому в западной науке растет популярность (и релевантность) дисциплины “visual studies”, т.е. визуальных исследований. Эта дисциплина предлагает по-настоящему описывающий, а не предписывающий взгляд на многообразие сетевой информации, что многих из нас приводит в замешательство. Она сочетает аспекты традиционного литературоведения с общественными науками, психологией, нейропсихологией и, разумеется, информатикой, сокращая пугающий разрыв между текстуальными формами учения прошлого и визуальными — будущего. Поэтому она годится для изучения литературного Интернета: дисциплина “visual studies” стирает большое число языковых или даже культурных различий между сферами сетевой деятельности, чтобы разобраться в современных сходных и отличных явлениях в Сети, давно формирующихся посредством не риторики, а *зрелища*.

Синхронное изучение явлений визуальных и вербальных стало для нас философски возможным, а для наших студентов кардинально необходимым с педагогической точки зрения, так как наше общее цифровое окружение уже давно приобрело собственную грамматику. Интернет — это и есть *новая* риторика. Академический лексикон полон таких терминов, как «интервизуальность» или «интермедийность». Поле “visual studies” адекватно для решения проблемы визуальности текстов тем, что оно функционирует внутри *взаимодействия* разновидностей сценического искусства, там, где язык становится представлением (или даже «шоу»). В вечно меняющейся информационной сети мы обнаруживаем при помощи визуальных исследований новый, актуальный объект нашего внимания: текст как *событие*. Обнаруживается цифровая деятельность, стирающая традиционную грань между прежними логоцентричными формами филологии и новым пониманием языка как интерактивного, мультимедийного *действия*.

А как нам гарантировать качество контактов и общения для наших студентов в такой интерактивной среде «со-творения»? Выше предлагается междисциплинарный подход к цифровому

миру, а как нам водить студентов по нему, при условии, что уже нет четкой разницы между так называемыми высокими и низкими проявлениями культурной деятельности? Как нам фильтровать нескончаемый медийный поток?

Дело прежде всего в скрупулезной работе по сбору информации. Тут, может быть, стоит начать разговор с примера Википедии. Проект был запущен в 2001 г. двумя трудолюбивыми американцами; теперь в нем более 17 млн статей, и даже на русском языке находим почти 700 тыс. Сначала, как мы прекрасно помним, академический мир смотрел на Википедию со снисхождением, чтобы не сказать с ненавистью. Даже сегодня более пессимистично настроенные ученые все еще настаивают на том, что надежность или точность Википедии сомнительны. К тому ж, неминуемая проблема хулиганства в Сети подвергает Википедию риску предоставления ложной или часто «исправленной» информации.

Но именно эта нестабильность, как это ни странно, делает сайт важным, если не самым значительным, источником новостей на многие темы, поскольку он часто обновляется и отражает актуальные общественные тенденции или противоречия. Теперь русскоязычная Википедия, благодаря в том числе этим положительным процессам, стоит на пятом месте в списке посещаемости. Страна ею пользуется и все более часто посещает. Если наука собирается следовать за народом (как хотелось бы надеяться), то как же нам не волноваться, особенно когда аристократы от науки отождествляют определения «любительский» и «незначительный / малозначимый»?

Если материалы Интернета не проходят формального процесса экспертной оценки, то их значимость определяется другими критериями, например объемом собранной информации. Уже понятно, что значительная часть научной работы в сфере Интернета будет в ближайшее время заключаться в сборе того, что стоит сохранить. Если сегодня эксперт уже (давно!) не имеет контроля над созданием интернетовских материалов, осуществляющимся круглосуточно и по всей планете, то он все-таки может играть значительную роль в том, что будет *спасено на завтра*. Подобные утверждения можно выдвигать, не рискуя быть обвиненным в излишнем пафосе или самоуверенности, так как средняя продолжительность жизни веб-страницы сегодня — где-то между 44 и 77 днями. Это меньше трех месяцев.

Мы окружены мимолетной информацией. Роль ученого в области Интернета — уже не оценивать текущие, стремительно развивающиеся процессы (реку же не остановишь, и твой одинокий голос никто не услышит во всеобщей цифровой сумато-

хе). Тем не менее *качество* информации можно хоть как-то регулировать с расчетом на завтра; если сетевые источники исчезают с такой поразительной скоростью, морально мы просто обязаны сберечь те из них, которые того стоят. Необходимо фильтровать информацию и сохранять все полезное — дольше, чем на 77 дней!

Вот пример из конкретной академической практики. Почти три года назад был создан архив «Далеко от Москвы» <www.farfrommoscow.com>. Его главная задача — сохранение и тем самым поддержка современной музыкальной / песенной культуры. По сей день туда ежедневно добавляются новые композиции, видеоматериалы, информация о концертах и научные тексты. К весне 2011 г. он станет профессиональным узлом для славянских и балтийских музыкантов от Риги до Владивостока, ведь на сайте уже есть материал о 1300 артистах. Все к тому же построено на основе частной коллекции, которую составляют 600 000 песен. Не существует другой такой *живой* библиотеки, где ученый работает с народом, сохраняет / одобряет материал сегодня и вновь предлагает его публике тогда, когда давно уже исчезли оригинальные источники.

А когда этой весной проект станет профессиональной социальной сетью, то функциональность, позволяющая артистам закачивать, скачивать, обсуждать и обмениваться медиаматериалами, а к тому же и общаться (устно или в письменном виде), создаст бесценную среду языковой / мультимедийной практики для наших студентов. Т.е. в отличие от сугубо открытых, бесформенных систем в духе Facebook или Vkontakte, наши медийные экспонаты, тексты и средства коммуникации будут собраны в одном месте: в центральном, официально одобренном, контролируемом преподавателями медиахранилище. Навсегда, а не на 77 дней. Проект «Далеко от Москвы» стоит у входа в хранилище, так сказать, отдавая и принимая материалы. Он работает как клапан (или библиотекарь), контролирующий поток информации и сохраняющий содержание фонда навек.

В мире постоянно растущей цифровой информации студенты сами все больше работают с сетевыми материалами: с аудио-, видео- и изображениями чаще, чем с бумагой. Они, мягко говоря, редко ходят в библиотеку. К тому же после каждой сессии все их курсовые работы, написанные на бумаге, выбрасываются. А если они, вместо того чтобы писать простые сочинения, будут создавать и использовать медийные материалы, составляя интерактивные проекты либо индивидуально, либо группами, то обнаружится новый потенциал. Хранилище же упрощает сосуществование экспонатов из разных отделений

университета. Вещи, собранные студентами на кафедре архитектуры, например, могли бы пригодиться тем, кто изучает литературу определенного города или периода. Такие полезные материалы, конечно, уже есть в Интернете, но все исчезает — сначала среди хлама (их хлопотно искать), а потом и вовсе (их невозможно найти!).

Надо сохранять, а значит, утверждать и регулярно регистрировать («теговать») информацию в хранилище так, чтобы студенты-пользователи со временем могли бы использовать отобранный материал (как на “Far from Moscow”). Благодаря групповому участию любой такой источник будет расти удивительно быстро. Студенты одного поколения будут трудиться на пользу каждого *последующего*: индивидуальные студенческие сочинения настоящего станут междисциплинарными, *коллективными* проектами.

Хранилище, поскольку оно тоже является централизованной службой мгновенного обмена сообщениями, предстанет в виде центра дистанционного обучения. Оно открывает возможности для живого, мультимедийного и опять же нами одобренного общения с носителями другого языка. Студенты будут не пассивно принимать информацию, а — пользуясь функциональностью данного аудио-, видео-, текстового портала — вступать в совместные, активные проекты. Наши ученики ведь уже полагаются на сетевые устройства для ежедневного контакта. Сетевой, круглосуточный мультимедийный контакт на университетских серверах будет ставить студента в трехмерный аудио / видеоформат общения. Пассивное получение языковой информации становится коллаборативной и «конкурсной» средой социальных связей. Языковедение делается живым процессом на основе тщательно отобранных материалов, перемещающихся свободно между кафедрами, внутри университета. Система работает именно так, как любая академическая библиотека.

Путем живого, синхронного контакта с носителями языка студенты смогут где и когда угодно развивать способность отстаивать свою точку зрения (в реальном времени), выдвигать гипотезы, улавливать подтекст в речи других, констатировать и оценивать факты, уточнять и отстаивать свои взгляды. Либо в университете, либо дома.

Одним словом, если мы признаем, что язык и литература и *есть* сегодня медиа, то перед нами откроются широкие педагогические перспективы. С помощью фильтрации, сохранения и тщательной регистрации материала мы сможем превратить бесконечные (бессмысленные!) просторы Сети в удивительно

полезный домен. Центральное мультимедийное хранилище сегодня гарантирует мобильную / круглосуточную библиотеку завтрашнего дня.

МИХАИЛ МАТЛИН

Интернет — фольклор — фольклористика

Интернет для современной русской фольклористики, как и для других гуманитарных наук, уже прочно стал не только способом хранения и передачи информации, но и исследовательским полем, и инструментом исследования¹. Тем не менее не все указанные аспекты одинаково развиты, да и само их применение порождает ряд проблем. Во-первых, по-прежнему чрезвычайно актуальной остается задача формирования фольклористического информационного поля. Прежде всего оно должно включать в себя сведения о научных сообществах или ассоциациях (в России таковых нет), организациях и учреждениях, мероприятиях, источниках информации (архивы, журналы, альманахи, непериодические издания, монографии, авторефераты и проч.). Далее — полнотекстовые версии статей, монографий.

Большая часть обозначенного уже существует и более или менее активно используется. Между тем быстро и в полном объеме получить необходимые сведения до недавнего времени было возможно только на сайте «Фольклор и фольклористы России», созданном и поддерживаемом Л.В. Рыбаковой². К сожалению, сайт с 2006 г. не обновляется, многие сведения устарели и не соответствуют действительности.

Михаил Гершенович Матлин

Ульяновский государственный педагогический университет
matlin@mail.ru

¹ См., например: [Богданов; Библиография работ; Folk-art-net 2007; Интернет и фольклор 2009; Захаркина, Адоньева; Сулова 2009].

² <<http://ffr.nm.ru/>>.

В какой-то степени функцию информирования научного сообщества по указанным направлениям сегодня взял на себя блог М.Д. Алексеевского «Современная фольклористика как наука»¹. Отдельные сведения размещены на сайтах некоторых научных и учебных заведений². Что касается полнотекстовых версий публикаций по традиционной культуре и фольклору, то за исключением сайтов «Фольклор и постфольклор»³ и Фундаментальная электронная библиотека⁴ в Сети размещаются в основном публикации авторов конкретного сайта⁴, сотрудников научного или учебного учреждения⁵.

Некоторые области этого поля, преимущественно полнотекстовые версии статей и книг, можно обнаружить и вне собственно научного интернет-пространства. Во-первых, это различного типа электронные библиотеки, имеющие в своем составе как дореволюционные издания, так и издания XX в.⁶ Во-вторых, это сайты различных общественных организаций, преимущественно национально-культурной ориентации⁷. В-третьих, индивидуальные сайты⁸. К сожалению, приходится констатировать, что наиболее полно научная литература по традиционной культуре и фольклору представлена именно на этих интернет-ресурсах, а не на ФЭБе и научных сайтах.

Представляет ли это какую-то опасность для научного сообщества? Оборачивается ли появление серьезного научного текста на любительском сайте размыванием границ научного знания? И как относиться к тому, что «для студентов, аспирантов,

¹ <http://community.livejournal.com/ru_folklorist/>.

² Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика <<http://ruthenia.ru/folklore/index.htm>>; Государственный республиканский центр русского фольклора <<http://centrfolk.ru/>>; Русский фольклор в современных записях <<http://www.folk.ru/>>; Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера. Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова <<http://folk.pomorsu.ru/>>; Кафедра устного народного творчества МГУ <<http://www.philol.msu.ru/~folk/index.htm>>; Российский фольклорный союз <<http://www.folklore.ru/>>; Русская традиционная культура <<http://ru.narod.ru/>>.

³ <<http://feb-web.ru/>>.

⁴ <<http://mdalekseevsky.narod.ru/>>.

⁵ Помимо указанных выше отметим Электронную библиотеку Института славяноведения РАН <http://www.inslav.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=29&Itemid=62>.

⁶ См., например: GBooks. Книги по истории, археологии, географии, этнографии, филологии, лингвистике, генеалогии, философии, изданные преимущественно до 1917 года <<http://gbooks.archeologia.ru/>>; Лилай Интуэри. Раритетные книги <http://intueri.narod.ru/raritet/raritet_01.htm>, <http://intueri.narod.ru/raritet/raritet_02.htm>, <http://intueri.narod.ru/raritet/raritet_03.htm>; <<http://www.twirpx.com/about/>>. О своеобразной библиотеке можно говорить и применительно к разделам «Филология» и «Исторические науки» на знаменитом трекере "Rutracker" <<http://rutracker.org/>>.

⁷ См., например: Буза русская <<http://www.buza.ru/>>; Славянская библиотека <<http://slav.olegern.net/index.php>> и др.

⁸ См., например: Библиотека Якова Кротова. Фольклор <<http://krotov.info/spravki/temy/f/folklor.html>>.

да и для многих опытных исследователей Интернет стал главным источником научной информации, заменив библиотеки, архивы и другие хранилища информации?»

Несомненно, еще несколько лет назад, когда в России, кроме Москвы и Петербурга, практически отсутствовал широкополосный Интернет, когда Google еще только приступал к амбициозной программе по открытию свободного доступа к русским классическим научным изданиям XIX в., размещаемые в Сети публикации не могли считаться аутентичными. Однако теперь, когда все они даются в формате pdf, когда даже современные научные издания, в том числе и online-версии журналов, включая и «Антропологический форум», также выходят в этом формате, проблемы аутентичности научного текста в интернет-публикациях уже не существует.

Представляется, что положительную роль в этом процессе сыграет и решение ВАКа, обязывающее все периодические издания, включаемые в его список, иметь сетевую версию, в том числе свободный доступ или доступ только для подписчиков полнотекстовых версий статей не позднее чем через год после выхода журнала, а также публикацию на сайте ВАКа авторефератов докторских диссертаций. Особо хотелось бы отметить свободный удаленный доступ к электронным каталогам РГБ и РНБ, а также возможность приобретать в этих библиотеках сканы необходимых научных изданий, а в посреднических фирмах — авторефераты диссертаций и сами диссертации¹.

Благодаря этому процессу (получению доступа к научной информации, возможности работать с ней offline или online) исчезает деление на «столичные» и «периферийные» научные сообщества. Теперь любой исследователь, владея тематикой защищаемых диссертаций, планируемых научных мероприятий, тематикой и проблематикой статей и монографий, имеет возможность не только чувствовать себя полноправной частью научного мира, но и соотносить собственные научные проекты и идеи с общим движением научной мысли. Что же касается в целом проблемы достоверности / аутентичности научного текста, то она связана не столько с Интернетом, сколько, во-первых, с самими критериями научности и достоверности, принятыми в той или иной научной школе, а во-вторых, с негативными процессами в системе высшего образования в России.

Конечно, Интернет предоставил невиданную ранее возможность распространения паранаучных и лженаучных текстов, в том числе и в сфере этнологии и фольклористики, однако

¹ Каталог диссертаций и авторефератов по специальностям ВАК РФ <<http://www.dissercat.com/>>; Электронная библиотека диссертаций <<http://www.dslib.ru/>>.

само их появление не обусловлено им и не является специфической особенностью нашего времени. Отношение к ним, их роли в общественном сознании — это действительно серьезная культурная и мировоззренческая проблема, но это все-таки иная проблема.

Другим результатом взаимодействия Интернета и фольклористики является формирование фольклорного информационного поля. Создание сайтов, представляющих традиционную культуру и фольклор, сегодня стало одним из важнейших направлений как научных исследований, так и культурно-просветительской деятельности. В русскоязычном Интернете уже давно существуют специализированные научные сайты или соответствующие разделы на сайтах культурно-просветительских учреждений, представляющих фольклорную традицию так, как это принято при научной публикации фольклорных текстов. Передается диалектная речь, есть паспортизация, частично в текст включен бытовой речевой контекст или процесс общения собирателя с информантом, а иногда дано и полное воспроизведение стенограммы¹. Правда, при этом абсолютно преобладают сайты, представляющие региональную традицию².

Тем не менее это, без преувеличения, капля в море. Подавляющее большинство архивов научных учреждений и учебных заведений, не говоря уже о личных архивах ученых, для исследователей закрыты. Ни о какой оцифровке, открытии свободного интернет-доступа даже к той информации, которая не является областью чьих-либо авторских прав, речь не идет и в обозримом будущем идти не будет. Именно поэтому многие фольклористы (и не только молодые) вынуждены работать исключительно по материалам региональных архивов, собственным полевым записям и публикациям XIX–XX вв.³ И если сотрудники центральных научных учреждений, московских и петербургских вузов имеют возможность вести полевую работу в разных регионах страны, то преподаватели провинциальных вузов делать этого не могут.

Так же, как и фольклористическое информационное поле, фольклорное формируется и вне собственно научного интер-

¹ Помимо указанных выше сайтов учебных заведений см.: Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарИИЦ РАН <<http://phonogr.krc.karelia.ru/>>; Фольклорный архив Нижегородского университета <<http://www.unn.ru/folklore/folk.htm>>; <<http://www.ocnt.isu.ru/zanry.htm>>; Русская народная свадьба Ульяновской области <<http://russwedding.narod.ru>>; Традиционная народная культура Вологодской области. Справочно-информационный ресурс <<http://www.cultinfo.ru/arts/folk/index.htm>>; Традиционная культура Иркутской области. Устное народное творчество <<http://www.ocnt.isu.ru/zanry.htm>>.

² О принципах представления региональных традиций см.: [Канева; Мишанкина, Тубалова, Эмер].

³ В какой-то степени такое ограничение не противоречит важнейшей особенности классического крестьянского фольклора — он «регионален и диалектен» (С.Ю. Неклюдов).

нет-пространства. Что касается публикации сборников фольклора XIX — начала XX в. в формате pdf, то здесь нет каких-либо отличий от того, что говорилось применительно к публикациям научных текстов. Однако более интересны и значимы для фольклористов специализированные ненаучные сайты, представляющие современные записи классического фольклора¹ и одну из областей или один из жанров современного фольклора². Но интересны не с точки зрения возможности пополнения фольклорно-этнографической базы исследования, так как они как раз не соответствуют общепринятым критериям аутентичности / достоверности. Эти записи, как правило, не паспортизированы, не известен источник их появления у информанта (устный, письменный — книжный или интернет-публикация), степень личностного вмешательства в текст и проч.

Подобные сайты интересны иначе — с точки зрения подхода к Интернету как особому полю для осуществления фольклористических и культурно-антропологических исследований. Ведь Интернет сегодня — это не только «высокая технология, особый язык», но и «средство решения различных социальных и индивидуальных задач» и, самое главное, «значимый фактор и аспект современной среды обитания человека» [Розин 2007: 17–18]. Философы и социологи определяют современное общество как информационное, центральным звеном которого является коммуникация. «Наряду с информационной составляющей сетевого общения, возможно, гораздо большей значимостью обладает его способность осуществлять социальную коммуникацию. Сеть становится для человека пространством общения, новой средой, обладающей собственными онтологическими характеристиками — особым “киберпространством” и “вневременным временем”, т.е. временем on-line» [Каргин, Костина].

Это особое, интегрированное пространство, в котором «одномоментно существует возможность использовать базы данных, библиотеки, публичное общение, личное общение, онлайн-вый диалог и т.п. формы коммуникации» [Кутюгин 2009]. Данная интегрированность обусловила появление принципиально нового способа коммуникации, в котором соединены процесс и результат, — гипертекста. «Гипертекст как новая текстуальная парадигма может рассматриваться как способ коммуникации в обществе, ориентированном на множественные, одновременные потоки информации, которые не могут быть восприняты и усвоены субъектом. Усвоение всей суммы знаний

¹ См., например: Русский фольклор <<http://rusfolklor.ru/>>.

² См., например: Анекдоты из России. Составитель Дима Вернер <<http://anekdot.ru/>>; Русские народные частушки <<http://www.chastushki.ru/>>; Блатной фольклор <<http://www.blat.dp.ua/>>.

становится невозможным, более того, жесткое структурирование такого знания становится труднодостижимой задачей. Знание организуется в гипертекст, в сеть относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в процессе производства и потребления знания» [Купер].

Существуют в этом коммуникативном пространстве свои формы и типы коммуникации. Во-первых, это «диалоговая коммуникация, off-line и on-line (электронная почта, ICQ) и полилоговая коммуникация, off-line и on-line (конференции, чаты). Естественно, о ситуации “человек в виртуальном социуме” можно говорить только применительно к полилогичным формам общения, прежде всего конференциям и чатам» [Нестерова]. Сюда же необходимо отнести и блоги [Сафонова].

Интернет-коммуникация предоставляет каждому человеку уникальную возможность не только на порядок расширить количество социальных контактов, но и выстроить их «под себя», выбрать только то, что соответствует его личностным социально-культурным потребностям и приоритетам. Итогом расширения социальных связей и их выстраивания «под себя» стало возникновение новых социумов — сетевых сообществ [Розин; Алексухин]. Социологи определяют данный тип социальной организации как «группу людей, взаимодействие которых протекает преимущественно в глобальных компьютерных сетях». Обязательной характеристикой такой организации «является осознание своей общности», связанности «общей идеологией, традицией и т.п.» [Нестеров]. Возникают сетевые сообщества тогда, когда «достижение индивидуальных целей», чаще всего «интересного или полезного общения», становится «возможным только через создание группы. <...> Эти группы не имеют некой внешней по отношению к самой группе цели. Весь смысл существования группы находится внутри ее самой, группа возникает для того, чтобы обслуживать интересы своих членов, и не более того. Как только участники группы “исчерпывают” друг друга, группа распадается. Все это, естественно, не относится к сетевым сообществам, имеющим внешнюю по отношению к группе цель — группам дистанционного обучения, различным коммерческим структурам, осуществляющим деятельность посредством сети, и т.п.» [Нестеров].

При таком подходе к Интернету даже неспециализированные сайты, о которых шла речь выше, не говоря уже о сетевых сообществах, представляют собой очень важный и интересный объект исследования. Такое исследование применительно к сообществу любителей юмора, в сферу интересов которых входит прежде всего анекдот, провел П. Бородин. Предложен-

ная им методика дает возможность изучать не тексты анекдотов, а их современных носителей и исполнителей («сетевых личностей») и некоторые письменные формы, воплощающие коммуникативный процесс [Бородин 2007].

Одним из очень распространенных в русскоязычном Интернете является сетевое сообщество невест, существующее на форумах почти всех свадебных порталов¹. В это сообщество входят прежде всего те, кто отвечает требованиям, сформулированным в названиях данных форумов. «Само название сайта подразумевает, что посетители являются невестами и женихами. Либо предполагают стать ими. Либо являются молодоженами, либо специалистами в своей области, что позволяет им передавать свой опыт тем, кто только начал разбираться в сложном вопросе организации собственной свадьбы»². Из этого определения видно, что на самом деле состав сообщества гораздо шире его наименования. Особо необходимо выделить наличие в составе сообщества специалистов в области свадебного бизнеса — организаторов свадеб (тамада), фотографов, операторов, представителей фирм, специализирующихся на предоставлении данных услуг³.

Тематика общения на форумах невест весьма обширна и охватывает почти все аспекты брачно-свадебного процесса, что позволяет собрать богатейший материал по составу и структуре преимущественно современной городской свадьбы, выяснить географическое распространение обряда, отдельного обрядового акта и особенностей его воплощения⁴. Так, обряд снятия фаты невесты существует в Ростове-на-Дону, Таганроге, Ставрополе, Одессе, Казахстане (русские семьи), Тернополе,

¹ См., например: Все для свадьбы. Форум <<http://nasvadbe.kiev.ua/forum/>>; Форум.py <<http://forum.forumok.ru/index.php?act=idx>>; Свадебный форум на сайте «Красивая свадьба» <<http://v-zags.com/forum/index.php>>; Свадебный форум — Москва и Санкт-Петербург <<http://forum.its-my-life.ru/>>; Коломенский свадебный форум: Свадебный информационно-развлекательный портал <<http://avtograf.gip-gip.ru/>>; Svadebka.Ws. Свадебный форум <<http://forum.svadebka.ws/index.php>>; Свадебный переполох <<http://www.ugolochek.ru/>>; Свадьба 66. Форум невест <<http://www.svadba66.ru/forum/section1/>>; Свадьба Барнаул. Свадебный форум Барнаула <<http://svadbabarnaul.ru/>>; Ярославский свадебный форум <<http://www.yarsvadba.ru/forum/>>.

² <<http://avtograf.gip-gip.ru/forum-f1/tema-t1.htm>>.

³ Мужчины (не только женихи) также являются участниками этих сообществ, но их доля ничтожно мала по сравнению с долей девушек, к тому же в основном это представители рынка свадебных услуг — фотографы и операторы, ведущие свадебных торжеств, представители специализированных фирм и т.п. Своеобразный мужской свадебный форум существует на портале «Конференция iXBT»: в разделе «Общий» размещена тема «У меня свадьба через месяц! Посоветуйте чего может пойти не так» <<http://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=15:55881-1-6>>. Данный топик идет в окружении таких, как «Где в Москве лучше всего зубы лечить?», «Где и как выбрать хорошую обувь?», «Я с 00 часов 00 минут бросил курить. Совсем. Кто со мной?», «Про кошек (часть 3)», «Наука в России. Есть ли у нее будущее?» и т.п. <<http://forum.ixbt.com/?id=15>>.

⁴ См. об этом также: [Руденко 2009; Власова 2008].

Кишиневе, Уссурийске, Киеве¹, Екатеринбурге², Калининграде, Мурманске³, Минске, Бресте, Гомеле⁴, Долгопрудном (Московская обл.), Москве⁵, Донецке⁶. Данный пример показателен еще и тем, что дает возможность увидеть легкость преодоления государственных границ современными свадебными традициями⁷, способы вхождения их в свадебную обрядность другого народа и отношение к формирующейся традиции участников торжества.

Второе, что позволяет определить анализ форума невест, — это ценностно-смысловое и эмоционально-личностное отношение к браку и свадебной обрядности участников форума, или Традиция и Личность в современном брачно-свадебном процессе. В связи с тем что свадебная традиция сегодня — это сложное и динамичное явление, отношение личности к ней неоднозначно и противоречиво.

Во-первых, некоторые участники форума неожиданно для себя сталкиваются с тем, что для других является несомненной и уже сформировавшейся традицией, тогда как они слышат об этом впервые. Реакция на это может быть разнообразная — от стремления войти в эту традицию, т.е. включить данное новобразование в свою свадьбу, до отказа признать новацию традицией, аргументируя это своим личным опытом или апеллируя к национальной традиции. Выше уже назывался обряд снятия фаты, указывалось его широкое географическое распространение. А вот как реагировали на этот новый элемент свадебной обрядности участники разных форумов.

Маринеска: По ряду причин, мне не нравится обряд снятия фаты. Ну, во-первых, я нахожу в этом противоречие. На Руси считалось, что фату должен снять муж в первую брачную ночь, при этом венчальную фату женщина хранила всю жизнь. Фату вешали на колыбель ребенка, чтобы уберечь его от дурного глаза. А в соответствии с обрядом, фата остается у свекрови, да и снимает ее зачастую свекровь. На мой взгляд, невеста должна оставаться невестой до конца торжества. Во-вторых, нужно тщательно продумывать прическу, предупредить мастера заранее, что вы собираетесь проводить такой обряд. Иначе есть риск

¹ Форум — Мир любви и романтики <<http://world-of-love.ru/forum/showthread.php?t=8666&page=1-7>>.

² Svadba66 / Форум невест <<http://www.svadba66.ru/forum/section1/topic899/>>.

³ Свадебный форум на Записках <<http://tamadamurmansk.ucoz.ru/forum/19-6-1>>.

⁴ <<http://www.prazdник.by/forum/viewtopic.php?f=12&t=1336>>.

⁵ Свадебный переполох <<http://www.ugolochek.ru/index.php?s=72c72ef1eb9a418ce9b7c26aca5befb3&showtopic=8680&st=100&p=1751322&#entry1751322>>.

⁶ <<http://nevesta.dn.ua/forum/index.php?topic=330.15>>.

⁷ По данным Интернета, эта традиция в основном распространена на Украине.

испортить свою прическу, а заодно и настроение. Но это всего лишь мое мнение, такой обряд имеет место быть, и, в конечном счете, решать господам брачующимся (28.11.2007).

Minimata: Извините, что вклиниваюсь с неромантическим взглядом. Ну скажите на милость, какой смысл несет этот обряд, исполненный сегодня, если фата снимается при том, что невеста не девственница давно? Какой переход из девичества к мужней женщине? Какие платки? Может, не стоит любой старинный обряд превращать в фарс? Понятен этот был обряд в древности, когда не наемные артисты пели на свадьбах, а девушки-подружки, гости песни пели (28.11.2007).

Айгуль, любящая Алексея: Сейчас многие обряды исковерканы, переведены в свой молодежный, современный лад. Кому как хочется, тот так и делает. Что касается этого «обряда», если молодоженам хочется, почему бы и нет... Не вижу здесь ничего пошлого и плохого. Маринеска, очень интересную и полную подборку сделала, просто умничка! Я вот до этого даже не слышала такого, что так делают. В принципе, если это обыграть, будет очень даже неплохо, как чисто русское (украинское), только, может, не всем понятно, просто мне как др[угой] национальности не близко все это (28.11.2007).

LiaMURka: А мы хоть и не в Украине живем, но фату мою будет снимать жених. Я считаю, что это символ чистоты и невинности, так пусть он и забирает. Все логично. От платка мы вообще решили отказаться. Не нравится мне эта процедура совсем. Хотя у нас всегда на свадьбах снимает фату мама или свекровь, а платок одевает свекровь! (01.09.2009)

Соседка: Anty, ты забыла сказать, что невеста только с третьего раза должна разрешить свекрови снять с себя фату:) Первый раз свекровь берет простой некрасивый платок и пытается его повязать невестке. Невестка в свою очередь скидывает этот платок на пол. Свекровь берет второй платок, краше первого, и опять пытается надеть. На что невеста опять-таки скидывает платок на пол, и наконец-то на третий раз самый красивый и дорогой платок берет свекровь, показывает невесте и повязывает его. Невеста этот платок не скидывает, тем самым разрешая покрыть свою голову платком. А вот потом уже танцы:). Да, забыла. У моего брата на свадьбе так и было: три разных платка. Не красивый, средненький и красивый. А у меня один платок был, просто первых два раза я не давала его повязать себе на голову (15.10.2009)¹.

¹ Форум — Мир любви и романтики <<http://world-of-love.ru/forum/showthread.php?t=8666&page=1-7>>.

Иллюзия: Девочки, не кидайте помидорами, но у меня почему-то этот «обряд» ассоциировался с демонстрацией простыни после первой брачной ночи... Бред какой-то, снять, отдать, подвести... Не обижайтесь только! (5 марта 2009 г.)

Енька: Что за обряд с простынёй? (5 марта 2009 г.)

Юлько (ударение на пЕрвый слог): Ну, когда наутро после первой ночи выносят и всем показывают. Вот мол... Невеста девственницей была))) (5 марта 2009 г.)

Суслюша: Я слышала, что фату снимают, и чтобы отгонять злых духов, мамочка одевает платок! (20 мая 2009 г.)

Ведущая красивых свадеб — СЕНИНА Наталия: Приколно, хоть все нюансы из достоверных источников. А я читала, что фата остается у мамы жениха, и, чтобы ребенок был счастлив, в первую ночь после рождения его укрывают фатой. Так что очень приятно узнать правду (21 мая 2009 г.)

Яна: Хорошо, Лариса, ответьте мне тогда, пожалуйста, в чем смысл этого обряда? Почему именно платок? (21 мая 2009 г.)

Ведущая ЛАРИСА КРИВОШЛЫК: Типа замужняя женщина должна ходить теперь с покрытой головой (ну не шляпу ж ей надевать, и даже коса плелась уже другая у замужних-то. Не вспомню, в какой-то сказке-фильме очень хорошо было это показано (21 мая 2009 г.)

Яна: Ну, это все понятно, организаторский подход — он разный может быть, но смысл-то обряда — он в чем заключается? Платок-то зачем ей вяжут? Ну, стала она женой, что за символ такой — платок? Может я королевой (а у невесты именно такой образ зачастую — фата, диадема... корона, другими словами) всю жизнь планирую оставаться (пусть даже и замужней) (21 мая 2009 г.)

Яна: А почему бы и нет? Модернизация, прогресс, XXI век в конце концов! Сами же говорите — смотря как преподнести! Если серьезно, не обижайтесь на меня, Лариса, у вас род профессии такой, знать и уметь красиво обставлять всякие обряды и традиции. А я в свою очередь очень дотошный человек и привыкла все подвергать анализу. И у меня на этот счет абсолютно четкая точка зрения, и НИЧТО на нее не повлияет. Мне кажется, что всему свое время... И некоторые обряды и традиции прошлого (ОЧЕНЬ прошлого времени) выглядят несколько абсурдно в наше время и постепенно изживают себя, а на смену им приходят новые... Тому доказательство ваши слова (21 мая 2009 г.)¹.

¹ Обряд снятия фаты с невесты (Svadba66 / Форум невест) <<http://www.svadba66.ru/forum/section1/topic899/>>.

Представленный выше материал не исчерпывает всех существующих уже сегодня направлений полевых исследований в Интернете¹, но и он показывает, что такие исследования, в том числе и современной русской свадьбы, являются перспективными и результативными. В них можно использовать почти все существующие формы работы: опросы, анкетирование, включенное наблюдение, анализ документов. Это позволяет не только расширить круг явлений и фактов, установить способы сохранения, передачи и воспроизведения традиций, зафиксировать их географическое распространение. Работа на форумах, анализ развертывающегося процесса общения его участников также позволяют выявить ценностно-смысловое и эмоционально-личностное отношение современной молодежи к отдельным элементам свадебной традиции и к браку и свадьбе в целом.

Краткая анкета

Мне 59 лет. Отношу себя к среднему научному поколению.

Интернет значительно изменил содержание моей научной работы.

Библиография

- Алексухин С.И.* Формирование новых коммуникативных сообществ. <<http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2003/127.pdf>>.
- Библиография работ по антропологии Интернета и интернет-фольклору / Сост. М. Алексеевский. <<http://mdalekseevsky.narod.ru/biblio-internet.html>>.
- Богданов В.С.* Интернет-технологии в социологии <http://www.isras.ru/abstract_bank/1208454614.pdf>.
- Бородин П.А.* Фольклор в Интернете и вне его: попытка сопоставления // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности: Сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2007. С. 27–43.
- Власова Г.И.* Сценарная модель современной свадьбы // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 26–28.
- Захаркина В.В., Адоньева С.Б.* Фольклор и народная культура России в глобальном информационном пространстве. <http://infosoc.ru/2008/pdf_HI/Adonyeva&Zakharova.pdf>.
- Интернет и фольклор: Сб. ст. / Сост. А.В. Захаров. М.: ГРЦРФ, 2009.
- Канева Т.С.* «Образ» локальной традиции в мультимедийном представлении (на материале фольклорной традиции Усть-Цильмы). <<http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/tjabinin2007/kaneva.htm>>.

¹ См. указанные сборники статей: [Folk-art-net 2007; Интернет и фольклор 2009].

- Каргин А.С., Костина А.В.* Сетевая личность как субъект фольклорного творчества <<http://www.centrfolk.ru/stat/stat1.htm>>.
- Купер И.Р.* Гипертекст как способ коммуникации <<http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>>.
- Кутюгин Д.И.* Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. <<http://www.socio.msu.ru/documents/science/theses/D.501.001.01/th.2009-02-20-0.rtf>>.
- Мишанкина Н.А., Тубалова И.В., Эмер Ю.А.* Специфика электронного представления региональных фольклорных текстов. <<http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/mishank2.htm>>.
- Нестеров В.* К вопросу о динамике сетевых сообществ. <<http://flogiston.ru/articles/netpsy/groupdyn/>>.
- Нестеров В.* К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете. <<http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>>.
- Розин В.М.* Феномен сетевого фольклора // Традиционная культура. 2007. № 3. С. 15–22.
- Руденко Е.* Свадебный обряд по данным Интернета как пример массовой культуры // Антропологический форум. 2009. № 11. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_03_rudenko.pdf>.
- Сафонова Т.* Порядок интеракции в сетевых дневниках: альтернативная экономика сообщений. <<http://volokhonsky.ru/internet/safonova.pdf>>.
- Сулова Т.И.* Интернет-фольклор как форма межкультурной коммуникации // Дефиниции культуры: Сб. тр. участников Всероссийского семинара молодых ученых. Томск, 2009. Вып. 8. С. 286–296.
- Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности: Сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2007.

ВАЛЕНТИНА МЕТАЛЬНИКОВА

1

Критерии научности сами по себе особо-то не изменились. Другое дело, что нет более «заповедников», где публикуются только научные тексты. Собственно, даже кандидатские диссертации вовсе не обязательно «научны». Но это ведь не вчера возникло.

Размывается не научное знание, а требования издателей. Сообщество, как правило,

**Валентина Владимировна
Метальникова**

Российский институт культурологии,
Москва
vorona77@yandex.ru

знает цену публикациям. К сожалению, не в силах сообщества остановить поток ненаучных текстов, затопляющих научные издания.

2 Поскольку критерии научности не изменились, публикуемые тексты предпочтительно рассматривать и оценивать именно с этой точки зрения. И, к сожалению, в этом смысле «прежние иерархии» актуальности вовсе не потеряли: объем фундирующих знаний, логика высказывания по-прежнему отличают исследователя от студента, к примеру. Было бы замечательно, если бы «новые формы», отменяя формальные признаки различения элементов ученого сообщества, поддерживали и актуализировали сущностные признаки. Однако пока выход или невыход в Сеть сам по себе значит не слишком много. Конечно, в определенных кругах репутация исследователя зависит от его активности в Сети, но и раньше случалось, что исследователя ценили за «раскрученность», а не за реальный вклад в науку.

3 Оценка источников нужна была всегда.

4 Интернет удобней: всё уже зафиксировано, не нужно беспокоиться о том, как сохранить и донести «полевую запись».

Краткая анкета

47 лет, среднее поколение.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — значительно изменилось.

ИРИНА НАЗАРОВА

1 Границы научного знания всегда были в достаточной степени размытыми. Появление Интернета приводит к большей открытости результатов научной работы, что не может не радовать.

2 Интернет предоставляет дополнительные возможности для поиска информации и общения с коллегами, но вряд ли он провоцирует качественные изменения в организации научного сообщества.

3

4

Для поиска материалов по теме диссертации (приметы и магические практики в современном обществе) я часто обращаюсь к форумам и блогам. Отвечая на вопросы собирателя, информант с трудом вспоминает все известные ему приметы и магические практики, а в процессе обсуждения этих тем с другими пользователями чужие воспоминания обычно провоцируют собственные. Кроме того, о приметах и магических практиках постороннему человеку иногда рассказывают не очень охотно — из «суеверных» соображений.

Секреты все я открыть не могу, и ни одна жена вам это не расскажет. Потому что, если мы расскажем про все свои традиции, что мы делаем для того, чтобы муж благополучно вернулся, то они перестанут действовать. Есть секреты, которые открывать нельзя (Мария Побединская, жена летчика-космонавта Сергея Авдеева) («Белое солнце Байконура», док. фильм, режиссер Д. СвERGун, 2006).

Обсуждение «суеверий» с друзьями или коллегами, вероятно, представляет меньшую опасность, нежели рассказ о них посторонним людям; так, ценные материалы по «суевериям» медицинских работников я нашла на форуме сайта, закрытого для пользователей, не имеющих медицинского образования¹.

Интернет может служить естественной средой бытования текстов и поведенческих практик (смайлики, «албанский язык» и проч.) или же местом для их описания и обсуждения. Во втором случае, обращаясь к интернет-источникам, исследователь может получить лишь ограниченную и не всегда достоверную информацию о контексте их функционирования. Но этот недостаток имеют и многие архивные материалы.

Интернет дает антропологу возможность наблюдать за обсуждениями тех или иных тем, не искаженными коммуникативными особенностями полевого интервью и присутствием исследователя [Панченко 2009: 119]. Ученый может не только следить за дискуссиями на форумах и в блогах, но и провоцировать такие дискуссии, задавать вопросы, что предполагает некоторое вмешательство в изучаемые культурные практики. Участники интернет-сообществ начинают интересоваться темами, по которым проводилось исследование.

Кто такой Карачун? (соб.) — Про Карачуна впервые слышу. (Вот ужас-то! — надо пробить инфу, даже самому интересно стало,

¹ Сайт «Эбботт продактс.ру — медицинская информация для врачей и пациентов» [страница регистрации] <<http://abbottgrowth.ru/doctors/examination.aspx>>.

чѐ такое :))¹; *Интересная тема, а где можно будет увидеть всю коллекцию?*²

Результаты собирательской работы в Сети в большей степени, чем материалы «традиционных» полевых интервью, открыты для других представителей изучаемых сообществ: один из моих «виртуальных» информантов сослался на опрос, проводимый мною же (под другим никнеймом) на другом сайте; материалы еще одного моего опроса были использованы в качестве материала для интернет-статьи.

Можно ли доверять результатам интернет-опросов? Анонимное общение предполагает возможность игры, обмана, мистификации.

«Кто такой Черный (Синий) Автостопщик?» (соб.) — «mmm-мм... прям так и тянет начать сочинять сказку...»³.

Но и при личном общении мы не можем быть уверены в том, что наш собеседник не пытается «помочь» собирателю, дополнив известные ему факты вымыслом («А какие еще приметы есть?» (соб.) — «Если... чѐ-нибудь там... <обращается к сокурсникам> надо придумать, чѐ-нибудь, там!..» [ПМА: студенты СПбГАТИ]), удивить его или ввести в заблуждение (об импровизации информантов в ходе полевого интервью см.: [Мороз]).

Анонимность участников форумов и блогов относительна: они заинтересованы в успешной коммуникации в интернет-сообществе, в поддержании своего образа и репутации. В целом мне кажется справедливым замечание В.Л. Волохонского о том, что «люди практически не пользуются теми возможностями анонимности, которые им предоставляет Интернет. Блоггеры крайне редко конструируют новые личности, мальчики не притворяются девочками, девочки — бабушками, а бабушки — инопланетянами. Им просто незачем это делать. Да это и гораздо труднее, чем описывать себя реального, свои переживания» [Волохонский 2007: 6].

¹ “Akagroundhog” (lj user). Ответы на анкету, опубликованную в блоге пользователя Живого журнала “irina_24”. <<http://irina-24.livejournal.com/4002.html>> (просмотр 20.11.2006).

² “Maladody” (lj user). Ответы на анкету, опубликованную в сообществе Живого журнала “spb_auto”. <http://community.livejournal.com/spb_auto/349709.html?view=4163853#t4163853> (просмотр 03.11.2006).

³ “Ogonoku_kun” (lj user). Ответы на анкету, опубликованную в блоге пользователя Живого журнала “irina_24”. <<http://irina-24.livejournal.com/4002.html>> (электронное письмо, архив автора).

Краткая анкета

Ваш возраст, или к какому научному поколению вы себя относите — к младшему.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — незначительно.

Список сокращений

ПМА — Полевые материалы автора

СПбГАТИ — Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Библиография

Волохонский В.Л. Предисловие // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 4–8.

Мороз А.Б. О фольклорности нефольклорного (евангельские события в восприятии современного крестьянина). <<http://www.ruthenia.ru/folklore/moroz3.htm>>.

Панченко А.А. Интернет и фольклористика // Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы: Сб. ст. памяти проф. Е.А. Костюхина (1938–2006). СПб.: САГА, 2009. С. 104–121.

ЕЛЕНА НОСЕНКО-ШТЕЙН

Прежде чем отвечать на поставленные редакцией вопросы, я бы хотела высказать некоторые соображения по поводу «интернетизации» научного знания в России. Я говорю прежде всего о гуманитарном и социальном знании и соответственно ученых-гуманитариях. На мой взгляд, масштабы этой самой «интернетизации» в России пока явно не стоит переоценивать. Далеко не все представители не только старшего, но и среднего поколения научных работников — даже в московских гуманитарных институтах — владеют компьютером. Здесь в ряде случаев сказывается инертность мышления, но также — в очень большой мере — весьма скромная зарплата большинства ученых-гуманитариев.

То же самое можно сказать об Интернете: у значительной части научных работников нет средств на его оплату. При этом многие даже столичные гуманитарные институты не имеют компьютеров в достаточном количестве и слабо «интернетизированы», что не дает сотрудникам возможности пользоваться Интернетом хотя бы на работе. Еще более печальна обстановка в регионах, где зарплаты ученых в институтах и вузах, а также степень оснащенности оборудованием и подключенности к Интернету, как правило, еще меньше. Молодое поколение, конечно, владеет компьютерами и Интернетом в гораздо большей степени, но не следует забывать, что в гуманитарных вузах и научно-исследовательских институтах это самое поколение представлено довольно слабо. Большинство научных работников-гуманитариев — люди старшего и «средне-старшего» возрастов. Молодые же специалисты, защитившись, нередко не задерживаются в российской науке, уезжая за рубеж или уходя в более «хлебные структуры». Я вынуждена напомнить об этих известных фактах, чтобы было ясно: мы говорим о меньшинстве научной аудитории в России, действительно активно вовлеченной в интернет-технологии. Поэтому ниже, отвечая на вопросы редакции, я все время «держу в уме» эти обстоятельства.

1

Полагаю, что размывание научного знания будет продолжаться и в дальнейшем. Для самого знания это чревато как позитивными, так и негативными последствиями. К позитивным, пожалуй, можно отнести тот факт, что качественные и не слишком сложные для «непосвященных» научные труды становятся доступными не только научному сообществу, но и всем интересующимся проблемами гуманитарного и социального знания. Такая широкая популяризация гуманитарных и социальных исследований до широкого внедрения Интернета, безусловно, была невозможной. Тем самым научное знание перестает быть доступным лишь «посвященным высоколобым». К негативным последствиям можно отнести широкое распространение паранаучных, околонаучных и просто антинаучных писаний, что не только оказывает отрицательное воздействие на неподготовленную аудиторию, но и вредит научным исследованиям и имиджу науки, в том числе — и особенно — социальным наукам в целом.

К побочным эффектам «интернетизации» научного знания можно причислить и то, что даже профессионалу бывает сложно, а порой и невозможно уследить хотя бы за основными публикациями в его (ее) сфере знаний. Одним из выходов, на мой взгляд, могло бы быть дальнейшее развитие научных электронных журналов, онлайн- и оффлайн-конференций и тому подобных мероприятий, совершенствование доступных для про-

фессионалов баз данных, рассылок, сайтов и пр. Не следует также забывать, что Интернет пока не может всецело заменить бумажные научные издания, ибо новые книги и публикации в научных журналах обычно не выкладываются в Сети. Следовательно, бумажные издания, даже их электронные версии, еще долго будут занимать важную нишу в развитии научного знания.

2 Отношусь в целом весьма положительно. Более того, на мой взгляд, эти формы научной коммуникации необходимо расширять. В России, как я полагаю, очень важны рассылки новых материалов в разных областях социального и гуманитарного знания, организация всевозможных форумов и дискуссий. Вполне возможно, что помимо стирания иерархических различий развитие подобных коммуникаций приведет к появлению значительного числа малопрофессиональных и дилетантских форумов и публикаций (собственно, уже привело), но положительные последствия все же, по моему мнению, должны возобладать над негативными. Более того, развитие таких научных коммуникаций может привести к тому, что те исследователи, которые мало или совсем не используют новые технологии, постепенно будут в них все более вовлекаться. Это тем более важно, что в научных институтах и вузах возможности поездок на конференции в другой город и тем более за рубеж, как правило, очень и очень ограничены. Новые формы коммуникации, конечно, не заменят обычные конференции и симпозиумы, а также живое общение и обмен идеями, которые нередко более важны, чем сами мероприятия. Но они существенно расширят возможности ученых по приобщению к такого рода коммуникации, к созданию новых сообществ — форумов, сайтов, дискуссий и т.п.

3 Проблему верификации данных, найденных мной в Интернете, решаю по-разному. Но в первую очередь — с помощью *бумажных* научных изданий: книг, журналов, справочников разного рода. Тех, в чьем авторстве и / или авторитете я уверена. Такой уверенности у меня нет при обращении к Интернету, ибо там циркулирует огромное количество непроверенной и неаутентичной информации. Пытаюсь также проверять сведения в самом Интернете на известных сайтах, порталах и пр., однако, учитывая то, что на многих сайтах переписывается одно и то же, с одними и теми же ошибками, стараюсь быть максимально осторожной.

4 Будучи антропологом и занимаясь проблемами формирования культурной самоидентификации, исторической памяти, смешанных браков и др., я в числе прочего использую и интернет-ресурсы. В моем случае они имеют явную специфику: пока это

не основной источник. Основными по-прежнему остаются включенное наблюдение и глубинные интервью. Материалы с разных сайтов в основном иллюстрируют те или иные аспекты моих работ. Более того, эти материалы отражают по преимуществу опыт лишь части моего исследовательского поля: молодежи и людей среднего возраста, живущих в мегаполисах. Примерно то же относится к интервью по электронной почте: они возможны опять же в основном с молодыми и отчасти с людьми среднего возраста, тоже жителями больших городов.

Таким образом, исследования, проводимые антропологами в Интернете, отражают довольно специфическую среду. Она действительно нуждается в дальнейшем изучении, и, возможно, для этого изучения нужно совершенствование старых методов.

В целом же приходится повторить: «интернетизация» научного знания в России — пока удел меньшинства ученых-гуманитариев (учитывая средний возраст таких специалистов, особенно в академической среде). И исследуют они — пока — тоже лишь часть научного «поля» (это особенно относится к социологам, антропологам и психологам). Но — и это внушает оптимизм — «процесс пошел», и его необходимо развивать и совершенствовать.

Краткая анкета

Отношу себя к среднему поколению исследователей.

Содержание моей научной деятельности значительно изменилось в результате внедрения интернет-технологий.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

1

2

Как представляется, говорить о размывании научного знания или об изменении его критериев несколько преждевременно. Между тем действительно меняется роль привычных «знаков качества» текста: положения автора в научной иерархии, репутации института, к которому он принадлежит, или издания, в котором опубликован текст. Одной из причин появления серьезных научных работ вне устоявшихся институций

Дарья Александровна Радченко
независимый исследователь,
Москва
darya_radchenko@mail.ru

является появившаяся благодаря Интернету возможность доступа к мировым научным ресурсам: от сетевых библиотек до дистанционного общения с коллегами. Научное знание и методы его получения лишаются «эзотеричности» и в той или иной степени становятся доступны любому заинтересованному лицу.

Другая сторона вопроса, возможно, связана с процессами, происходившими в отечественном гуманитарном знании в течение последних десятилетий. Это снижение требований, предъявляемых к диссертациям, публикациям в ведущих научных изданиях и т.д. В результате возникает ситуация, в которой наличие или отсутствие такого «знака качества» далеко не всегда гарантирует соответствие текста критериям научности. Безусловно, эта ситуация неудобна: в условиях огромного и постоянно растущего информационного пространства необходимы ориентиры для поиска необходимой и качественной информации. Решение данной проблемы, вероятно, лежит в области повышения репутации научных площадок, в том числе и сетевых.

Значение последних еще не до конца осознано и недооценено. Так, интернет-конференции нередко превращаются в электронную публикацию текста без сколько-нибудь серьезного его обсуждения, и это одна из причин, по которым ряд ученых уклоняется от участия в них (к другим причинам относятся недоверие к соблюдению авторского права в Интернете, отсутствие навыка взаимодействия в сетевом пространстве и проч.). Однако именно сетевая коммуникация открывает широкие возможности для дискуссий по самым актуальным вопросам. Маловероятно, что сетевые площадки в обозримом будущем заменят «живые» конференции и семинары, но уже сейчас они являются важным дополнением к ним, позволяющим преодолеть географическую и языковую дистанцию между участниками научной коммуникации.

3

Принципиальной новизной эта проблема, строго говоря, не обладает. До возникновения и развития Интернета в научной литературе встречались как неверные или недобросовестные интерпретации исследуемого материала (которые, с одной стороны, остаются на совести автора, а с другой стороны, достаточно легко выявляются при вдумчивом анализе текста), так и откровенные фальсификации. Риск наличия таковых неизбежно заставляет обращаться к параллельным источникам, сверять данные, полученные разными исследователями. Аналогично, например, при сборе полевых данных всегда имеется возможность искажения информации респондентом, и для элиминации последствий такой ситуации давно разработан обширный научный инструментарий, вполне работающий

4

и в пространстве Интернета. Более того, Сеть не только является источником массы недостоверных и искаженных текстов, но и предоставляет огромные возможности для проверки информации.

Ответ на этот вопрос, безусловно, выходит за предложенные рамки дискуссии, однако попытаемся ответить на него вкратце. Интернет является активным пространством смыслообразования. Значительное число фольклорных текстов не вносятся в него из сферы устной коммуникации, но постепенно создается в процессе общения в Сети. Более того, способность к творческому осмыслению реальности, «креативность», является основной ценностью для целого ряда крупных сетевых сообществ, что стимулирует создание не только отдельных текстов, но и новых каналов коммуникации, новых форм коммуникации и т.д.

Сетевой фольклор, безусловно, не представляет собой некое изолированное явление и включает тексты, характерные как для традиционного, так и для городского фольклора, однако он имеет ряд особенностей, во многом связанных с технологическими возможностями и ограничениями среды его бытования.

Так, в процессе коммуникации в интернет-формах, которые предполагают межличностное общение (чат, форум, блог) в режиме реального времени или максимально приближенного к реальному, текст синхронно функционирует и как устный, и как письменный. Устоялся термин «устно-письменная коммуникация»: текст вводится в Сеть в письменной форме, но при этом сохраняет характеристики спонтанной устной речи. Это обуславливает как ряд особенностей собственно сетевых фольклорных текстов, так и интеграцию и устных, и письменных форм городского фольклора и функционирование их в сетевой среде. Если в записи, характерной для городского фольклора (альбом, песенник, сборник анекдотов и т.п.), текст воспринимается коммуникантами как архив, не подлежащий варьированию, то в Сети, напротив, «письменный» текст является живой фольклорной формой.

Для Интернета также характерна трансляционная стратегия, традиционно обозначаемая английским термином *copy-paste* (копировать и вставлять). Данные базовые операции обеспечения Windows являются основой передачи текста по Сети. Во множестве случаев текст не пересказывается, а копируется целиком. Благодаря принципу *copy-paste* в Интернете возникает и мигрирует значительное число фольклорных форм, которые практически не поддаются устной трансляции из-за значительного объема, насыщенности специфической (профессиональ-

ной, субкультурной и прочей) лексикой, а также приобретают высокую значимость визуальные формы сетевого фольклора (в том числе креолизованные текстовые формы, фото, коллажи, видео, анимация и т.п.).

Трансмиссия фольклорных текстов также значительно облегчается и ускоряется за счет возможности автоматической пересылки. Не в последнюю очередь за счет массовости сетевого сообщества и технической возможности высокой скорости передачи информации сетевой фольклор нередко становится формой восприятия и адаптации актуальных событий, что, с одной стороны, вызывает массовый интерес к его текстам, с другой — ограничивает сроки их активного бытования в культуре.

В результате высокой скорости передачи информации в Сети, а также сочетания в одном информационном поле (иногда даже в рамках одного текста) синхронной и асинхронной коммуникации зафиксированный текст становится неустойчивым, подверженным изменениям и даже исчезновению. Соответственно весь комплекс интернет-фольклора также оказывается достаточно текучим, изменчивым как с точки зрения набора текстов, так и с точки зрения процессов, происходящих с ними.

Наконец, понятие «локальности» становится не географическим, а сетевым. Возникают новые транслокальные и даже надязыковые сообщества и связи.

В силу особенностей среды и бытующих в ней текстов сетевой фольклор представляет собой уникальный материал, открывающий возможности для изучения ряда вопросов, которые остаются практически неисследованными в рамках традиционной фольклористики. Текст, попадающий в Сеть, теоретически может храниться в ней в течение неограниченного времени. Благодаря этому можно с достаточной степенью уверенности определить авторство и проследить историю его развития, включая фиксацию максимального количества вариантов. Имеется также ряд развитых инструментов на базе поисковых машин, которые позволяют получать достаточно достоверные данные о количестве воспроизведений текста (его востребованности аудиторией) в определенный промежуток времени. Правильно сформулированный запрос дает возможность найти не только максимальное количество случаев воспроизведения текста, но и его вариации, а также оценить динамику бытования текста как в общем в Сети, так и в отдельных ее сегментах. Немаловажной представляется и возможность определить социокультурный профиль автора или «ре-публикатора» текста.

Интернет также предоставляет большой простор для изучения контекста бытования фольклора. В отличие от традиционного сбора фольклора (исполнение инициируется запросом собирателя или, при изучении в естественной среде, часто изменяется под влиянием присутствия собирателя) при исследовании интернет-фольклора собиратель остается «невидимым» и может полноценно фиксировать как текст, так и ситуацию его воспроизведения в реальном времени или *post factum*.

Между тем Интернет открывает широкие возможности для включенного наблюдения. Исследователь входит в коммуникативную ситуацию как участник, в зависимости от направленности исследования обозначая себя как собиратель или действуя анонимно. Такой подход позволяет спровоцировать воспроизведение текстов, уточнить вопросы, связанные с ними (происхождение, специфика исполнения, отношение аудитории и т.п.), понять происходящее «изнутри», поставить эксперимент, связанный с развитием фольклорного текста.

Краткая анкета

Ваш возраст — 31 год.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — радикально изменилось.

ЭЛЛЕН РУТТЕН

За последние четыре года новые медиа не просто радикально изменили мою профессиональную жизнь: они перевернули ее до самых оснований. В настоящее время я координатор исследовательского проекта, посвященного использованию социальных медиа в России и на Украине <www.webwars.org>, провожу исследование о языке российских блогов <www.uib.no/rg/future_r>, а кроме того являюсь редактором академического журнала “Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media” <www.digitalicons.org>. Все три начинания связаны с новыми технологиями и цифровыми носителями.

Эллен Руттен (Ellen Rutten)
Университет Бергена,
Норвегия
contact@ellenrutten.nl

Быть может, не удивительно, что я как человек, посвятивший свою профессиональную жизнь новым медиа, всем сердцем приветствую сдвиг в сторону цифровых носителей в нашей профессии: и как объекта анализа, и как исследовательской платформы. Для своего исследования российских новых медиа я активно использую такие социальные медиа, как блоги, Твиттер и Фейсбук. Ощутимо полезной оказывается моя деятельность в области новых технологий, варьирующаяся от краудсорсинга и выкладывания нового материала до участия в дискуссиях или просмотра записей, которые делают коллеги. Я использую их для профессиональной коммуникации с сообществом, включающим коллег, а также журналистов и друзей, которым интересна данная тематика. Когда мы обмениваемся информацией или делимся мыслями, строгое научное письмо легко сочетается с неформальным, а когда я пишу пост в блоге или делаю запись в Фейсбуке, я часто задаю вопросы, которые не смогла бы задать в полноценном научном докладе или статье.

Что касается меня, эта новая ситуация в первую очередь обогащает мою работу как ученого. Опираясь на собственный опыт, могу сказать, что возможность выбирать способы цифровой коммуникации помогает в следующих случаях.

1. Сокращает (хотя и не уничтожает) необходимость географической близости между экспертами в узкоспециализированных научных сферах. Жаль, что многие коллеги все еще чрезмерно осторожно относятся к использованию онлайн-способов коммуникации для профессиональных встреч, даже когда последние становятся все более и более удобными в употреблении и технологически изощренными. На семинаре в Кембридже в 2009 г., одним из организаторов которого я была, мне пришлось взять на себя ответственность за обращение к Skype, когда один из участников неожиданно не смог присутствовать лично. В конечном итоге, несмотря на очевидные неудобства (маленький экран, отсутствие живого общения) именно Skype дал тогда возможность аудитории все же обменяться замечаниями с признанным экспертом в нашей области. Я думаю, что это фантастическая возможность.

Я пережила столь же фантастический опыт, когда, не имея возможности поехать в США, представила свой доклад по Skype нью-йоркской аудитории, полной коллег, в 4 часа ночи, сидя в своей комнате в Амстердаме. Опять-таки легко перечислять неудобства подобного типа виртуальной встречи, однако альтернативой является ее полная отмена. В данном случае мое выступление вызвало множество новых идей, которые повлияли на проект в его сегодняшней форме.

2. Облегчает визуально сложные дискуссии, когда участники сразу же включают тексты или аудиовизуальный материал, которым они хотят поделиться. Это особенно верно в отношении социальных медиа. Когда коллеги «постят» ссылку в Фейсбуке, я более склонна перейти по ней, чем когда они используют электронную почту: их пост уже дает мне миниверсию ссылки, картинки или видео, о которых идет речь. Визуальная изощренность пробуждает мой — так же, несомненно, как и непрофессионального читателя — интеллектуальный аппетит.

3. Способствует открытым интеллектуальным дебатам, в которых ученые: а) скорее выдвигают и обсуждают кажущиеся далекими идеи; б) выбирают более быструю, менее литературно обработанную форму письма, чем, скажем, в научном журнале или монографии; в) контактируют с коллегами в более регулярном режиме, чем ранее.

4. Стимулирует широкую архивацию. Академические блоги, для которых я пишу, являются огромным складом важных для моего исследования ссылок, аудиовизуального материала и минианализов. Я посещаю их по крайней мере несколько раз в месяц для того, чтобы выявить важный исследовательский материал.

5. Понижает порог (не уничтожая при этом иерархию как таковую) для, скажем, общения докторантов с прославленными учеными. С того времени, когда я стала преподавать в аспирантуре, я связываюсь по электронной почте или через Фейсбук с видными учеными по поводу проблем, затронутых в их работах. Столь же часто они подробно мне отвечали. Этот тип общения был бы возможен и на бумаге; однако без мгновенной (кликни и отправляй) доступности контакта по электронной почте я бы, вероятно, не стала писать им.

Все это не значит, что я рассматриваю новую ситуацию как беспорочную научную утопию. Мне не всегда легко справиться с большим количеством вдохновляющих (полу)академических блогов, записей в Твиттере и форумов Фейсбука, которые в последние годы растут как грибы. Одним из способов хотя бы частично переизжить этот переизбыток информации является следование тем выборкам, которые вдохновляют меня коллеги делают из своих излюбленных публикаций и форумов. Для меня двумя такими заслуживающими внимания выборками являются ссылки, которые выкладывает Сергей Ушакин в Фейсбуке, а также те, которые выложены на фейсбукском форуме “Memory at War” (проект, возглавляемый Александром Эткиндоном, в нем участвую и я). Однако эта стратегия просто уменьшает проблему, не решая ее.

Другая проблема — ненадежность таких онлайн-инструментов, как Google Search. Я интенсивно пользуюсь этой поисковой системой для научных целей (либо просматривая библиографические источники, либо собирая первичные материалы), но списки, которые выдает поисковая система, неполны и пристрастны. Для того чтобы (по крайней мере отчасти) обойти таящиеся в Google опасности, я считаю полезным читать критические оценки Google [Langville, Meyer 2006; Jeanneney 2007; Hargittai et al. 2007] и опираться не только на Google Search, но на инструменты контент-анализа [Krippendorff et al. 2008]. Между тем вполне удовлетворительной альтернативы обращению к поисковой системе Google я пока не нашла.

У каждого из тех преимуществ, которые я упомянула выше, есть дополнительные ловушки. И при ближайшем рассмотрении у всех тех революционных перемен, которые мы хвалим в новых медиа, находятся, конечно, многочисленные исторические параллели. Поэтому я не считаю нынешнюю ситуацию ни радикально новой, ни исключительно положительной. Однако в целом и использование, и изучение новых технологий для меня — сугубо радостные занятия.

Краткая анкета

35 лет. В качестве исследователя я работаю уже в течение нескольких лет, но причисляю себя к молодому научному поколению.

Библиография

- Hargittai E. et al.* The Social, Political, and Cultural Dimensions of Search Engines // The Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 12. No. 3. <<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcmc.2007.12.issue-3/issuetoc>>.
- Jeanneney J.-N.* Google and the Myth of Universal Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2007.
- Krippendorff K. et al.* (eds.). The Content Analysis Reader. Newbury Park: Sage, 2008.
- Langville A., Meyer C.D.* Google's PageRank and Beyond: The Science of Search Engine Rankings. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

ИЛЬЯ УТЕХИН

1

На первый взгляд, корректнее сопоставить распространение Интернета по масштабу последствий не столько с вращением письменности в повседневную жизнь человека, сколько с распространением книгопечатания. Однако наряду с революцией в доступности текстов и возможностями гипертекста (эти вещи стали очевидны широкому кругу пользователей уже в 1990-е), Интернет представляет собой мультимедийную вселенную, раздвигающую границы нашей повседневной реальности. Перенесение в эту вселенную существующих социальных сетей и формирование принципиально новых сообществ, расширение личности человека и самого понятия о присутствии — все это действительно ставит Интернет в один ряд скорее с письменностью, нежели с книгопечатанием. Антропологическое осмысление этой технологии и отдельных ее форм стоит на повестке дня.

Мне не кажется, что происходит какое бы то ни было «размывание» научного знания, связанное с Интернетом. Если и есть серьезные тексты на личных страничках ученых, они уже опубликованы или приняты к публикации в журналах. Наука как культурная система и собственно научная деятельность не получила принципиально новых форм (получила новые инструменты и средства выражения). Трудно оценить, изменился ли количественно и качественно прирост знания о мире, который остается на выходе этой деятельности, и еще сложнее соотнести такие изменения с Интернетом. Очевидно, однако, что и в условиях все прирастающего «необъятного информационного поля» вместимость ума индивида (в частности, ученого) задает некоторые параметры и ограничения в области цеховых норм и практик: кто считается ученым, какая подготовка ученого считается достаточной.

Илья Владимирович Утехин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Санкт-Петербургский
государственный университет
ilya@gmail.com

Это касается не только ученого, но и первоклассника. Со всей откровенностью озадаченным новыми школьными программами родителям об этом говорят учителя, пересказывая содержание семинаров в РОНО примерно так: происходит переход от «знаниевой парадигмы» (она, стало быть, в прошлом) к «деятельностному подходу». Это значит, что от человека недалекого будущего не требуется носить все в голове: более актуально уметь оперативно найти (и понять) нужные сведения и данные.

Заметим, что и при появлении письменности, и при появлении книгопечатания — а вот теперь и в связи с Интернетом — неизменно возникают критические оценки роли этих технологий в том духе, что нынешние студенты готовятся по Википедии, а на самом деле остаются людьми глубоко невежественными, слабо знакомыми с классикой и обо всем знающими понаслышке. Платон устами Сократа пересказывал предание о Тевте, где царь говорил о людях, которые доверятся письмам, примерно то же.

Существующие академические нормы в области цитирования и «коллаборативная фильтрация» силами профессионального сообщества позволяют поддерживать приемлемый уровень содержательности и аутентичности. А что до глупостей, то от них (в том числе и в научных журналах) отнюдь не боится и традиционная бумажная технология. Возникает вопрос более интересный: где — в ситуации, когда не требуется носить все в голове — критерий образованности, достаточной для того, чтобы быть «ученым»? Сколько классики (и в каких дисциплинах) должен освоить человек, чтобы быть способным порождать новое антропологическое знание? Да и нужно ли для этого принадлежать к профессиональному цеху?

Этот вопрос приобретает тем более острое звучание, что новое знание в современных условиях нередко порождается без строго соблюдения дисциплинарных границ, в сотрудничестве с коллегами, представляющими разные, порой далекие дисциплины (или, шире, виды деятельности). Трудно сказать, насколько академическое сообщество в целом готово принять, что такое сотрудничество, помноженное на возможности new media, может оказаться плодотворным.

4

Предметом антропологического исследования может служить и само по себе поведение тех или иных групп людей в качестве пользователей Интернета. Чаще, впрочем, интернет-материалы оказываются источниками для исследователя, который рассматривает эти материалы либо в качестве своеобразного виртуального слепка с изучаемой им сферы оффлайновой со-

циальной реальности, либо как некую самостоятельно существующую сферу, которая лишь благодаря возможностям Интернета и имеет место.

Люди оставляют в Интернете следы, в основном доступные окружающим в виде текстов, но также и изображений и мультимедийных объектов. Все это может представлять для исследователя интерес, но прежде всего Интернет в целом представляет собой огромный проиндексированный текстовый корпус, на материале которого можно пытаться делать выводы о чем-то, что касается языка, речи (текста) и, соответственно, интересов сообщества носителей и стереотипов их мышления.

Тут, правда, сразу возникает важнейший вопрос о том, кому принадлежат эти стереотипы. Если лингвисты могут делать выводы на основании данных Национального корпуса русского языка, то позволительно ли антропологам и социологам делать выводы на основании рунета в целом как некоего макрокорпуса? Какие-то, видимо, можно, имея в виду многие «но». Так, при помощи поисковой машины (Яндекс) мы можем посмотреть, на скольких страницах встречается то или иное слово. Вот коллега (Сергей Крылов) делится результатами: приводится замеренная в рунете сочетаемость прилагательного «пресловутый» с именами собственными. Фактом чего — языка? дискурса? — являются эти данные? По отношению к чему они репрезентативны? Чей это дискурс?

Данные о частотности и сочетаемости слов в текстах весьма любопытны, особенно когда мы можем ограничить интересующий нас круг источников, подвергаемых обсчету. Вообще же контент, порожденный пользователями, форумы и блоги ценны для исследователя тем, что пользователи порождают тексты друг для друга, отражающие не только их язык, но их мнения и заботы. Вот она, голубая мечта наивного этнографа о поле, не испорченном возмущающим воздействием наблюдателя!

Проблема, однако, заключается в том, что, не являясь участником и лишь подглядывая, мы не всегда можем интерпретировать эти материалы и оценить их репрезентативность. Это примерно как судить об общественном мнении по звонкам в эфир радиопередачи (ну кто, ей-богу, звонит на радио?). Лишь включенность и наблюдение реального поведения позволяют сделать сколько-нибудь валидные выводы.

Вообще говоря, данные о поведении пользователей не обязательно предполагают включенность. Скажем, существуют (в виде базы данных поисковых запросов) сведения о том, что и как (и как часто) ищут пользователи — они, как кажется, куда интереснее. Интересы интернет-аудитории и их динамика

с подразделением по географии, времени, сочетаниям запросов — неоценимый материал не только для социолога, но и для целого ряда коммерческих применений. Поэтому-то она и представляет коммерческую тайну и социологам, как и прочей публике, недоступна, разве что в виде вкусных крошек с барского стола в виде периодических релизов пресс-службы Яндекса. «Кусочки» такой статистики заинтересованный рекламист или рекламодатель может узнать посредством предназначенного для покупателей рекламы яндексовского инструмента ЯндексДирект.

В свое время можно было даже бесплатно посмотреть статистику переходов на страницы по тем или иным поисковым запросам (на <liveinternet.ru>). Даже беглый взгляд на эту статистику — скажем, на то, как год от года и месяц от месяца меняется двадцатка самых частотных запросов — заставляет задуматься о том, как она отражает поведение пользователей (и почему — именно так) в соотношении, например, с данными опросов пользователей Интернета, которые периодически проводят социологические службы. Ситуация здесь не сводится к расхождению того, что делают, и того, что говорят о том, что делают, потому что обобщенные данные скрывают весьма разнообразные профили онлайн-поведения.

Наиболее интересным и специфическим для Интернета явлением оказываются онлайн-сообщества. Коммуникация, опосредованная компьютером, достигла такой зрелости в своем развитии, что существенно расширила повседневную реальность новым типом института, отличающимся от привычных социальных институтов.

Как заниматься этнографией такого сообщества? Ведь этнография предполагает, что этнограф погружается в жизнь представителей изучаемой группы, а в Интернете он имеет дело пусть и с немаловажным, но всего лишь одним аспектом жизни этих людей. И ведь через электронную почту, телефон или чат — это, вроде бы, не совсем этнография, потому что, читая тексты, все-таки не взаимодействуешь непосредственно. Что не исключает необходимости решить весь набор традиционных проблем с доступом к полю и получением собственной роли в сообществе. Другое дело, что презентация себя в условиях Интернета имеет особенности.

Получается этакая «узкополосная» этнография — имея в виду ширину «полосы пропускания». Иначе и невозможно, тем более что есть такие группы и явления, которые существуют только (или преимущественно) в Интернете. Антропологу интересны отнюдь не только они, и в значительной части случаев (когда новые медиа — носитель чего-то, что отнюдь к ним не

сводится) устройство сообщества отражается в устройстве социальной сети в Интернете неоднозначно. Между тем и обычный этнограф, изучающий вполне себе оффлайновое сообщество, не может игнорировать тот факт, что у этого сообщества может быть виртуальное измерение.

Как и во всякой «езде в неведомое», в исследовательском использовании new media нет готовых рецептов, за исключением совсем уж тривиальных. Кажется, однако, что и создание специальных веб-ресурсов, предназначенных, в конечном счете, для сбора этнографических данных, и, шире, разные формы включения пользователей в исследование в качестве соучастников — все это ждет наших экспериментов и теоретического осмысления. Равно как и принципиально новые технические возможности в области искусственного интеллекта. Скажем, нет технических препятствий для того, чтобы средствами машинного обучения научить программу отслеживать паттерны деятельности в Интернете, позволяющие идентифицировать экстремистские сообщества. Тут этнограф нужен на входе для решения вполне прикладной задачи, а дальше, в самом алгоритме — сплошная математика. Однако способы анализа данных (data mining) могут быть использованы для получения исходных материалов и в собственно антропологическом исследовании.

Краткая анкета

К какому научному поколению вы себя относите — к среднему.

Если содержание научной работы и изменилось, то под влиянием не Интернета, а содержания тех текстов, доступ к которым был опосредован Интернетом (имеются в виду журнальные статьи из полнотекстовых баз данных).

ЛАРИСА ФИАЛКОВА

Интернет в моей научной биографии

1

Думаю, что формальные критерии научного текста всегда страдали ограниченной достоверностью. В России, скажем, котировались статьи в столичных изданиях, признаваемых ВАК, в академических и в некоторых университетских (или межуниверситетских) сборниках. Но ситуация со сборниками

конференций уже была проблематичной. Не случайно фольклор научного сообщества окрестил их «братской могилой», хотя статьи, опубликованные в них, часто были не менее интересными, чем в журналах. По сути дела, лучшими считались (и считаются) издания, *в которые трудно попасть*. Добавлю, что попасть туда трудно прежде всего человеку со стороны. Я проходила этот процесс дважды, сначала в качестве молодого литературоведа из Киева, пробывавшегося в российские издания, а потом в качестве иммигрантки из бывшего СССР в Израиле, для которой публикация на английском языке на Западе приравнивалась к выживанию.

Другим критерием научного текста всегда была (и является) обширная библиография. При этом по умолчанию предполагается, что автор должен ссылаться на источники, считающиеся важными в данном научном сообществе. Источники, членам редколлегии незнакомые (например, опубликованные на другом языке), могут игнорироваться. Один из моих коллег намеренно прекратил цитировать источники на русском языке, поскольку заметил, что их появление в библиографии раздражает рецензентов и затрудняет «прохождение» статей в американские журналы. Другой коллеге пришлось отводить обвинение анонимного рецензента солидного немецкого журнала в ссылках на «никому не известного автора А. Веселовского».

Третьим критерием считался (и считается) язык публикации. В СССР таковым был русский, а публикации на языках народов СССР казались явно ущербными. В Израиле научными безоговорочно признаются статьи, вышедшие на английском языке, а уровень остальных подвергается сомнению. Разумеется, всегда были люди, публиковавшие серьезные статьи в «не котирующихся» изданиях и на «не котирующихся» языках, и всегда находились читатели, способные их оценить. Критерии научности были (и остаются) важны, скорее, для администрации научных учреждений, решающей вопросы продвижения. Думаю, что ситуация с критериями научности, возникшими еще до Интернета, хорошо суммирована в израильском университетском анекдоте:

— *Правда ли, что Бог не получил профессуру?*

— *Естественно! Дело в том, что он не соответствует нашим высоким критериям. Судите сами: у него только одна публикация. Да и она вышла не по-английски и не содержит библиографии. И, наконец, описанный в работе эксперимент сомнителен, поскольку его никому не удалось повторить.*

В эпоху Интернета, скажем, известно, что на Википедию ссылаться неприлично, поскольку авторами статей могут быть

все желающие, включая школьников. Разумеется, это не означает, что в ней нет текстов, написанных профессионалами. Соответственно многие начинают поиск именно с Википедии, а потом, не ссылаясь на нее, переходят к более «приличным» источникам. В ряде случаев критерием научности служит имя автора, на каком бы сайте ни вышла работа, и, что немаловажно, текст как таковой.

2

В эпоху Интернета, совпавшую с уменьшением тиражей печатных изданий, изменился критерий доступности источника для читательской аудитории. Раньше столичное издание всегда обладало большим распространением. Его было легче найти, на него чаще ссылались. Теперь издание Академии наук, вышедшее тиражом в 300–500 экземпляров, по-прежнему считается более предпочтительным при рассмотрении карьерных вопросов, чем любительский сайт, доступный всему миру, но ссылаются на него меньше, а значит, падает и его влияние на современную науку.

Сетевые сообщества ученых чрезвычайно важны. Они облегчают обмен информацией о готовящихся конференциях и сборниках, новых публикациях, возможностях трудоустройства. Иными словами, они помогают выжить в науке. Хорошо помню, как трудно мне было в период работы над диссертацией находить конференции и публиковать статьи. В те годы я работала библиографом в обычной киевской библиотеке. Мой руководитель, профессор Юрий Михайлович Лотман, жил в Тарту, встречались мы примерно раз в год, телефона у него не было, а письма писать он не любил. Его роль в моей научной работе была огромной, но кулуарных университетских разговоров, в которых подобной информацией делились, я была лишена. Перефразируя Ленина, отмечу, что «узок был круг этих посвященных». А недоступность информации — это барьер, преодоление которого требует огромных усилий. О возможностях я узнавала постфактум, когда они становились утраченными.

До сих пор с благодарностью вспоминаю проф. Льва Сидякова из Латвийского университета, который в ответ на мои жалобы об отсутствии информации спросил: «А почему бы вам не подать тезисы на конференцию в Даугавпилс?» Отреагировала я со скоростью звука. Конференция была по моей теме, и проф. Леонид Цилевич согласился принять тезисы уже после окончания срока подачи заявок. Дальше появились личные контакты, стало легче.

Сетевые сообщества позволяют подобных мучений избежать. Сегодня я состою в нескольких профессиональных группах, например, <h-soyuz@h-net.msu.edu>, <h-folk@h-net.msu.edu>,

<seefa@lsv.uky.edu>. И сведения о конференциях и возможностях публикаций, присылаемые ими, существенно превосходят мои творческие возможности.

3

Для меня Интернет стал скорее продолжением библиотеки, чем ее заменой. От того, что я читаю «Антропологический форум» или, скажем, “Journal of American Folklore” в электронной форме, а не в брошюре, взятой в библиотеке, принципиально ничего не меняется. Статьи остаются теми же, не потеряв ни в научности, ни в аутентичности, но я не ограничена сроками возврата.

4

Впервые я увидела в Интернете «поле» уже после эмиграции в Израиль. Наша с Хаей Бар-Ицхак совместная статья «Фольклор и компьютер» была опубликована в «братской могиле» в 1996 г. и до извлечения ее оттуда Михаилом Алексеевским пребывала в полном забвении [Бар-Ицхак, Фиалкова 1996]. Работа проводилась на английском языке среди членов сетевой группы «Рассказы о привидениях». Первой реакцией на анкету было молчание. Затем последовало письмо одного из участников группы, пожелавшего узнать, не связано ли исследование с изучением психического здоровья ее членов. Видимо, ответ его удовлетворил, поскольку заполненные анкеты не замедлили появиться. Думаю, что и в традиционно понимаемом «поле» общение с незнакомым интервьюером тоже нередко зависит от согласия «старейшин» или иных доверенных членов группы.

Не могу согласиться с тем, что особенность интернет-поля слабо отрефлексирована научным сообществом, поскольку литература о нем очень велика (см., например, [Алексеевский 2010; Гусейнов 2000; Blank 2009; Danet 2001; Fialkova, Yelenevskaya 2001] и др.).

Приведу некоторые характерные особенности нового «поля», не претендуя на исчерпывающий список:

- использование «масок» и ролей, при которых и пол, и возраст участников группы точному определению не подлежат;
- сочетание признаков письменной и устной речи;
- изменение понятия «малая группа», теперь не всегда связанного с географической близостью;
- существование особой системы знаков (эмотиконов), призванных заменить мимику;
- возможность загробного существования «привидений» бывших членов группы (в этих случаях их странички не удаляются после смерти создателей, а остаются в сети в качестве адресатов сообщений);

— сочетание легкой доступности материалов и ограничений, связанных с приватностью и авторскими правами (нарушение этих ограничений может стать причиной судебных исков);

— сочетание закреплённости письменного текста и его эфемерности (текст, найденный вчера, сегодня может исчезнуть).

Работа в Интернет-поле предполагает определенные правила. Так, необходимо при всех публикациях указывать дату последнего посещения сайта, поскольку он может исчезнуть. Готовя к печати мою статью о поговихах и медицине, сотрудники электронного эстонского журнала перепроверили все названные мною сайты [Fialkova 2010]. За год, прошедший между нашими проверками, два сайта из шести перестали функционировать. Той же причиной обусловлена и необходимость распечатывать собранные материалы. Так, в 2005 г. уже не было сайтов, проанализированных мною и Марией Еленевской в 1999 г. [Fialkova, Yelenevskaya 2001]. Наша информация об этом на конференции ISFNR в Тарту в 2005 г. вызвала бурную реакцию проф. Рольфа Бредниха, принявшего в свое время нашу статью к печати в редактируемый им журнал. Всем участникам конференции он разослал письмо, в котором указал, что исчезновение материалов ставит достоверность наших результатов под сомнение. К счастью, мы распечатывали используемые материалы и смогли ответить по той же интернет-рассылке, что готовы ознакомить желающих с нашим архивом.

Другим важным правилом, особенно при работе с блогами, является получение личного разрешения владельца блога. И его отказ столь же значим, как и отказ информанта от интервью при личном общении.

Третьей рекомендацией является совмещение разных методов работы, например переход от общения по Интернету к личным интервью. Так, Инна Вайскопф, защитившая под моим руководством дипломную работу о русскоязычных израильских сайтах знакомств, параллельно с анализом сетевого материала записала и устные интервью с участниками сайтов.

Краткая анкета

К какому научному поколению вы себя относите — наверное, все еще к среднему (вспомним дискуссию в 11 номере «АФ» о проблеме поколений). В моем случае ситуация является анекдотичной. По российским меркам, я уже достигла предпенсионного возраста, поскольку к моменту выхода журнала мне исполнится 54 года. А вот по меркам Израйля, где преподаватели университетов (и мужчины, и женщины) выходят на пенсию в 68, я ученый в самом расцвете сил.

В какой мере содержание вашей научной работы изменилось под влиянием Интернета — изменилось радикально и по тематике, и по методам работы. Не будь Интернета, многие мои работы никогда бы не были написаны. И речь идет не только о статье о сетевом фольклорном сообществе [Fialkova, Yelenevskaya 2001] или об изучении Интернета как фактора поддержания диаспоральности [Fialkova 2005], но и о том случае, когда именно Интернет позволил мне отыскать разные версии легенды о золотом кораблике в Одесских катакомбах [Fialkova 2007].

Библиография

- Алексеевский М.* Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сборник материалов. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 151–166. <<http://mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-congress.pdf>> (последнее обращение к сайту 25.12.2010).
- Бар-Ицхак Х., Фиалкова Л.* Фольклор и компьютер: К постановке проблемы // Язык и культура: Четвертая международная конференция: Материалы. Киев: Институт международных отношений Киевского гос. ун-та им. Т.Г. Шевченко, Институт украинского языка НАН Украины, фонд гуманитарного развития “Collegium”, 1996. С. 143–152.
- Гусейнов Г.* Заметки к антропологии русского интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 289–321.
- Blank T.J.* (ed.) Folklore and the Internet: Vernacular Expression in the Digital World. Logan: Utah State University Press, 2009.
- Danet B.* Cyberpl@y: Communicating Online. Oxford: Berg, 2001.
- Fialkova L., Yelenevskaya M.* Ghosts in the Cyber World: Analysis of the Folklore Sites on the Internet // Fabula. 2001. Vol. 42. No. 1–2. P. 64–89.
- Fialkova L.* Emigrants from the FSU and the Russian-language Internet // Toronto Slavic Quarterly. 2005. Vol. 12. <<http://www.utoronto.ca/tsq/12/fialkova12.shtml>>.
- Fialkova L.* Buried Treasures: Narratives of an Immigrant from Ukraine in Israel // Folklorica (Canada, USA). 2007. Vol. 12. P. 33–51.
- Fialkova L.* Proverbs and Medicine: The Problem of Applied Folklore // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2010. Vol. 46. <<http://www.folklore.ee/folklore/vol46/fialkova.pdf>>.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В отличие от многих других «Форумов», на которых обсуждались более или менее специальные вопросы, на этот раз тема затрагивает практически каждого члена научного сообщества. Изменения, которым подверглась жизнь ученых благодаря Интернету, настолько радикальны и многообразны, что трудно удивляться выходу дискуссии за рамки, очерченные четырьмя вопросами редколлегии.

Вполне естественно, оценки значимости Интернета разнятся.

С одной стороны, эти различия могут объясняться возрастными и личными склонностями участников дискуссии — тем, что молодые исследователи более склонны к творческому и многогранному его использованию, а старшее поколение нередко пользуется мировой паутиной более пассивно. Так, Наталия Мазур считает, что «большинство проблем, поставленных в анкете, для нас либо уже позади, либо не возникали вовсе». Понятно, что автор выражает мнение среды, которая уже полностью перешла в новое измерение и для которой спор о сравнительных достоинствах интернет-публикации с бумажной звучит примерно так же, как обсуждение преимуществ гусиных перьев перед металлическими. Другой полюс обозначен репликой Елены Носенко-Штейн, которая считает, что инертность и низкие зарплаты российских исследователей-гуманитариев делают Интернет малодоступным даже в столице: «“интернетизация” научного знания в России — пока удел меньшинства ученых-гуманитариев (учитывая средний возраст таких специалистов, особенно в академической среде)». Наверное, для большинства читателей (как и для меня) такое мнение, высказанное не 1993, а в 2011 г., звучит диссонансом, учитывая, что сегодня к Интернету в России подключены практически все

школы, даже в таежных дальневосточных поселках. Трудно удержаться от мысли, что сегодня без Интернета живет только тот ученый, который осознанно не желает им пользоваться.

С другой стороны, значимость Интернета для ученого очевидным образом зависит от тематики его исследований. Одно дело — социолог, изучающий малые группы в современном мегаполисе, для которого Интернет — это полноценная (или даже — важнейшая) исследовательская площадка; такой исследователь может с полным основанием утверждать, что «Интернет смог совершить настоящую революцию, преодолев все институциональные барьеры, связанные с производством научного знания» (Катерина Губа). Другое дело — специалист по древней истории или по праязыковым реконструкциям, а хоть бы и по языкам или этнографии современных народов, затерянных в амазонских джунглях или африканской саванне. В таком случае остается довольствоваться тем, что Интернет предоставляет исследователю в пользование «расширенную личную библиотеку» и дает возможность удобного и практически бесплатного общения с коллегами по всему миру. Такую позицию представляет Юрий Березкин: «Мне кажется, что влияние Интернета на науку сильно преувеличено. Разумеется, это великое техническое изобретение, которое сделало связанный с обработкой информации труд гораздо эффективнее, чем он был раньше. <...> Налицо колоссальная экономия времени и сил. Но, пожалуй, и всё».

Дискуссия продемонстрировала, что некоторые изначальные посылки, прозвучавшие в вопросах «Форума» (например, такая: «Очевидно, что это “поле” и его материалы обладают своей спецификой, которая, как кажется, еще слабо отрerefлексирована научным сообществом»), уже не отражают современной реальности. Впрочем, и такие формулировки вопросов не оказались бесплодными: они спровоцировали тех, кто активно разрабатывает и использует методики полевой работы в Интернете, на обстоятельное и весьма поучительное изложение своих наработок в этой не такой уж девственно-нетронутой области.

Участники дискуссии пытаются наметить основные контуры здания современной науки, несущими конструкциями которого служат удаленные серверы, а арматурой — URL-адреса. Наталия Мазур отмечает такие новации: «период стихийного выброса несистематизированной информации закончился, на смену энтузиастам-одиночкам пришли мощные научные институты, и в Сети сформировались пусть не матерички, но во всяком случае довольно обширные острова упорядоченного знания»; «“знать” превращается в “знать, где посмотреть” <...>

сокращение объема “жесткого диска” приобрело обвальный характер именно в последние годы»; «расширив наши возможности, Интернет во много раз повысил и масштаб ожиданий. Исчез целый ряд удобных извинений: смешно ссылаться на недоступность иностранных работ и источников (а, следовательно, и маскировать этим незнание или нежелание читать на других языках), стыдно избирательно подходить к библиографии <...> Утрачивает популярность культуртрегерство».

Но не проходит она и мимо опасностей и трудностей, связанных с всеобщей интернетизацией. Причем, по ее мнению, наиболее существенные из них актуальны как раз не для старшего поколения: «Больше всего трудностей возникло у ученых среднего и младшего поколения, которые Интернет вполне освоили, но не успели согласовать с ним свою методологию, а подчас и научную этику».

Но тут мы уже переходим к проблемам, затронутым в вопросах редколлегии.

1

Как и следовало ожидать, мнения дискуссионтов по первому вопросу разделились. С неизбежной долей условности, можно сформулировать три позиции.

1) «Пессимисты и алармисты». Несмотря на то что такая позиция имплицитно была обозначена уже в формулировке вопроса, лишь меньшинство авторов откликов выразили серьезные опасения по этому поводу. Так, Елена Носенко-Штейн пишет: «Полагаю, что размывание научного знания будет продолжаться и в дальнейшем. <...> К негативным последствиям можно отнести широкое распространение паранаучных, околонучных и просто антинаучных писаний, что не только оказывает отрицательное воздействие на неподготовленную аудиторию, но и вредит научным исследованиям и имиджу науки, в том числе — и особенно — социальным наукам в целом». Ответственность за обеспечение доступности в Интернете достоверного научного знания, результатов серьезных научных исследований Игорь Алимов возлагает на государство: «Это вопрос не только научного сообщества, но в первую очередь — государственный. Нельзя обязать ученого посещать Интернет, но можно обеспечить регулярную и адекватную публикацию в Сети результатов исследований хотя бы в области гуманитарных наук, а это требует определенных филантропических затрат, которые может позволить себе только государство. Если оно понимает важность и нужность таких затрат, разумеется».

2) Большинство же участников обсуждения смотрят на проблему «размывания границ научного знания в Интернете» достаточно спокойно — условно назовем их «реалистами». Они

справедливо отмечают, что, хотя «всемирная паутина» и облегчила распространение сомнительных текстов, ни те, ни другие не являются монополией интернет-пространства:

«Интернет предоставил невиданную ранее возможность распространения паранаучных и лженаучных текстов, в том числе и в сфере этнологии и фольклористики, однако само их появление не обусловлено им и не является специфической особенностью нашего времени. Отношение к ним, их роли в общественном сознании — это действительно серьезная культурная и мировоззренческая проблема, но это все-таки иная проблема» (Михаил Матлин).

«Понятно, что Интернет — очень слабо дифференцированное информационное пространство, в котором качественное знание перемешано с информационным мусором, массовая, специальная и личная коммуникация переплетены, наука соседствует с паранаукой и т.д. Но в сущности, это свойственно не только Интернету, а и современной коммуникации вообще» (Андрей Алексеев).

«После того, как прошел первый информационный шок, стало понятно, что границы “научности” не изменились: они по-прежнему определяются внутренними законами научной школы, к которой себя причисляет исследователь, а отнюдь не местом публикации материалов» (Наталья Мазур).

«Я не вижу большой разницы между размытием границ между “научными” и “ненаучными” текстами на бумаге и в электронном виде, <...> даже на страницах некоторых отечественных академических и вполне признанных изданий публикуются иногда тексты такого качества, что ни один приличный профессиональный сайт их не опубликовал бы. Наоборот, уважающие себя интернет-ресурсы гораздо щепетильнее в выборе текстов для публикации, поскольку их объективно читают больше, чем упомянутые академические журналы, многие из которых служат лишь площадкой для публикации, но не для чтения и обсуждения» (Анна Желнина).

«Реалисты» считают, что применение уже выработанных в науке критериев научности вполне применимо и к Сети. «Станет ли приличный исследователь цитировать серьезную научную работу по сомнительному изданию? Вряд ли. Значит, не будет он цитировать ее и по сомнительному сайту» (Мария Ахметова).

«Признаки “научности” и достоверности опубликованного онлайн текста по-прежнему выводятся как из его содержания, так и авторитета автора, его аффилиации, престижа ресурса, опубликовавшего текст — система репутаций, существующая

в реальных академических социальных сетях, не исчезает и из виртуального пространства коммуникаций» (Анна Желнина).

«Любительский текст на научном сайте (действительно научном!) *быть не может*, а если может, значит, есть сомнения в квалификации редакторов» (Михаил Красиков).

«Существующие академические нормы в области цитирования и “коллаборативная фильтрация” силами профессионального сообщества позволяют поддерживать приемлемый уровень содержательности и аутентичности. А что до глупостей, то от них (в том числе и в научных журналах) отнюдь не страхует и традиционная бумажная технология» (Илья Утехин).

3) Наконец, «оптимисты» усматривают в таком размывании границ и позитивное начало: «Это, наконец, дает возможность представителям различного рода научных школ и направлений, в том числе и академических, понять, как оценивается их деятельность в современном социуме (!), и, может быть, в отдельных случаях действительно изменить свои установки в плане демократизации тематики исследований и доступности языка публикаций» (Татьяна Золотова, Наталья Ефимова).

Другие видят в этом вызов, который ученые должны принять: «Надо (не кому-нибудь, а нам с вами) организовывать сетевое пространство, как любое культурное. Если от пассивной позиции мы перейдем к активной, в перспективе следует мыслить вовсе не “дальнейшее размывание”, но “новое структурирование”» (Роман Лейбов). «Говорить можно не столько о размывании границ научного знания, сколько о восприятии этих границ и авторитета науки в глазах достопочтенной публики. <...> Это, безусловно, проблема, однако проблема, касающаяся не столько сущности, сколько самопозиционирования науки. Для российской этнологии <...> это особенно актуально ввиду почти полного отсутствия качественных научно-популярных изданий о методике и основных понятиях дисциплины. <...> Именно в области популяризации науки Интернет предоставляет наиболее интересные перспективы, и ими необходимо пользоваться» (Иван Гринько).

А Катерина Губа, размышляя о сложившихся в академическом мире механизмах оценки и отбора научных текстов, склоняется к выводу о том, что Интернет в этом отношении оказывается не менее успешен, чем солидные «бумажные» журналы: «Если вспомнить один из главных вопросов социологии науки о том, что ответственно за успех — одно только содержание или правильно сработанные институты, то коммуникация в блогах стоит чуть ближе к тому, чтобы содержание играло большую роль. <...> Пока мы наблюдаем ситуацию, когда отдельно су-

ществует традиционная социальная наука с ее мерилем достижений в виде опубликованных текстов, прошедших через институт лицензирования. Остается вопрос, происходит ли научная коммуникация через эти статьи и книги или же она перемещается в другие пространства, которые на первый взгляд предлагают обойтись без большой входной платы за участие в дискуссии. Новые средства коммуникации действительно предполагают отсутствие институциональных барьеров, но это вовсе не означает, что каждый здесь будет услышанным. Главное, что для этого нужно сделать — это написать значимый текст, который станет центром внимания со стороны виртуального сообщества».

2

Вполне ожидаемо, негативных мнений относительно интернет-вторжения в научную коммуникацию почти не оказалось — можно упомянуть разве что настороженную реплику Валентины Метальниковой: «В определенных кругах репутация исследователя зависит от его активности в Сети, но и раньше случалось, что исследователя ценили за “раскрученность”, а не за реальный вклад в науку».

Несколько чаще слышны голоса тех, кто считает, что сетевые коммуникации не приносят принципиально новых моментов в научное общение и структурирование академического сообщества:

«Не думаю, чтобы появление Интернета каким-либо образом отразилось на “научных иерархиях”. То же и с научными сообществами. В них входят люди, которые занимаются сходными проблемами и придерживаются сопоставимых взглядов или, во всяком случае, не считают друг друга врагами — при чем тут Интернет?» (Юрий Березкин).

Впрочем, и «скептики» согласны с тем, что процесс накопления изменений в этой сфере все же идет:

«Кажется, в Сети, как в бане, — все равны. Хотя и в бане, и в Сети на самом деле равенства нет (как нет его нигде и ни в чем!). Научные школы, имеющие привязку к традиционным научным институциям, все равно остаются авторитетными. Прежние иерархии не перестают быть актуальными, но *наряду с ними* возникают интернет-сообщества» (Михаил Красиков).

«Маловероятно, что сетевые площадки в обозримом будущем заменят “живые” конференции и семинары, но уже сейчас они являются важным дополнением к ним, позволяющим преодолеть географическую и языковую дистанцию между участниками научной коммуникации» (Дарья Радченко).

«Активный выход в Интернет-пространство вряд ли приведет к значительным изменениям именно в организации научного сообщества или породит новые формы его существования вне Интернета. Безусловно, ускорится коммуникация, демократизируется (до определенной степени) общение» (Татьяна Золотова, Наталья Ефимова).

Большинство же участников дискуссии видит в развитии сетевой коммуникации позитивное начало. Так, Майкл Буравой вместо ответов на вопросы делает обзор проектов Международной социологической ассоциации, созданных исключительно с опорой на Интернет: многоязычный информационный бюллетень, «открытый университет», блог, работа через Facebook и т.д. Лариса Фиалкова говорит о кардинальной роли Интернета в жизни провинциальных ученых: «Недоступность информации — это барьер, преодоление которого требует огромных усилий. О возможностях я узнавала постфактум, когда они становились утраченными. <...> Сетевые сообщества позволяют подобных мучений избежать».

Иван Гринько сетует не на возникновение сетевых научных сообществ, а на их малочисленность: «Учитывая, что именно научные общества стали локомотивом развития этнологии, вряд ли стоит ожидать негативных последствий от их возрождения сегодня. Их виртуальность не должна пугать: свою функцию по передаче и популяризации научного знания они могут выполнять и выполняют. <...> Нельзя забывать такой важный аспект сетевого общения, как независимая оценка. <...> Жизнеспособность идей и теорий, да и просто уровень ученого проверяются только в подобной повседневной независимой оценке его труда со стороны коллег и простых любителей. Резюмируя, появление подобных обществ можно только приветствовать, хотя их по-прежнему не так много, как хотелось бы».

Анна Желнина, в отличие от представителей более старших поколений, считает, что создание научных иерархий при посредстве Интернета — это уже состоявшийся факт, причем факт, по-видимому, позитивный: «Сетевая коммуникация уже прочно заняла свое место в качестве инструмента создания репутаций, особенно важного для молодых и начинающих, старающихся заявить о себе всеми возможными способами ученых». Между тем этот автор видит важнейшую функцию Интернета в преодолении переборок между разными отраслями науки: «Размытию дисциплинарных границ способствует даже такая простая техническая особенность, как механизм поиска в Интернете. <...> Можно ожидать в ближайшем будущем массовой междисциплинарности, роста значения таких предмет-

но-ориентированных кластеров, как городские исследования, европейские исследования и прочие studies, которые придут на смену привычным антропологии и социологии города, политологии и т.п.».

Владимир Ильин же считает положительным фактом и слом преграды между академическим миром и миром «непосвященных»:

«Размывание в Интернете границ научного дискурса за счет носителей повседневного знания и здравого смысла заставляет исследователей социально-гуманитарного профиля не только рассуждать в тепличных условиях кафедр и научных конференций, но и напрямую общаться с многоликим и пестрым обществом, которое они изучают, находить общий язык с теми, кто, будучи формально далеким от их дисциплины, является потенциальным потребителем ее продуктов.

Интернет подрывает возможности привлекательной формулы “наука для научных работников”, которая реализуема только при гарантируемом финансировании без лишних раздражающих вопросов “кому это нужно” со стороны политиков, чиновников, журналистов и широкой публики. Логика демократизации ведет к тому, что плоды наук об обществе должны получать признание со стороны разных представителей общества, в большинстве своем не имеющих специального образования в этой сфере».

Впрочем, у такой точки зрения есть и серьезные оппоненты, которым разграничение этих двух миров кажется необходимым: «Уверен, что в Сети просто необходимы своеобразные научные клубы по интересам, где ученые могли бы обмениваться мнениями, спорить или вести дискуссии. <...> Но клубы такие должны быть полузакрытыми, т.е. в них обязаны наличествовать строгие ограничения на возможность действий для рядового пользователя, например, на свободное вступление в беседу. Пусть имеют возможность читать — но не вмешиваться» (Игорь Алимов; ср. также высказывания многих участников относительно критериев научности в ответах на первый вопрос). По-видимому, разная скорость и разные векторы движения здесь, не в последнюю очередь, объясняются дисциплинарной спецификой: социолог, для которого Интернет является важнейшей площадкой для полевого исследования, не может не видеть ситуацию иначе, чем специалист по средневековым китайским рукописям.

Об опасностях, проистекающих из всеобщего слома барьеров, предупреждает и Катерина Губа: «Версия дигитального развития научного мира в виде свободного размещения текстов в от-

крытом доступе выглядит как преодоление институциональных барьеров, через которые обычно проходит текст, прежде чем превратится в научное знание. <...> Однако эта ситуация свободы одновременно рассматривается как разрушительная сила, способная уничтожить привычный академический мир. Это связано с огромным увеличением издержек по выбору нужных текстов для собственной исследовательской деятельности». Впрочем, по мнению этого автора, пока что эти опасности — скорее предчувствие, чем реальность сегодняшнего дня: «Новые формы коммуникации и следующие за ними новые текстовые форматы еще далеки от того, чтобы стать признанным элементом институциональной инфраструктуры науки. <...> Пока основным источником научных достижений будут выступать научные публикации, академический мир сохранит устойчивость к попытке переопределить границы научного знания».

3

Отвечая на третий вопрос, участники традиционно разделились на три группы. Впрочем, надо признать, что здесь такое разделение еще более условно, и речь идет не о взаимоисключающих, а скорее о взаимодополняющих позициях.

Итак, «осторожные» авторы считают, что «сориентироваться Сеть помочь может. Найти же достоверное знание — как правило, нет. Нужно просто отдавать себе в этом отчет. (Если мы не ведем, конечно, речь о легальных сетевых библиотеках <...>)» (Игорь Алимов). «Полагаться *только* на Интернет могут только “троечники” по жизни (и в науке). <...> Принцип “доверяй, но проверяй” здесь, как и вообще в науке, должен быть руководством к действию» (Михаил Красиков). Наверное, многим представителям старших поколений хочется шагнуть с хлипкой мировой Сети к уютной и надежной книге: «Проблему верификации данных, найденных мной в Интернете, решаю <...> в первую очередь с помощью *бумажных* научных изданий» (Елена Носенко-Штейн).

Иначе ставит вопрос Элен Руттен, претензии которой к поисковым механизмам Интернета весьма конкретны: ее не устраивает «ненадежность таких онлайн-инструментов, как Google Search. Хотя я интенсивно пользуюсь этой поисковой системой для научных целей (либо просматривая библиографические источники, либо собирая первичные материалы), списки, которые выдает поисковая система — неполны и пристрастны. <...> Однако вполне удовлетворительной альтернативы обращению к поисковой системе Гугла я пока не нашла».

Другую группу составляют «уверенные» авторы, которые считают Интернет самодостаточным инструментом: «Интернет

предоставляет возможность копировать тексты, но он же часто позволяет устанавливать и первоисточник или, по крайней мере, выяснять, кто и что откуда скопировал. Конечно, чтобы понимать это, нужны как опыт поиска в Интернете, так и определенные навыки работы с источниками вообще. Вполне вероятно (по крайней мере, хотелось бы надеяться), что придет время и в числе источниковедческих дисциплин появится какое-нибудь «интернетоведение»» (Мария Ахметова). «Интернет не только является источником массы недостоверных и искаженных текстов, но и предоставляет огромные возможности для проверки информации» (Дарья Радченко).

Наконец, «энтузиасты» уже перешли психологический рубеж, за которым стихает шелест бумажных страниц и стук печатного станка; они готовы воспринимать электронную версию как первичную. Так, Ивану Гринько «ряд изданий очень сложно, а то и просто невозможно представить в печатном виде — для примера подойдут справочник “Ethnologue: Languages of the World” или аналитический каталог Ю.Е. Березкина»¹.

Отдавая должное необходимой осторожности в обращении с интернет-источниками, приходится признать правоту Владимира Ильина, подтверждения которой вряд ли придется долго ждать: «Интернет как пространство научной коммуникации девальвирует традиционные бумажные публикации. Старшее поколение этого пока еще не замечает, но в студенческой среде растет число людей, которые берут в руки обычные книги и журналы лишь в безальтернативной ситуации. Для них текст, который не выложен в Интернете, не существует. Это поколение пока еще не определяет погоду в науке, но очень скоро оно неизбежно вытеснит носителей бумажной культуры». Конечно, пока еще «современные научные издательства, оставшись в эпохе бумажной продукции, выполняют консервативные функции, сдерживая научную коммуникацию в новых формах», но вряд ли этим издательствам удастся долго удерживать оборону. Естественно, это не означает, что через 20–30 лет книги исчезнут совсем: во-первых, они необходимы как средство сохранности текста — за полвека сменяются десятки поколений электронных форматов, и всякий текст, вовремя не конвертированный, может пропасть безвозвратно, если только он не был предусмотрительно распечатан на бумаге. Во-вторых, уйдя из массового обихода, бумажные издания вполне останутся как объект исследования специалистов, подобно тому, как сохраняют свое значение рукописи.

¹ Стоит отметить в этой связи, что с первого до последнего (на настоящий момент — 16-го) своего издания “Ethnologue” выходит и в печатной версии; указание на это содержится и на домашней странице этого справочника в сети, <<http://www.ethnologue.com/>>.

Сознавая неизбежность всеобщего перехода на электронные носители и интернет-публикации, участники дискуссии предлагают вполне конкретные меры, которые должны сопровождать такой переход. Это касается, в частности, упорядочивания научного аппарата в новых условиях: «В целом представляется необходимым создание в рамках научного сообщества системы ссылок на интернет-ресурсы, так, как это было сделано в свое время для бумажных носителей, и требование, по крайней мере для вновь создаваемых сайтов сообщества, неукоснительного ее использования» (Татьяна Золотова, Наталья Ефимова). Настоятельной потребностью становится и обновление методов подготовки студентов: «Самыми ценными навыками для студентов остаются именно навыки самостоятельного выявления нужной, достоверной информации из безграничного моря Интернета и других источников. Задача преподавателей — ориентировать студентов, предлагать им критерии отбора информации, обсуждать с ними ограничения Интернет-ресурсов» (Анна Желнина).

4

Содержащийся в четвертом вопросе посыл о слабой отрефлексированности в нашем научном сообществе темы «Интернет как поле» не подтвердился. Как пишет Анна Желнина, «поиск в специализированном научном поисковике Google Scholar по сочетанию ключевых слов “Интернет” и “социальные сети” только на русском языке выдает больше 19 тысяч результатов, что говорит об огромной популярности этой темы среди отечественных ученых». Да и выступления дискуссионщиков показали, что в этой сфере накоплен уже достаточно солидный опыт, которым они охотно делятся с коллегами.

Самое очевидное направление — это систематический поиск информации в Сети: «Конечно, Сеть не может заменить экспедиций. Но благодаря поиску в Интернете и анализу найденных текстов можно выявлять современное бытование различных ритуальных практик, текстов и их вариантов, речевых клише (в том числе, например, их региональное распространение), не выходя из дома» (Мария Ахметова).

Не менее важной оказывается отработка системы сохранения информации, найденной в Сети: «Если материалы Интернета не проходят формального процесса экспертной оценки, то их значимость определяется другими критериями: например объемом собранной информации. Уже понятно, что значительная часть научной работы в сфере Интернета будет в ближайшее время заключаться в сборе того, что стоит сохранить. <...> Мы окружены мимолетной информацией» (Дэвид МакФадьен). «В результате высокой скорости передачи информации в Сети, а также сочетания в одном информационном поле (иногда даже в рамках одного текста) синхронной и асинхронной ком-

муникации зафиксированный текст становится неустойчивым, подверженным изменениям и даже исчезновению. Соответственно весь комплекс интернет-фольклора также оказывается достаточно текучим, изменчивым как с точки зрения набора текстов, так и с точки зрения процессов, происходящих с ними» (Дарья Радченко).

При этом исследователю рекомендуется придерживаться некоторых достаточно простых правил, благодаря которым собранный материал приобретает статус полноценного источника: «Необходимо при всех публикациях указывать дату последнего посещения сайта, поскольку он может исчезнуть. <...> Другим важным правилом, особенно при работе с блогами, является получение личного разрешения владельца блога. И его отказ столь же значим, как и отказ информанта от интервью при личном общении» (Лариса Фиалкова).

Активно работающие в Сети исследователи понимают, что «Интернет — это параллельное социальное пространство, порождающее собственную информацию. В силу этого формируется и параллельное исследовательское поле, не уступающее по значимости традиционному “реалу”, но обладающее спецификой, дополнительными возможностями и ограничениями» (Владимир Ильин). В качестве исследовательских площадок рекомендуют использовать блоги и социальные сети, где можно через комментарии выходить на интернет-интервью, при этом облегчается обсуждение даже самых закрытых и интимных тем. Другими такими площадками могут служить сайты газет и журналов; можно идти по пути создания фокус-групп.

При этом необходимо учитывать социальную и возрастную стратификацию по степени вовлечения людей в виртуальное пространство, а с другой стороны — «нельзя забывать о том, что эти **Homo Interneticus** еще существуют и в реальной жизни, и интернет-дискурс для них не единственный (хоть, может быть, и очень важный), а потому весь арсенал традиционных культурно-антропологических методов работы тут непременно должен быть задействован» (Михаил Красиков). Эту же проблему затрагивает и Анна Желнина: «Есть большой риск, что результаты исследований, проведенных на материале социальных сетей, будут выдаваться за общезначимые». Впрочем, если ясно отдавать себе отчет в особенностях интернет-поля, не ожидать от него больше, чем оно может дать, результаты исследования могут быть вполне валидными: «Понятно, что репрезентация социума здесь специфична. Например, так называемые интерактивные опросы создают заведомо ложное представление о реальных соотношениях социальных черт и мнений. Но для решения задач типологизации явлений и про-

цессов, для выявления нарождающихся тенденций обращения к Интернету может оказаться вполне достаточно. Разумеется, мониторинг “картины мира” в Сети требует специальных процедур корректировки. В то же время в ситуации плюрализма отображений возможно и своего рода взаимопогашение аберраций» (Андрей Алексеев).

Те, для кого главный объект изучения — язык и тексты, отмечают характеристики, присущие именно Интернету и не существующие вне Сети: «Интернет может служить естественной средой бытования текстов и поведенческих практик (смайлики, “албанский язык” и проч.) или же местом для их описания и обсуждения» (Ирина Назарова). «В процессе коммуникации в интернет-формах, которые предполагают межличностное общение (чат, форум, блог) в режиме реального времени или максимально приближенного к реальному, текст синхронно функционирует и как устный, и как письменный. Устоялся термин “устно-письменная коммуникация”: текст вводится в Сеть в письменной форме, но при этом сохраняет характеристики спонтанной устной речи» (Дарья Радченко).

Отдельная тема — особенности взаимодействия ученого и информанта при интернет-исследовании. Как выясняется, такой тип взаимодействия имеет определенные преимущества по сравнению с живым общением:

«В отличие от сбора устного фольклора, где исполнение инициируется запросом собирателя или, при изучении в естественной среде, часто изменяется под влиянием присутствия собирателя, при исследовании интернет-фольклора собиратель остается “невидимым” и может полноценно фиксировать как текст, так и ситуацию его воспроизведения в реальном времени или *post factum*» (Дарья Радченко).

«Вообще же контент, порожденный пользователями, форумы и блоги ценны для исследователя тем, что пользователи порождают тексты друг для друга, отражающие не только их язык, но их мнения и заботы. Вот она, голубая мечта наивного этнографа о поле, не испорченном возмущающим воздействием наблюдателя!» (Илья Утехин).

Впрочем, как водится, естественным продолжением этих достоинств оказываются недостатки: «Проблема, однако, как всегда, заключается в том, что, не являясь участником и лишь подглядывая, мы не всегда можем интерпретировать эти материалы и оценить их репрезентативность» (Илья Утехин). «Сохраняется существенная проблема недостатка знаний о контексте высказывания в Интернете: исследователь часто имеет дело с материалом в вакууме, мы ничего не можем узнать о при-

чинах его возникновения, авторе, его мотивации <...> Естественно, при определенной постановке вопроса эти ограничения могут быть незначимыми, но важно, чтобы исследователь понимал эти ограничения и действовал соответственно — привлекал дополнительные источники для сравнения или озвучивал причины, по которым это не нужно» (Анна Желнина).

В Интернете возникают не только новые формы языка и новые текстовые жанры, но и новые типы социальных групп:

«Наиболее интересным и специфическим для Интернета явлением оказываются онлайн-сообщества. Коммуникация, опосредованная компьютером, достигла такой зрелости в своем развитии, что существенно расширила повседневную реальность новым типом института, отличающимся от привычных социальных институтов» (Илья Утехин). «Понятие “локальности” становится не географическим, а сетевым. Возникают новые транслокальные и даже надъязыковые сообщества и связи» (Дарья Радченко).

При этом в определенных условиях такие виртуальные сообщества могут превращаться во вполне реальные группы; массовые примеры таких трансформаций нам дают арабские революции. Но, конечно, это явление не сводится к протестным акциям, оно значительно шире:

«Социальные инициативы, возникшие как волны возмущения в социальных сетях, со временем могут превращаться в реальные инициативные группы, а новые технологии коммуникации кардинально менять особенности деловой и профессиональной активности. Изучение этих взаимосвязей, которое многое может объяснить про устройство современного общества, возникновение новых социальных движений и сил, инструментов идеологического и маркетингового манипулирования, не должно ускользнуть от обществоведов» (Анна Желнина).

На мой взгляд, дискуссия показала, что гуманитарное научное сообщество вполне справляется с вызовом, брошенным ему развитием современных информационных технологий, даже если сделать поправку на то, что ее участники не являют собой репрезентативную выборку: понятно, что упоминаемый Еленой Носенко-Штейн московский гуманитарий среднего поколения, который по сю пору не обзавелся компьютером и Интернетом, в такую дискуссию вряд ли вступит. Но вряд ли у такого ученого есть будущее.

Спасибо всем, кто принял участие в этой дискуссии.

Валентин Выдрин